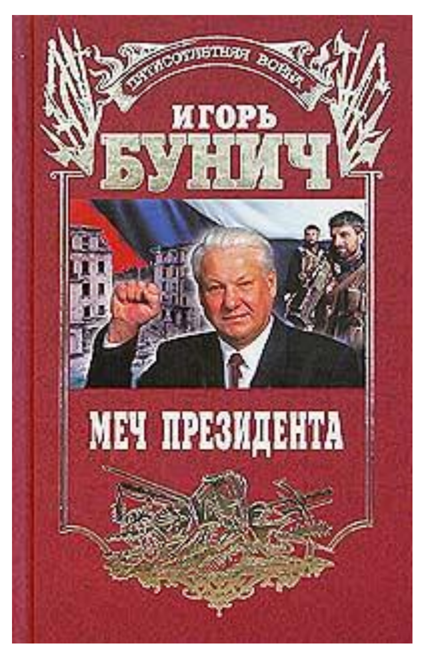
Бунич Игорь

Меч президента

Всем тем, кто погиб НИ ЗА ЧТО в октябрьские дни 1993 г.

«Господь! Неужто это чудище

С врагом сражалось нашей ратью,

А вождь был только рукоятью

Его меча, слепой, как мы».

Даниил Андреев, «Апокалипсис»

* * *

Танк вздрогнул от запускаемого двигателя, выплюнул выхлопом голубоватый дымок и грозно повел своим мощным 125-мм орудием.

На танки, подобные этому, возлагались большие надежды, а потому все послевоенное время, то есть в течение полувека, они постоянно совершенствовались, впитывая, подобно губке, лучшие инженерные решения и высокие технологии из самых разных областей науки, как фундаментальной, так и прикладной.

Композитная броня, рассеивающая смертоносную кумулятивную струю, но в то же время непроницаемая и для бронебойных снарядов. Гироскопическая башня, лазерный прицел, цифровые процессоры целеуказаний, радары поиска и фиксации цели, работающие в автоматическом режиме, мощные, форсирующие двигатели, позволяющие развивать скорость до 70 км/час. Эти танки с одинаковой легкостью шли через снега и пески, болота и размытые горные дороги. Их боевые характеристики были доведены до возможного максимума на многочисленных полигонных испытаниях и проверены в реальных боевых условиях: в огне Афганистана, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Десятки тысяч этих танков, сконцентрированных на линии водораздела между Западом и Востоком, вдоль границы ГДР и ФРГ, Австрии и Чехословакии, служили предметом вечной головной боли у

стратегов НАТО, понимающих, что остановить этот танковый вал, если он накроет Западную Европу, обычными средствами будет невозможно, что заставляло постоянно отказываться от неприменения первыми ядерного оружия, давая дополнительные козыри советской пропаганде.

На многочисленных оперативно-командных и штабных играх советских вооруженных сил отрабатывались различные варианты кинжальных танковых ударов по Западной Европе с быстрым выходом к Ламаншу и побережью Атлантического океана.

Современные тренажеры и имитаторы давали возможность отработать тактические приемы использования танков прорыва в любых условиях, в том числе и в крупных городах с многомиллионным населением.

В огромном количестве штабных методик и наставлений было предусмотрено практически все: оптимальное расположение танков для поддержки здания рейхстага в Бонне, здания Национального собрания в Париже, здания Европейского парламента в Брюсселе и даже здания парламента в Лондоне с особым указанием, что на башне Биг-Бен могут быть развернуты специальные группы, вооруженные базуками и гранатометами. Компьютеры, обеспечивающие работу тренажеров, могли в доли секунды представить каждое из зданий в любой проекции, выделить наиболее опасные этажи и отдельные окна, подлежащие обстрелу из танковых орудий в первую очередь.

Все эти методики и наставления ждали своего часа в сейфах секретных отделов штабов различного уровня, готовые перекочевать в боевые подразделения в нужный момент, диктуемый реальной обстановкой.

Но когда этот момент настал, нужного наставления не оказалось даже в Генеральном штабе. Пришлось импровизировать на ходу. Не было ни фотографий здания, ни схемы подходов к нему через паутину улиц гигантского города, ни компьютерных проекций, даже простого плана на обычной синьке, хотя это, возможно, было самое крупное здание парламента в Европе, если не в мире.

Но даже в кошмарном сне никто никогда не предполагал, что здание придется когда-нибудь штурмовать войскам при поддержке танковых орудий, шквального огня бронетранспортеров и боевых машин пехоты, заглушающих уханье гранатометов и непрерывный грохот автоматных очередей.

В перекрестии сотен прицелов стояло величественное белое здание Верховного Совета РСФСР, увенчанное башней с огромным барельефным изображением герба погибшей империи и часами, стрелки которых остановились в 10 часов 3 минуты утра 3 октября 1993 года, когда в гигантское здание ударил первый танковый снаряд…

А на танках, как и в былые времена, когда они, подняв тучи пыли на бесчисленных танкодромах, жадно поводили огромными орудийными стволами в сторону сулящего богатую добычу Запада, алели красные звезды. Красные звезды с «серпами и молотами» алели на фуражках, беретах и пилотках офицеров и солдат, поливающих свинцовыми очередями здание Верховного Совета собственной страны. Клубы густого черного дыма, вырывающиеся вместе с языками пламени из расстрелянных окон, закоптили вместе со всей верхней частью здания и огромный серп и молот на барельефном гербе.

Казалось, что вкладываемая десятилетиями в души людей энергия уничтожения в слепой ярости, подобно вырвавшейся разрушительной стихии, обрушилась на своих создателей, потерявших контроль над созданным их же руками монстром. Чудовище, выращенное для уничтожения и пожирания соседей, но лишенное этой возможности, бросилось на своих хозяев. Мало тех, кто осознал этот факт достаточно четко, хотя многие понимали это инстинктом, пытаясь повернуть чудовище и его нерастраченную энергию разрушения на периферию страны. И чудовище, лязгая танковыми гусеницами, воя авиационными двигателями, рыча установками «Град», захлебываясь пулеметными и

автоматными очередями, изрыгая огонь и смерть, пронеслось по окраинам развалившейся страны, извиваясь, норовя выйти из-под контроля полностью, нацеливаясь на сердце бывшей империи — Москву.

Советская империя за долгие годы своего существования фактически ничем не занималась, кроме производства оружия в совершенно немыслимых количествах. Это диктовалось и безумными идеями ее основателей, и неверно понятой логикой развития мировых процессов, и вечным страхом перед собственным народом, лучшим способом оболванивания которого был признан лязг оружия.

Это было уже не одинокое «чеховское» ружье, обязанное выстрелить в последнем акте только потому, что в первом оно висит на стене. Все четыре стены советского «дома» были завешаны гроздьями самого разнообразного оружия, оно грудами лежало на полу и гирляндами свисало с потолка. По методе Станиславского, оно обязано было начать стрелять, и стрельба началась…

Запылала Средняя Азия и Кавказ, загрохотали орудия в Молдове, танки залязгали по улицам прибалтийских столиц и, практически не останавливаясь, ворвались в Москву в августе 1991 года, завершая целую вереницу своих походов по столицам: Будапешт, Берлин, Прага, Кабул, Тбилиси, Баку, Вильнюс, Москва.

Смертоносная змея закусила собственный хвост, ужас охватил противоборствующие стороны в августе 1991 года при виде разверзшейся перед ними бездны, на краю которой они оказались.

Великая атомная сверхдержава готова была не только развалиться, что с ней уже произошло, но и провалиться в тар-тарары, потеряв последние остатки государственности и превратясь в груду архаических развалин, ощетинившихся ядерным оружием.

Танки и бронетранспортеры, перепахав улицы собственной столицы, воздержались и от стрельбы вообще, и по Белому Дому в частности, где засели сторонники президента Ельцина, готовые, по их собственным словам, защищаться до последней капли крови.

С одного из танков Ельцин, как Ленин с броневика, объявил о начале новой эпохи в истории страны — эпохи демократии, свободы и права, основанной на демократическом, принятом во всех «великих демократиях» мира, разделении властей на исполнительную, законодательную и судебную, на полной свободе печати и слова, общественных собраний и манифестаций. И чтоб никто уже не мог этому помешать, было торжественно объявлено о запрещении и роспуске КПСС, о передаче ее собственности в казну.

Все это внесли в старую сталинско-брежневскую конституцию и торжественно поклялись ее неукоснительно соблюдать, забыв только об одном.

Впрочем, возможно, и не забыли, а просто не знали за неимением опыта. Не знали о том, что «ДЛЯ ТОГО, КТО ЛЮБИТ ДЕМОКРАТИЮ, ТА СОЗДАЕТ ТОЛЬКО ОДНИ ПРОБЛЕМЫ, ДЛЯ ТОГО, КТО ЕЕ НЕНАВИДИТ — НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ».

Так и случилось.

Ельцин, Руцкой и Хасбулатов, обнявшись, позировали перед телекамерами всех информационных агенств мира. Это выглядело эффектно, особенно на фоне понуро спускающегося по трапу Горбачева, освобожденного из форосского заключения. Одетый в поношенный пуловер президент СССР сопровождался автоматчиками, по виду которых трудно было сказать: эскорт или конвой.

Каждому школьнику в необъятной стране было известно, что Горбачева предали его ближайшие сотрудники.

Вице-президент Янаев, коварно вознамерившийся стать президентом.

Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов, коварно вознамерившийся стать генсеком.

Председатель КГБ Крючков, коварно мечтающий, как и все его предшественники, о личной диктатуре.

Министр обороны — маршал Язов, никому неизвестный генерал, которого добряк-Горбачев, в обход всех законов, сделал маршалом, о чем тот и во сне не мечтал. А став маршалом, видимо, возгордился и коварно возмечтал стать генералиссимусом.

Их всех, включая еще дюжину разных мелких людей (от начальника охраны до начальника канцелярии), отправили в тюрьму и возбудили уголовное дело по подрасстрельной 64-й статье.

То-то было радости и всенародного ликования.

Русский народ веками радовался, когда разных там министров и вельмож волокли на плаху или бросали в тюрьму, или когда самого царя вместе со всем его семейством ставили к стенке. Не меньше он радовался, когда членов ЦК и вчерашних маршалов-кумиров расстреливали или превращали в лагерную пыль.

Радостно шумел народ на митингах и всемерно одобрял. Даже иногда требовал, чтобы и еще кого-нибудь посадили или расстреляли. И никогда, особенно за последние 70 лет, народу в этом не отказывали.

Возрадовался народ и на этот раз.

При огромном стечении московского народа вышли на балкон Белого Дома в обнимку Ельцин, Руцкой и Хасбулатов в виде триединого союза: президент, вице-президент и спикер.

Похоронили трех, задавленных танками той суматошной ночью, и стали строить новую демократическую Россию, которая впервые за свою тысячелетнюю историю должна была превратиться в правовое государство. В чем все торжественно поклялись на сталинско-брежневской конституции. А в доказательство, что не шутят, свернули памятник Феликсу Дзержинскому, что возвышался на Лубянской площади напротив КГБ.

Шлюз демократии был вторично открыт после февраля 1917 года. То, что тогда вылилось через этот шлюз на страну, было общеизвестно и еще очень свежо в памяти.

Все с интересом стали ждать, что выльется на страну через этот шлюз при его вторичном и столь шумном открытии.

Ждать пришлось недолго. Почти мгновенно обвалился и с треском развалился Союз Советских Социалистических Республик. Оказалось, что военно-полицейские империи могут существовать только в условиях тоталитарного управления.

Это была теория, которую знали почти все, но, как водится в России, никто к теории серьезно не относился. А проще говоря, никто в нашей стране ни в какие теории никогда не верил. Поэтому, когда развал страны стал свершившимся фактом, многие были захвачены врасплох.

Некоторым утешением служило то, что Россия была объявлена суверенным государством, а по разным телеканалам демонстрировались одиночные камеры «Матросской тишины», где в элегантных спортивных костюмах фирмы «Адидас» томились Лукьянов, Крючков, Язов, Янаев, Варенников и Павлов.

Это была новинка, поскольку народу никогда не показывали, как, скажем, томятся в камерах Бухарин, Ежов или Берия. Или хотя бы маршал Кулик.

На этом фоне еще эффектнее выглядели кадры нерушимого триумвирата: Ельцин, Руцкой и Хасбулатов. Из-за могучего плеча Ельцина выглядывал Ростропович, впервые и жизни, во имя спасения Родины, сменивший виолончель на автомат Калашникова. Из-за плеча Руцкого виднелось популярное лицо Никиты Михалкова. А Хасбулатов молча посасывал трубку, потеряв много сил в борьбе с Бабуриным за место председателя Верховного Совета РСФСР.

Союз исполнительной и представительной властей с лучшими представителями национальной интеллигенции, по традиции живущей либо постоянно, либо большую часть времени за рубежом, символизировал национальное единство и общественную гармонию как нельзя лучше. Даже трубка Хасбулатова пока не вызывала никаких аналогий. И он, и Руцкой любую речь и даже короткое сообщение начинали следующими словами: «Борис Николаевич поручил мне…» или «Я сегодня встречался с Борисом Николаевичем, и он решил…»

В такой идиллии незаметно пролетела вся вторая половина 1991 года.

В самом начале 1992 года суверенная Россия, как птица-тройка, лихо развернувшись на колдобинах старого тоталитарного пути, попыталась перелететь на широкую, асфальто-бетонную магистраль рыночной экономики. И сразу убедилась, что современные автострады совсем не предназначались для лихих троек…

Шел январь 1992 года…

Сноп огня вырвался из танкового орудия. Тысячеголосо ахнула толпа, запрудившая площадь Свободной России. Гром выстрела ударил по барабанным перепонкам, посыпались стекла в соседних домах. Где-то в районе четырнадцатого этажа здания Всероссийского парламента вырастает причудливый белый цветок с остроконечными лепестками, огромный и страшный, — рокот накрывает площадь.

Через пустые глазницы окон валят клубы черного дыма, летят какие-то бумаги, оседая на площадь стаей причудливых птиц, водопадом осыпаются стекла с нижних и верхних этажей.

Снова залп из танковых орудий, совпавший с яростным лаем скорострельных пушек бронетранспортеров…

На ультракоротких волнах все, кто имел включенными ультракоротковолновые диапазоны своих приемников, могли услышать истерические крики бывшего вице-президента страны, а ныне параллельного президента, Александра Руцкого. Сидя под массивным письменным столом для совещаний, почти в полной темноте Руцкой кричал в микрофон: «Помогите! Я вас умоляю! Помогите! Они убивают всех… Женщин и детей… Расстреливают… Я вас умоляю, помогите! Летчики, поднимайте самолеты! Бомбите Кремль! Там банда… Преступная банда! Они убили здесь уже 500 человек! Я умоляю вас!».

Хасбулатов молча сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Накурившись, он был внешне спокоен. Такова воля Аллаха. Он поднял его, ссыльного чеченца, на небывалую высоту в фактически чужой и враждебной стране. Он снова бросает его в бездну.

Взрыв грохнул где-то в соседнем помещении. Послышались крики. Сначала просто неразличимый вой, а затем вопль: «Носилки! Помогите раненым!». Снова грохот и звучная дробь автоматных очередей.

ШЕЛ ОКТЯБРЬ 1993 ГОДА.

Не прошло еще и двух полных лет демократического развития суверенной России, а в центре Москвы уже били танки.

Где-то в темном кабинете, откуда истерически звал на помощь Руцкой, среди вороха разбросанных по столу бумаг, лежал приказ об аресте и расстреле президента Ельцина, об аресте всех членов его семьи в лучшем духе старых коммунистических традиций.

Сквозь треск помех работающей на прием рации прозвучал знакомый голос: «Руцкой, сдавайся!».

Бывший вице-президент всхлипнул в микрофон: «А если сдамся, то расстреляете? А? Убьете?».

«Там посмотрим, — сказал голос. — Что с таким пидаром и козлом делать? Ты же застрелиться обещал».

«Х… вам! — зло завопил Руцкой. — Не дождетесь, е… вашу мать, чтобы я застрелился. Я еще всю правду расскажу про вас всех!»

Вместо ответа из рации неожиданно грянула песня: «Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, прямо скажем, делать нечего…» Слезы текли по щекам Руцкого.

«Виктор, — продолжал он истерически кричать в микрофон, — ты меня слышишь, е… твою мать?! Ты за все мне ответишь, тварь!»

«Отвечу, — согласился голос. — Ты выйди, дурак, на балкон. Там 10 дивизий, которых ты ждешь, пришли к тебе присягать. Долго они ждать будут? Давай, сдавайся. Мы знаем, где ты сидишь. Сейчас из танка тебя приголубим так, что и хоронить будет нечего. Ты понял?».

Неожиданно ожил стоявший на полу селектор. Голос Сергея Парфенова, как всегда, спокойный, доложил: «Альфа» в здании».

Руцкой схватил трубку радиотелефона и, тяжело дыша, стал набирать код из четырех цифр. Никто не отвечал.

Снова раздался голос Парфенова: «У них приказ стрелять на поражение, если мы окажем сопротивление. А потом поди разбери, оказывали мы сопротивление или нет».

Наконец, телефон ответил, и Руцкой, захлебываясь срывающимся голосом закричал: «Валера, это ты, е… твою мать? Ты что, скрылся? Помоги, погибаем. Что?»

«Сдавайся, Саша, — мягким голосом посоветовал председатель Конституционного суда России Валерий Зорькин. — Не получилось на этот раз. Сдавайся».

«Как сдаваться, — орал в трубку Руцкой. — Валера, я только что послал с белым флагом — располосовали людей. Потом подошли и в упор добили. Ведь тот же Ерин дал команду: свидетелей не брать. Они знают, что у нас звукозаписи есть, видеозаписи, начиная со второго числа: кто давал команды, когда давал команды, где стреляли, как убивали людей. Неужели ты не понимаешь, мы — живые свидетели! Они нас живыми не оставят. Я тебя прошу, звони в посольства. Посади человека, пускай звонит в посольства…».

«Саша, — все также мягко проворковал Зорькин. — Мне Черномырдин и Ерин гарантировали твою личную безопасность…»

«Врет Черномырдин! Врет Ерин! — завизжал Руцкой. — Я тебя умоляю, Валера! Ну, ты понимаешь?! Ты же верующий, е… твою мать! На тебе же будет грех!»

«Что я могу сделать? — в голосе председателя Конституционного суда появились нотки раздражения. — Начни переговоры…»

«Валера, — тяжело дыша, путаясь в словах, кричал Руцкой. — Они бьют из пушек. Из пушек! Если бы ты сейчас увидел, на что сейчас…»

«Вы сами не стреляйте», — посоветовал верховный юрист страны.

«Да не стреляем мы! — со злостью заорал Руцкой. — Ты посмотри — тишина.

— Вот я отнимаю трубку от уха, послушай, — тишина!»

«И чудненько, Саша, — ответил Зорькин. — И они не стреляют. Я вижу по телевизору. Вот и начните переговоры…»

«Идет перегруппировка, — перебил его бывший вице-президент. — Танки разворачиваются в боевой порядок. Будут бить залпами. Я тебя прошу, звони в иностранные посольства, пускай иностранные послы едут сюда».

«Ну, ты понимаешь, — уже со злостью сказал Валера. — Что я буду позориться — звонить в посольства. Я снова позвоню Черномырдину и Ерину и предупрежу их о персональной ответственности…»

«Черномырдин и Ерин врут, — снова сорвался на визг Руцкой. — Не надо им звонить! Ты лучше связывайся, как я тебе, е… твою мать, сказал, с иностранными посольствами! Посади человека, пускай связывается! Ну, неужели мировое сообщество даст расстрелять

свидетелей?! Ведь надо разобраться потом будет. Ведь они убийцы, ты понимаешь или нет? Руслан, скажи ему… Але! Валера! Але! Падла, бросил трубку! Сука! Руслан, позвони ты… Ну, что ты сидишь, как мудак? Убьют же нас всех сейчас, Руслан!»

Но Хасбулатов молчал.

Может быть, именно сейчас, в момент, когда стало уже совершенно ясно, что все его планы рухнули, в просветлении наркотического покоя, он вдруг, с полной остротой, осознал, что произошло.

Его обыграли в наперсток с такой же простотой, с какой обыгрывают на площади у Курского вокзала впервые приехавшего в столицу дубового провинциала, пожелавшего слегка поразвлечься и проигравшего за 10 минут все: и наличные деньги, и шмотки, и даже дом в Орловской области. Даже жену с детьми. И все — с простотой необыкновенной.

Как же он так, как глупая муха, попался в паутину? Казалось, все было взвешено и продумано до мелочей.

Всем надоевший, малограмотный и вечно пьяный президент. (Видел ли он сам президента пьяным? Вроде, нет. Да, пили вместе, но все было в полном ажуре, как говорится. Но показывали видеозапись, и не одну, сделанную людьми Баранникова, и еще раньше — свердловским КГБ по приказу Андропова. И столько показаний и рассказов. Начиная со знаменитой статьи в «Правде», якобы перепечатанной из итальянской «Републик», до рассказа Вощанова, как Ельцин, прилетев на встречу с госсекретарем США, был настолько пьян, что был не в состоянии выйти из самолета. Встречу отложили, сославшись на внезапную болезнь. «Не верь ничему, чего не видел собственными глазами», — гласит мудрая кавказская пословица. Поздно она ему вспомнилась!).

Цвет нации, собравшийся в Верховном Совете и вокруг его, открыто призывающий его, спикера, спасти страну, свергнув оккупационное правительство, которое, развалив страну, разрушив экономику и доведя до крайней нищеты народ, ныне продолжает проводить антинародную внутреннюю и внешнюю политику, уничтожая последние остатки русской государственности.

Хасбулатов хорошо знал, что это не так. Он стоял рядом с Ельциным, когда развалился Советский Союз, ограбленный до нитки смывшейся с исторической сцены КПСС. Он был в числе тех первых лиц нового российского руководства, которые пришли в ужас при виде того наследства которое им оставила, сбежав, преступная партия коммунистов, успевшая напоследок еще раз засунуть страну на три десятилетия вперед в финансовую кабалу Запада.

Будучи экономистом по образованию, Хасбулатов лучше других понимал, что меры, предлагаемые группой Гайдара, сулят хоть долгий и мучительно трудный, но выход из того смертельного тупика, в который загнали страну бредовые идеи Ульянова-Ленина и последующие 70 лет политического и экономического маразма.

Именно ему, экономисту, представителю гордого, репрессированного народа, президент вручил руководство Верховным Советом России, хотя многие советовали этот Верховный Совет разогнать и назначить новые выборы еще тогда, в 1991 году, сразу после провала коммунистического путча.

Не обманывая самого себя, он понимал, что Ельцин «вручил» ему Верховный Совет, заставив после провала августовского путча в страхе замолкнуть визгливую коммунистическую трясину парламента, которая категорически не хотела нацмена Хасбулатова, пытаясь протащить на этот пост своего прямого ставленника, молодого юриста, авантюриста из Омска Сергея Бабурина, имеющего, помимо всего прочего, и прекрасные рекомендации от КГБ.

Но победа никогда не бывает полной, а тут ее не было и вообще. Была иллюзия победы, вылившаяся в опасную эйфорию, которая, в свою очередь, привела к полной безответственности на всех уровнях. К той самой безответственности, что на Руси всегда

называлась «вольницей», а ныне стала называться демократией. Веками в России слово «свобода» служило только антонимом «тюремного заключения», а близкое по значению слово «воля» — синонимом полной анархии и безответственности.

До сих пор никто толком не понимает значения английского слова «либерти», считая, что это не более, чем тип американских транспортных судов, в большом количестве переданных по лендлизу в годы второй мировой войны.

Там, где этого слова не понимают свобода либо не приживается и уходит непонятой, провожаемая автоматными очередями, либо приводит к последствиям, которые не способен предвидеть ни политолог, ни астролог.

Разделение властей немедленно привело к хаосу власти. Вернее, никакого разделения властей не было, а произошло то что могло произойти только в России: разделение правящего номенклатурного аппарата.

Веками Россией правил несокрушимый бюрократический аппарат. «Не я правлю страной, — заметил как-то в порыве откровенности император Николай I, — а сотни столоначальников».

После переворота 1917 года новый партийно-бюрократический аппарат, превратившийся на океанах народной крови в мощную цитадель партийной номенклатуры, привык править страной безотчетно и безответственно, имея в виду только собственные внутриэлитные интересы.

Разделенный после августовского путча 1991 года на две части, аппарат сразу же почувствовал дискомфорт от наличия еще какого-то параллельного аппарата, обладающего практически теми же полномочиями власти и не меньшим аппетитом.

Название тут не имело большого значения; какая ты власть, исполнительная или законодательная: главное — власть. А слово это в нашей стране всегда понималось однозначно: безраздельное господство над богатствами страны, ее народом и полное агрессивное нежелание что-либо менять в этом отношении.

Таким образом, вместо одной номенклатурной цитадели в послепутчевой России их возникло две, мгновенно погрязнувшие в острейшей конфронтации друг с другом по тривиальному вопросу: кто из них главнее и кто должен всем распоряжаться.

На освещенной авансцене все это в начале выглядело почти академической дискуссией: какой должна стать будущая Россия — парламентской или президентской республикой? А за кулисами сразу же началась ожесточенная война, ведущаяся без всяких правил и даже без намека на какое-либо подобие политического и дипломатического этикета.

Коммунисты, придя в себя от кратковременного августовского шока, увидев, что никто не только не собирается их запрещать, но и даже хоть как-то ограничивать их деятельность, быстро оправились и стали громко требовать политической реставрации в стране, затем с прогрессирующей наглостью перешли к конкретным действиям по всему широкому фронту внутриполитической и хозяйственной жизни страны.

Отлично понимая, что старая марксистско-ленинская идеология, с помощью которой они в течение семидесяти лет грабили и истребляли народ, себя полностью изжила, коммунисты, за неимением ничего лучшего и подчиняясь своему генетическому инстинкту людоедства, быстро сомкнулись с многочисленными националистическими, профашистскими и откровенно фашистскими полупартиями-полубандами, которые, как поганки после дождя, буйно проросли на всем пространстве посткоммунистической России, вскормленные и вспоенные деньгами покойной КПСС.

Даже ленинская «Правда», еще недавно бетонно-официальный форум «самого верного в мире учения», даже не сбросив с себя коммунистических орденов и не изменив шрифта, стала печатать статьи о кровожадных жидах, упивающихся кровью невинных христианских

младенцев, а затем уходящих от ответственности с помощью золота и продажных адвокатов. В качестве примера приводилось дело Бейлиса.

Можно себе представить, что сказал бы основатель этой газеты, прочитав эту статью. А прочел бы обязательно, ибо каждый рабочий день у него начинался с чтения именно «Правды», которую он негласно редактировал. Наверное, он бы не сказал ничего, а просто, по своей привычке, приказал бы Феликсу Эдмундовичу расстрелять всю редакцию газеты, добавив: «С наборщиками также разберитесь, батенька. Не замешан ли кто?».

Сам же основатель газеты «Правда» продолжал и в посткоммунистической России возлежать в своем помпезном мавзолее. И каждый час, под бой кремлевских курантов, гвардейцы кремлевского полка, печатая шаг, заступали на «пост №1», а два научно-исследовательских института со штатом в 1600 человек продолжали работать над телом и мозгом незабвенного вождя мирового пролетариата.

Несмотря на многочисленные публикации, показавшие истинный, звериный и человеконенавистнический образ Ленина, Дзержинского и их сообщников, ленинские «истуканы» продолжали десятками стоять в крупных городах, непременными символами непререкаемого божества возвышаться у гор— и сельсоветов, украшать официальные залы и начальственные кабинеты.

Что касается Феликса Дзержинского, то, если не считать его памятника на Лубянской площади, попавшего под горячую руку разъяренной толпы в августе 1991 года, его имидж почти не пострадал. Портреты железного Феликса продолжали украшать официальные кабинеты славных продолжателей его кровавых дел, все еще гордо именующих себя «чекистами».

Родная партия как бы исчезла, но ее боевой отряд, оставшись беспризорным, совсем не спешил отказываться от методик и задач, завещанных покойной родительницей.

Они, как всегда, оставались в тени, их не было видно, но во все поры посткоммунистического общества доносилось их жадное и хищное сопение, выдающее нетерпеливое желание снова кинуться на ненавистный народ и упиться, по привычке, его кровью.

Коммунистические бонзы — секретари обкомов и горкомов, родовая аристократия советского периода, поняв гениальный замысел своего последнего генсека Михаила Горбачева, вовремя успела перебраться в Советы или скрыться за широкой спиной президента Ельцина,

Годами они вырабатывали в себе полное презрение к собственному народу, называемому сквозь зубы населением, и в новых условиях собственного официального краха и развала «любимой Родины» — Союза Советских Социалистических Республик, вовсе не желали отказываться от своих «законных» прав и привилегий, а, напротив, делали все, чтобы еще на порядок поднять роскошь собственного бытия, не оглядываясь при этом, даже для приличия, на судьбу родины, не говоря уже о народе, в который раз обманутом и ограбленном.

В таких условиях разделение властей и не могло привести ни к чему другому, как к созданию двух мощных, чисто феодальных кланов, один из которых группировался вокруг президента, делая отчаянные попытки въехать в рынок с огромным военно-промышленным комплексом на спине.

Этот комплекс, составляющий 90% всего национального промышленного хозяйства, не желал ничего даже и слушать о каких-то конверсиях, продолжая заваливать погибающую страну горами оружия, которое уже не находило сбыта ни за рубежом, ни в собственной стране. Глухой, непробиваемой стеной стояли гордые бароны ВПК, вещая с трибун многочисленных симпозиумов и конференций всех уровней, временами переходя в открытый плач о снижении государственных субсидий, о гибели всей славянской культуры, которая, по

их мнению, не сможет существовать, не имея перед собой четкого врага, а не расплывчатый жидомасонский призрак.

Они требовали четкой военной доктрины, пусть не такой прекрасной, как у почившего СССР, стремившегося ко всемирному коммунистическому будущему, то есть к мировому господству, но хотя бы такой, которой и в мирное время необходимо было бы две-три тысячи танков в год и соответствующее количество прочего оружия.

Другими словами, они требовали себе львиную долю государственных расходов, решительно отказываясь перестраивать производство, чтобы выпускать вместо чудовищных подводных лодок, тысячи танков и ракет какие-то рыбацкие катера, холодильники, утюги, чайники или детские игрушки. Даже фермерская мини-техника, способная вывести страну из хронического сельскохозяйственного кризиса, вызывала у них дрожь омерзения.

Разве можно сравнить изящный многопрофильный мини-трактор с ракетным комплексом тройного лазерного наведения, которому, благодаря его мобильности, нет аналога в мире? И правительство продолжало бросать в жадную пасть ВПК триллионы, галопируя инфляцию, вздувая цены на все, чтобы иметь возможность выкупить у ВПК очередное чудовище, способное уничтожить быстро и эффективно все, что угодно, но бессмысленное и никому не нужное в реальных условиях.

Десятки, сотни тысяч высококвалифицированных рабочих и инженеров, цвет научной и технической мысли нации, загнанные преступным коммунистическим режимом и его безумной идеологией в тупик военного производства, с удивлением (что случилось?) и надеждой (что делать?), смотрели на своих директоров.

Директора всегда появлялись перед народом, вкупе с местным председателем совета, бывшим секретарем обкома, или каким-нибудь вельможным депутатом из бывших завотделов того же обкома. Суть их обращений к народу обычно сводилась к следующему: хотели Ельцина, хотели демократов, вот и подавитесь теперь ими!

Какой же выход они видели из создавшегося положения? Только один: возвращение к старым, добрым временам Советского Союза с его военно-полицейской идеологией, позволяющей при полном молчании народа конфронтировать со всем миром и жить в свое удовольствие.

Гордые бароны ВПК быстро сколотили собственную партию, которую возглавил поначалу Аркадий Вольский, бывший генерал КГБ и ответственный работник ЦК, для которого идеалом руководителя являлся Юрий Андропов, что и понятно, поскольку именно Андропов слепил из мелкого партчиновника Вольского достаточно крупного функционера, чтобы претендовать на высшие государственные должности в посткоммунистической России.

Хитрый и расчетливый Вольский, назвав свою партию «партией центра» (этакие мирные центристы), отлично понимал, что по нынешним временам любая попытка реставрации (это легко сказать: «восстановим Советский Союз», а как это сделать?) может легко привести его с удобного и мягкого кресла партийного лидера на жесткие нары «Матросской тишины», где более года промаялись некоторые его дружки, как по работе в КГБ, так и в ЦК.

Как настоящий стратег, Вольский решил действовать из недостигаемого для противника штаба руками «полевых командиров», избрав на эту роль вице-президента Руцкого, амбициозного, но очень недалекого человека, и спикера парламента Руслана Хасбулатова, не менее амбициозного, чем Руцкой, но в отличие от него, гораздо более образованного и наглого.

Руцким Вольский прикрылся как щитом, сделав его лидером собственной партии, а на Хасбулатова, еще в середине 1992 года, спустил целую свору председателей региональных советов, директоров промышленных гигантов и тому подобную публику, которая совместно с мощной Коммунистической фракцией, назначенной в Верховный Совет еще до августа 1991 года по так называемому «списку КПСС», быстро превратила законодательный орган в рупор

тех, кто страстно желал вернуться во вчерашний день к столь милому их сердцу тоталитаризму, главным из достоинств которого было, естественно, «закрытое общество», когда никто ничего не знал об их делишках, а интересующимся давали срок либо за клевету, либо за шпионаж.

Под каким «соусом» возвращаться к такому простому и надежному режиму, большинству было совершенно безразлично. Не получится с марксизмом, можно попробовать вернуться верхом на национализме, откровенном фашизме или даже какой-нибудь клерикальной идеологии: смеси православия, идей «Белого братства», антисемитизма и устава КГБ.

Обрастая все более странными группировками откровенно маразматического толка, Верховный Совет резко изменил курс на конфронтацию с правительством и, особенно, с президентом, считая именно Ельцина источником всех бед страны, как нынешних, так и прошлых.

Устно и в печати президента обвиняли в том, что в прошлом он был партработником высочайшего ранга (для тех, кто видел в коммунизме величайшее зло России), что он — алкоголик, допившийся уже до белой горячки (для интеллигенции, чтобы пришла в ужас), что, к тому, же он еще и еврей (для всех остальных) и посланец сатаны, антихрист (для наиболее передовой части населения, влюбленной в мистику).

Таким образом, Кремль, во всей красоте своей средневековой причудливости, со всеми символами военно-клерикальной империи далекого прошлого и военно-полицейской державы вчерашнего дня, и огромный, суперсовременный Белый Дом превратились в нарицательные символы двух ветвей власти, сцепившихся в непримиримой борьбе.

Все попытки вывести страну из средневекового маразма, куда ее загнали «бессмертные идеи» Ленина-Сталина, привели к новой, но типично средневековой ситуации: политической поляризации государственной олигархии вокруг даже не короля и парламента, как, скажем, в Англии и Франции в середине XVII века, а вокруг нерешительного короля и могущественного феодала, претендующего на трон.

Нечто подобное можно увидеть во Франции XV века в конфронтации короля Людовика XI и герцога Бургундии Карла Смелого, хотя Людовик XI больше напоминает Хасбулатова, а Карл — Ельцина. Но победил король!

Практически весь 1993-й год власти не занимались государственными делами, а только боролись друг с другом. Предоставленная на произвол стихий, страна медленно тонула в трясине чиновничьей коррупции и криминального беспредела, наслаждаясь телепередачами, где противоборствующие стороны разве что не крыли друг друга матом публично.

Становилось ясно, что дело может кончиться лишь ликвидацией одной из «ветвей» быстрым и точным ударом топора. Беспокоил вопрос: не приведет ли этот удар к новой гражданской войне, которая в стране, напичканной ядерным и химическим оружием, может легко перескочить, с одной шестой части суши на оставшиеся пять шестых, сделав вполне реальными многочисленные предсказания о неизбежном конце света до исхода столетия.

Постоянно транслируемые заседания Верховного Совета убедили, лучше всего другого, общественное мнение страны, что для спасения демократии необходимо ликвидировать парламент. Парадокс, вполне достойный России, где либералы, христианские демократы и конституционные демократы (наследники легендарных «кадетов»), не успев создаться, быстро превратились в какую-то непонятную смесь большевизма, жидоборства и религиозного кликушества.

Впрочем, они мало отличались и от послепутчевых коммунистов, которые, не моргнув и глазом, объявили свое учение светским воплощением православия, где наряду с Иисусом преспокойно соседствовали Ленин и Сталин, одними своими «божественными» ликами низвергая христианство в веселую карусель черного язычества.

Все вместе они составили такую пеструю красно-коричневую смесь, что никакие политологи не могли в ней разобраться, предлагая это сделать психиатрам.

Пока психиатры что-то осторожно говорили и писали о «маргиналах», пролезших в политику, Верховный Совет на глазах трансформировался из советского чисто декоративно привеска к КПСС в какую-то смесь сумасшедшего дома, ревкома времен военного коммунизма и уголовной «малины» самого кровожадного толка, где тон стали задавать бывшие депутаты разогнанного Верховного Совета СССР, мечтающие только о том, чтобы поскорее поставить к стенке своих политических противников. Впрочем, выражение «поставить к стенке» было наиболее мягким из их страстных желаний, настолько страстных, что их постоянно высказывали вслух на очень высокой тональности.

Кокетливая Сажи Умалатова, например, считала, что «Ельцина и его окружение следует повесить за ноги».

Генерал Макашов мечтал о разъяренной толпе, которая разорвала бы Ельцина и его «жидовскую свору» на куски.

А потерявший в припадках истерики свой былой вальяжный имидж, Иона Андронов требовал, чтобы все «ельциноиды» (он был автором этого термина) были повешены на Красной площади публично. Причем выше всех должен был висеть не сам президент, а министр иностранных дед Андрей Козырев, и тем самым, освободить министерское кресло для самого Андронова.

Что говорить об этих людях, которые отлично понимали, что любое движение в сторону объявленных Ельциным реформ автоматически выбросит их из привычных мягких кресел, где они привыкли дремать с коммунистических времен, получая огромные оклады, еще более огромные квартиры и чарующие привилегии, как и положено в феодальном, иерархированном до предела обществе.

Что говорить о них, если Александр Зиновьев, которого глупый Запад некогда считал Свифтом эпохи застоя, тот самый Зиновьев, чьи книги, вроде «Зияющих высот», немало способствовали крушению коммунистического режима, Зиновьев, арестованный по приказу Андропова, лишенный гражданства и высланный за границу, ныне вернувшись в «свободную» Россию, аж захлебнулся в истерике безумной злобы, поучая тех, кому совсем недавно втолковывал всю бесперспективность и бесчеловечность ленинско-сталинской системы.

«Вы должны сказать, — вопил вчерашний диссидент с мировым именем. — Отменить реформы! На виселицу реформаторов! Это предатели, это враги… Если бы я был молодым человеком, я бы стал террористом, я бы убивать их стал… Сталин не просто гений. Он был супергений! В этой ситуации нужен человек типа Сталина… Если такой человек появится (а он должен появиться), что он будет вынужден сделать в первую очередь? Арестовать Ельцина, Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе и их выкормышей и повесить! Повесить в 24 часа! Потом этих монархистов, радикалов, анархосиндикалистов — всех в трудовые лагеря!»

Те, кто некогда читал книги Зиновьева, мягко говоря, недоумевали (еще недавно за чтение и хранение этих книг КГБ могло впаять, и делало это, немалый срок). Что произошло со старым буревестником демократии, в книгах которого Сталин, фигурирующий под кличками «хозяин» или «пахан», был низведен до уровня обычного бытового уголовника, стремящегося превратить огромную страну в уголовную полумалину-полузону, получив в итоге «зону-малину»?

Недоумевающие просто забыли, кем был этот человек всю жизнь. А был он доктором марксистско-ленинской философии, серьезно изучая которую, просто невозможно было не свихнуться. Что и произошло. У всех марксистских теоретиков мозги поражены ненавистью, которая готова кровавой блевотиной обрушиться на кого угодно. Часто — на своих.

Подобные настроения стали брать верх над любыми другими. Гнусная накипь постоянных неудач, социальных катастроф и политических крушений, сметенная в кучу ожидаемым полным разгромом, собралась под крышей Белого Дома, откровенно готовясь к «последнему и решительному».

Можно представить себе, какие законы принимало подобное «сообщество парламентариев» и что оно делало с полудохлой конституцией, принятой во времена Брежнева.

Знаменитая брежневская конституция после того, как из нее выбили 6-ю статью о «доминирующей роли КПСС», автоматически, как и следовало ожидать, рассыпалась, а после крушения СССР превратилась в анахронизм, напоминая пестрый свод феодальных законов времен Священной Римской Империи. Российская Федерация все еще числилась в этой конституции «социалистической республикой в составе СССР» и отменить это положение путем голосования не удалось даже с пяти попыток.

Кое-как в конституцию задвинули положение о разделении властей на основе классической демократии, однако, следующая статья провозглашала, что власть в стране принадлежит Советам, а высшая (непререкаемая) власть — съезду народных депутатов, выбранному в коммунистические времена с одной-единственной целью: дать возможность Горбачеву увильнуть от карающей руки собственного Политбюро, сбежав в президенты СССР.

В президентах Горбачев долго не удержался, а придуманный им съезд остался в наследство «свободной» России. В нем, разумеется, преобладали коммунисты, которые, хотя и не были столь агрессивны в массе, как члены Верховного Совета, не требовали хором публичной казни президента, но и слышать ничего не хотели ни о досрочных выборах, ни о принятии новой конституции.

Старая мертвая Конституция их вполне устраивала, главным образом, потому, что была мертвой и поэтому, блокируя все пути вперед, открывала единственный путь назад, в светлое коммунистическое вчера.

Готовясь к неизбежной схватке, депутаты Верховного Совета громоздили вокруг себя законодательную оборону, сводя на нет все попытки конституционного выхода из тупика.

Выход был один при нынешней мертвой Конституции: самороспуск Верховного Совета с последующими выборами нового парламента и президента. Но об этом Верховный Совет и слышать не хотел.

Сама мысль о том, что их могут переизбрать, приводила депутатов в смертельный ужас, заставляя принимать меры, которые уже никому не казались дикими. Лихорадочно приватизировались ведомственные квартиры, дачи и служебные автомобили. Сыпались предложения о том, чтобы сделать пост депутата пожизненным и даже наследственным (как в средневековых европейских парламентах, где место депутата, как известно, покупалось и могло переходить от отца к сыну, а робкая попытка королевской администрации с этим покончить привела нескольких королей на эшафот).

И, наконец, после нерешительной попытки Ельцина в марте 1993-го года как-то изменить положение, Верховный Совет, зайдясь в истерике, поставил на голосование вопрос об «импичменте» (модное западное словечко, означающее снятие президента с его поста до окончания срока полномочий) Ельцина, а когда это не удалось (главным образом, из-за того, что кто-то пустил слух о стягивании к Верховному Совету войск), то принял очередную поправку в Конституцию, которая уже была превращена даже не в труп, а в некоторое подобие медицинского муляжа, где на макет человеческого тела налепливают, в целях экономии, все известные науке болячки и опухоли.

Согласно этой поправке, полномочия президента автоматически заканчивались при любой его попытке хоть как-то посягнуть на неограниченную власть съезда и Верховного Совета.

И, естественно, обе стороны активно шпионили друг за другом, вербуя явных и тайных сторонников в лагере противника, покупая прессу и обливая друг друга грязью через средства массовой информации.

Президенту удалось перетащить в свой лагерь нескольких помощников Хасбулатова, вроде Шумейко, Филатова и Рябова. В свою очередь, Хасбулатов перетащил на свою сторону вице-президента Руцкого и, что наиболее важно, министра государственной безопасности Баранникова.

На сторону парламента почти полностью перешел Фронт Национального Спасения, пестрый союз крикливых группировок, объединенных незамысловатым лозунгом: «Бей жидов!». И своим рупором-газетой «День», на страницах которой совершенно откровенно печатались призывы к свержению строя и убийству президента.

Все попытки воздействовать на газету через суд кончались его громкими победами в процессах и посрамлением истцов, представлявших Министерство печати, возглавляемое личным другом президента Полтораниным.

Обе стороны под прикрытием взаимных скандальных обвинений в коррупции и государственной измене маневрировали, готовясь к решительной схватке.

БОРЬБА СТАЛА ВСЕМ, ЦЕЛЬ — НИЧЕМ.

Цели просто никто не знал и не видел. Главным стало сокрушение противника. Ни одна из сторон не могла выскочить из своего врожденного большевизма. Только сокрушение!

В одном из своих последних публичных выступлений на так называемом Всероссийском совещании всех уровней Хасбулатов, призывая Советы сплотиться в борьбе с президентом, устало признался: «Вы знаете, откровенно говоря, иногда я смотрю на себя со стороны и думаю: я это или не я, потому что вокруг такая нелепость, как будто мы попали в совершенно иррациональный мир. И я ловлю себя на такой мысли: нет, это не я, потому что я, нормальный человек, не мог участвовать в этих ненормальных делах. Но нас впутали в какой-то дьявольский круг, и мы, действительно, в этом дьявольском круге бегаем, бегаем и никак не можем из него выпрыгнуть…»

Хасбулатову, видимо, почаще следовало бы смотреть на себя со стороны, потому что в том же самом выступлении, вспоминая обещание президента к сентябрю навести порядок в стране, спикер заявил: «Примерно месяц назад, вы знаете это превосходно, президент объявил, что в августе проведет „артподготовку", а в сентябре „перейдет в наступление". Ну, прямо скажем, мы тогда отнеслись к этому с достаточной долей иронии: дескать, снова президент сказал что-то неудачное».

Тут Хасбулатов мерзко ухмыльнулся и изрек: «Может быть, был в каком-то особом настроении…» И щелкнул себя пальцами по горлу, демонстрируя известным всей стране жестом, в каком именно настроении был президент. Опять был пьяным в стельку.

Далее, осудив пьянство как таковое, спикер прозрачно намекнул, что пьяница-президент должен уйти со своего поста по-хорошему, и сорвал аплодисменты зала, заявив: «Раз, мол, пьет? — наш мужик! Но если „наш мужик", так пусть мужиком остается и занимается мужицким трудом, а не государственным».

Затем Хасбулатов открыто призвал армию к неподчинению своему Верховному Главнокомандующему, каковым, естественно, являлся президент, и фактически раскрыл свои карты, обратившись к собравшимся со следующим призывом: «Я хотел бы обратиться с этой высокой трибуны к руководителям нашей страны, ко всем гражданам, к рабочим, крестьянам, интеллигенции, воинам армии, правоохранительным органам. Будьте бдительны, не дайте себя втянуть в авантюру, не дайте вовлечь себя в выполнение преступных замыслов…

Если последуют антиконституционные действия типа чрезвычайного положения, президентского правления и тому подобного, сорвите эти действия…

Я бы предупредил Отечество: народ сурово осудит всех, кто поднимет руку на органы народовластия, попытается разрушить конституционный строй, ввести в любой форме чрезвычайное положение.

Я хотел бы сказать, что реакция наша должна быть решительной, жесткой, а не такой вялой, какой однажды уже была. Статья 121-6 не требует ни созыва съезда, ни постановления Конституционного суда, она говорит о том, что в случае осуществления или попытки осуществить эти действия полномочия президента прекращаются немедленно!»

Хасбулатов знал, что говорил. Его информаторы, работающие в ближайшем окружении президента Ельцина, давно предупредили спикера, что на столе президента лежит еще неподписанный указ о разгоне Верховного Совета, назначении новых выборов всех ветвей власти, включая и президента, на 12 декабря и временном введении в стране прямого президентского правления.

Зная об этом, все, сгруппировавшиеся вокруг спикера, и он сам, поняли, что наступает большая игра, забыв в азарте, что на карте, помимо судьбы страны, о которой много говорили, но никто не думал всерьез, лежат и их собственные головы.

Неправильное понимание обстановки в стране, в корне неверная оценка собственного влияния на события, отсутствие знающих свое дело аналитиков, способных правильно определить расстановку политических сил и прогнозировать события хотя бы на пару ходов вперед, привели Хасбулатова и его сторонников к убеждению, что следует спровоцировать Ельцина на введение в стране чрезвычайного положения, не оставив ему другого выхода (кроме, разумеется, ухода в отставку), а затем, ловко манипулируя муляжом мертвой конституции и переходящей в плач старобольшевистской демагогией, быстро расправиться с ним, временно посадить на место президента глупого генерала Руцкого, и вернуться на старый, добрый коммунистический путь, замечательный тем, что он никуда не ведет.

Те силы, которые, не желая сами рисковать, задумали убрать президента Ельцина руками своих марионеток, Хасбулатова и Руцкого, вовсе не ставили на этих двух, уже достаточно скомпроментированных деятелей, считая их разменными пешками при любом исходе задуманной операции. Если бы та проваливалась, то эта парочка автоматически превращалась в политические, а то и в физические, трупы, а если бы удавалась, то от того и другого планировалось быстро избавиться путем ликвидации президентской должности, с одной стороны, и простых перевыборов председателя Верховного Совета, с другой.

Кроме того, оба за последнее время настолько погрязли в коррупции и в разных темных делишках (Хасбулатов, например, занимал должность директора чуть ли не на дюжине разных коммерческих и полукоммерческих предприятий), что отправить их в политическое небытие, а то и за решетку, не представлялось особенно сложным.

Их также постоянно подталкивали на ускорение событий слухами, что в руки президента попали такие документы, которые в один момент способны превратить их из государственных деятелей в уголовных преступников.

Ельцин пока показал только кончик огромной иглы, способной пришпилить их к обоям и оставить корчиться на всеобщее посмешище. Это диктовало динамику развития событий, провоцирование президента на первый шаг, на первый ход в большой игре.

Последние полтора года атака на президента средствами массовой информации, находящейся в руках тех, кто называл себя оппозицией, шла широким фронтом, постоянно усиливаясь, главным образом, в смысле выбора выражений.

Начиналось все осторожно и пугливо, с оглядкой: не вырвут ли язык. Но поскольку никто не только не лишился языка, но президент вообще никак не отреагировал на лай разных полуподпольных газеток, существующих все на те же деньги покойной КПСС, те начали действовать смелее, а затем, отбросив все приличия, начали просто злобный вой,

сравнимый разве что с диффамацией прессой последнего русского императора, который так же перестал вырывать за это языки.

«Беловежский преступник», «Главарь оккупационного режима», «Алкан в Кремле», «Кремлевский преступник» — это наиболее мягкие эпитеты, которыми награждала главу государства оппозиционная пресса.

Со страниц полуподпольных газеток подобные выражения быстро перекочевали на 16 полос еженедельника «День» и в передовицы «Правды» и «Советской России», растерявших былую респектабельность, а оттуда — прямиком в зал Верховного Совета.

Под газетный визг в стране шел прямой саботаж решений исполнительной власти, травля представителей президента, жесточайшее преследование всех инакомыслящих, а региональные газеты, финансируемые либо деньгами КПСС, либо военно-промышленными гигантами, иначе и не называли правительство, как «Ельцин и его жидовская свора». Причем годовая подписка подобной газеты стоила всего 4 (четыре) рубля, а то и рассылалась бесплатно.

Президент почти не реагировал, что еще более подзуживало его оппонентов. Безнаказанность и безответственность достигли пределов, небывалых для мирного времени. Ощущение напряженности во внутригосударственной жизни было почти физическим.

Речь Хасбулатова на Всероссийском совещании депутатов всех уровней закончилась официальным обращением этого форума к гражданам России, где, в частности, говорилось: «Президент и его окружение, неспособные цивилизованными методами управлять обществом и вывести его из глубокого кризиса, вновь нагнетают напряженность, угрожая конституционному строю… Боясь, что придется держать перед народом ответ за то, что его лишили нормальных условий жизни, ограбили материально и духовно, попрали прошлое и отняли будущее, незадачливые реформаторы пытаются установить диктатуру личной власти… Прямое президентское правление, которым теперь угрожают, — это разгон органов представительной власти. Уничтожение их окончательно развяжет руки преступно-мафиозным элементам, коррупционерам и их зарубежным покровителям…»

Нормальным образом жизни народа номенклатурные депутаты, естественно, считали нищее прозябание этого народа за колючей проволокой коммунистической зоны. Отнять у народа подобное прошлое, разумеется, считалось очень тяжелым преступлением.

В этом обращении, если его исследовать, заключаются все ошибки и самого Хасбулатова, и тех, кто за ним стоял, в оценке сложившейся в стране обстановки.

Как бы тяжела эта обстановка ни была, подавляющая часть населения с ужасом и содроганием вспоминала недавние времена «нормальной и духовной жизни», ностальгия по которой, вполне понятно, стучала в сердца бывших обкомовских секретарей пеплом Клааса.

Совещание закончилось 18 сентября. Все стали с нетерпением ждать реакции президента. И она, наконец, последовала.

21 сентября 1993 года, вторник, 19:30.

Евгений Савостьянов, начальник Управления Министерства Безопасности по Москве и Московской области, сидел в комнате отдыха, примыкающей к его огромному кабинету и, помешивая ложкой остывший чай, с интересом посматривал то на часы, то на экран небольшого переносного телевизора, стоявшего на одной из полок массивной стенки рядом с бюстиком Дзержинского.

Бюстик достался Савостьянову в наследство от его предшественника, генерала Прилукова, чья яркая чекистская карьера оборвалась в августе 1991 года, когда почти все

руководство бывшего союзного КГБ отправилось либо в тюрьму, либо под следствие с подпиской о невыезде, либо на давно заслуженный отдых, ибо, как говаривал еще покойный Андропов, «с нашей работы в отставку не уходят, а сразу отправляются в крематорий».

Именно в те, послепутчевые, дни Савостьянов и появился на Лубянке, заняв свою должность, которую по штату КГБ должен был замещать генерал-лейтенант, а то и генерал-полковник.

Евгений Савостьянов был наиболее странной личностью, появившейся на политической сцене после прихода к власти президента Бориса Ельцина и распада СССР.

Физик по образованию, научный работник одного из академических институтов столицы, диссидент-фрондер по убеждениям, лейтенант запаса ракетных войск, с умным, интеллигентным лицом, обрамленным аккуратно постриженной черной бородкой, — образ типичного антисоветчика тех времен. Савостьянов стал активным членом тогда еще «ненормальной» «Демроссии», входя в ее координационный совет.

Там он близко познакомился с Гавриилом Поповым и, видимо, произвел на будущего мэра столицы достаточно сильное впечатление. Настолько сильное, что став мэром Москвы и пожелав иметь в КГБ и МВД своих людей, Попов добился назначения Савостьянова на занимаемую должность, а начальником МВД столицы назначил Мурашова, также одного из координаторов «Демроссии».

Если назвать назначение Савостьянова весьма странным, то это значит — не сказать о нем фактически ничего. КГБ изначально создавался не как государственный институт тоталитарной системы, а как некий тайный орден, секретное военно-политическое общество, по сравнению с которым даже орден иезуитов выглядит детской забавой.

Даже рядовые сотрудники при приеме в КГБ должны были пройти через продуманную систему фильтров, совершенно исключающую попадание в КГБ не то что случайных людей, но и тех, у которых возникли бы какие-либо вопросы, хотя бы к самим себе, от осознания того, чем им приходится заниматься, и кому все это нужно.

Что же касается руководящего состава, то все 70 лет не было практически ни одного исключения из правила: руководство либо «спускалось» из ЦК КПСС, либо тщательно карабкалось по крутой и скользкой от крови и грязи служебной лестнице, рискуя каждую секунду сорваться прямиком на тот свет.

И тут, на одну из самых почетных и важных должностей в КГБ присылают мало что шпака и чужака, да еще какого-то диссидента из «Демроссии», которая с момента своего основания служила для КГБ не более, как объектом самого тщательного наблюдения, а ее члены рассматривались в качестве потенциальных клиентов следственных изоляторов и трудовых лагерей.

Но если даже не принимать все эти ужасные вещи во внимание, ради справедливости следует заметить, что работа в любой секретной службе, а тем более в политической полиции, на руководящей генеральской должности, без сомнения, требует и опыта, и специальной подготовки, которых у Евгения Савостьянова не было.

Не было, конечно, и юридического образования, которое, хотя и чисто формально, но требовалось для замещения подобных должностей. А формальные вопросы в жесткой системе партийно-государственных институтов СССР часто становились первостепенными.

Такое чудовищное инородное тело, всунутое в столь чувствительный организм КГБ, и теоретически, и практически должно было им немедленно отторгнуто, для чего имелось множество вполне легальных путей, сведенных к простому заключению о профнепригодности.

Хорошо зная собственную историю, когда их отстреливали сотнями во времена многочисленных дворцово-ведомственных переворотов, хорошо зная собственные делишки

андроповского и послеандроповского периода, видя все свое руководство в тюрьме или под следствием, а своего великого основателя — свергнутым с пьедестала, к которому раньше и подходить было запрещено даже для возложения цветов, и плывущим над Лубянской площадью со стальным тросом на шее, как на передвижной виселице, работники КГБ притихли.

Многие рыдали, то ли от жалости к железному Феликсу, то ли жалея себя, поскольку вид беснующейся на площади толпы рисовал самые мрачные перспективы на обозримое будущее. Тем более, что назначенный председателем КГБ Вадим Бакатин, который стал последним человеком, занимавшим указанную должность, торжественно пообещал сократить ведомство до минимального размера и перепрофилировать его на дела, способные принести государству хоть какую-то пользу.

В таких условиях, конечно, можно было промолчать, когда на ведущее Московское управление присылают начальника чуть ли не из мордовской политической зоны.

Но шок прошел. Самого Бакатина, первого секретаря обкома, члена ЦК КПСС, кандидата в члены политбюро, занимавшего в коммунистические времена крупнейшие партийно-государственные посты, включая и пост министра внутренних дел, памятуя его публичные обещания реформировать, а главное, сократить КГБ, съели так быстро, что тот и охнуть не успел, как вылетел из органов с ярлыком полной некомпетентности. А Савостьянов остался.

Последовавшие потом структурные катаклизмы, когда по воле президента Ельцина были объединены КГБ и МВД под общим командованием министра внутренних дел РСФСР Виктора Баранникова, а затем новое разъединение по решению Конституционного суда, когда под шумок реорганизаций КГБ был переименован в Министерство Безопасности (без слова «государственной» — память о бериевском МГБ была еще очень свежа в памяти), и многих выпихнули на пенсию и в резерв, а многие почли за благо уйти сами, Савостьянов остался на своем посту.

Он остался на своем посту, когда новый министр безопасности Баранников провел собственную чистку органов, избавляясь от разных «засветившихся» либералов времен «перестройки и гласности».

Он остался на своем посту, когда выгнали и самого Баранникова, быстро затянутого коррупцией и сомнительными связями из-за недостатка опыта в тупик, выходами из которого были либо самоубийство, либо — тюремная камера.

Министра обвинили, в двурушничестве, двойной игре, но знающие люди понимали, что КГБ отверг инородное тело, бывшего участкового милиционера, всю жизнь проработавшего в системе внутренних дел.

А Савостьянов не только остался, но и, как ему было положено по должности, получил чин генерал-майора.

Если вспомнить, что Савостьянов был произведен в генералы прямо из лейтенанта запаса, и что это произошло в мирное время, то следует согласиться, что у подобной ракетной карьеры очень мало аналогов в мировой истории, а тем более — в таком ведомстве, как КГБ.

Эта карьера покажется еще более странной на фоне судьбы Мурашова, внедренного одновременно с Савостьяновым тем же Поповым в систему МВД. Организм МВД сразу же начал отторгать инородное тело, и после серии внутриведомственных скандалов, ошельмованный прессой оппозиционеров и громкими выступлениями в Верховном Совете, Мурашов был выкинут из милиции, как Паниковский из исполкома.

Что касается Савостьянова, то даже газеты и депутаты экстремистов его не трогали. Не трогала его и демократическая печать. Даже знаменитые петербургские «600 секунд» Александра Невзорова, истратившие уйму эфирного времени на шельмование Мурашова, о Савостьянове не произнесли ни слова: ни хорошего, ни плохого.

Только однажды газета «День» осторожно прошлась по новому генералу, намекнув, что его бабушка, видимо, была еврейкой. Но для газеты, которая громогласно утверждала, что Борис Ельцин — это псевдоним Боруха Элькина (или Эльцера), что на территории Кремля скрывается целая бригада израильских парашютистов, подобный осторожный подход можно было считать даже поощрительным…

Можно многое предположить, развивая тему «Кто же вы, генерал Савостьянов?», но ограничимся только констатацией факта: Евгений Вадимович Савостьянов по какой-то, скажем, невероятной случайности, не оказался «инородным телом» в организме знаменитого на весь мир аппарата столичного КГБ, а вписался в этот аппарат со своей диссидентской бородкой (которую так и не сбрил, хотя еще существовал неотмеченный приказ Андропова, подтвержденный затем двумя генералами армии, Чебриковым и Крючковым, запрещающий сотрудникам КГБ ношение бороды, без всяких исключений, как, скажем, во времена Петра I), интеллигентной внешностью, манерами ученого и взглядом профессионального математика.

Невероятные истории иногда происходят и логического объяснения не имеют. Прижилась же как-то домашняя киска в одном вольере с семейством ягуаров, и ничего. Жила и даже допускалась к противню с мясом. А другую кошку разорвали в ту же секунду, как появилась она в вольере. С точки зрения ягуаров, эта история довольно проста: либо разорвут, либо нет. Но с точки зрения кошки, ситуация выглядит намного сложнее. Ведь дело не только в том, чтобы тебя не съели, но и твои приказы выполняли.

КГБ находился в состоянии сильной растерянности, что и понятно. Казалось, незыблемые ориентиры его многолетней деятельности были либо уничтожены, либо размыты до неузнаваемости. И в довершение всего, Министерству Безопасности было официально запрещено заниматься политическим сыском, а ничем другим оно заниматься не умело. И не хотело, что более важно.

В течение своей более чем семидесятилетней истории это ведомство ни разу не сумело обеспечить безопасность того государства, в составе которого оно числилось. Оно не сумело обеспечить безопасность страны от страшного и внезапного удара гитлеровской Германии, поскольку к 1941 году совершенно захлебнулось в крови собственного народа и маразматических выкладках своего великого вождя. Оно не сумело обеспечить безопасность ни самого вождя, ни свою собственную в середине 50-х годов.

Никто из них и бровью не повел, когда развалился и был уничтожен Советский Союз, который они клялись защищать до последней капли крови, но не сумели этого сделать, так как по уши завязли в борьбе с сионизмом и инакомыслием, категорически не желая заниматься чем-нибудь другим.

Теперь они решили заниматься только обеспечением собственной безопасности, настороженно приглядываясь к тому, что когда-то называлось «первой в мире страной победившего пролетариата». И более мелкие государственные конвульсии приводили их тысячами к гибели или превращали в ничто.

Погибшие при падении Ягоды, погибшие при падении Ежова, погибшие при падении Абакумова, погибшие при падении Берия, выгнанные без пенсии и погон — подобная память создала уже достаточно высокий генетический уровень страха.

Многих этот страх погнал из системы в созданные до и после августовского путча коммерческие структуры и банки на долю КГБ в деньгах партии-родительницы, но многих этот же страх заставлял оставаться на месте, чтобы суметь оказать сопротивление тем, кто еще раз может соблазниться во имя собственных политических интересов украситься ожерельем из чекистских голов.

Оставшимся приходилось отчаянно имитировать деятельность, поскольку, после запрещения заниматься политическим сыском, делать было решительно нечего.

Ловля рэкетиров, контрабандистов и торговцев наркотиками, восторженно рекламируемая средствами массовой информации, которые при всей своей нынешней вольнодумности и безответственности так и не смогли окончательно вырваться из своего векового благоговения перед чекистскими подвигами, что, в принципе, не было делом КГБ, создавала неразбериху в милицейских операциях, межведомственные склоки и многое другое. Да и занимались этим делом бывшие подразделения так называемой спецмилиции, которых на Лубянке не пускали даже в столовую.

Таким образом, основной массе личного состава просто нечего было делать, как заниматься тем же самым политическим сыском, методика которого была хорошо известна, отточена почти до совершенства, а управлением огромной армии информаторов могли позавидовать все другие спецслужбы мира, вместе взятые.

Разница со старыми временами заключалась в том, что материалы сыска оседали в оперативных разработках и не передавались в следственные отделы для возбуждения уголовных дел.

Несколько попыток закрутить громкие дела, даже не по шпионажу, а по нарушению государственной тайны, как, скажем, дело профессора Мирзояна, поведавшего миру, что в России и не думали прекращать работы по созданию новых образцов химического оружия, кончались скандалами, от которых, прежде всего, страдало «чекистское» руководство. И, тем не менее, работа велась и не малая…

На небольшом столике перед Савостьяновым лежала изящная папка из красного кожзаменителя с ярлыком какого-то симпозиума по проблемам квантовой механики.

Начальник управления МБ по Москве и Московской области раскрыл папку, вытащил из нее несколько листков ксерокопий, скрепленных изящной пластмассовой скрепкой голубого цвета, и еще раз просмотрел содержание документов, увенчанных старым грозным грифом: «Совершенно секретно. Особой важности».

«Отпечатано в двух экземплярах.

1 экз. — президенту.

1 экз. — в спецархив.

Копий не снимать! Передаче по радио и системам проводной связи не подлежит! Только через старшего офицера МБ, допущенного к группе документов ОВ/ГВ.»

То, что, несмотря на столь грозные грифы, с документа все-таки сняли ксерокопию (возможно, и не одну), говорило о том, что в условиях полного государственного хаоса и отсутствия дисциплины избежать утечки самой секретной информации не представляется возможным.

Документ был подписан заместителем министра Николаем Галушко, а Савостьянов был одним из его авторов. Датирован документ был июнем 1993 года и составлен таким образом, что сам министр безопасности генерал-полковник Виктор Баранников о нем не знал ничего (до нужного момента, конечно). Озаглавлен документ, по старой советской традиции, был просто и доходчиво: «Меры по дальнейшему укреплению Российской государственности. Анализ и рекомендации».

После краткого резюмирования положения во внутриполитической, экономическо-хозяйственной и культурной жизни страны, состояния ее вооруженных сил, науки и образования, анализа обострившихся социальных и межэтнических проблем и всего лишь одного абзаца, касавшегося положения страны на международной арене, в документе, в частности, говорилось:

«Все вышеизложенное приводит только к одному выводу: ни в экономическом, ни в моральном отношении страна оказалась совершенно не готова к столь резкому переходу от жесткой тоталитарной системы управления к классической демократии западного образца…

Разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную привело к острому противостоянию этих ветвей власти даже без короткого периода полезного государственного сотрудничества.

Одна ветвь власти постоянно, порой даже без всякой пользы для себя, то есть инстинктивно, пытается подмять под себя другую, превращая это дело в какое-то подобие спорта. Отмечено, например, что несколько фракций в Верховном Совете («Коммунисты России», «Смена — Новая политика» и пр.) голосуют «против» любых предложений, за исключением предложений, касающихся собственного благополучия депутатов и диффамации государственных деятелей.

Наблюдается и обратная картина, когда в аппарате вице-премьеров (Чубайс, Шумейко и др.) многие весьма дельные документы Верховного Совета отвергаются без анализа, порой с оскорбительными резолюциями и требованиями не вмешиваться не в свое дело.

В свою очередь, введенная в Верховном Совете практика решать многие важнейшие государственные вопросы путем тайного голосования является беспрецедентной и говорит об осознании депутатами собственной безответственности и перед страной, и перед избирателями…

Многие народные депутаты стали таковыми не из желания принять участие в управлении страной, и даже не из желания добиться для себя известных льгот (хотя, есть и такие), а только для получения статуса «парламентской неприкосновенности», под прикрытием которого они занимаются незаконными действиями в широком диапазоне уголовно наказуемых деяний, от спекуляции автомашинами до торговли оружием, не ограничиваясь при этом территорией бывшего СССР…

Свобода слова, печати и собраний привели общественную жизнь страны в состояние полного хаоса.

Безответственность всех средств массовой информации более обостряет положение в стране, провоцирует межнациональные конфликты, лихорадит хозяйственную жизнь и выставляет страну за рубежом в негативном и смешном свете…

Свобода собраний, митингов и шествий уже привела кровавым событиям, имевшим место 1 мая текущего года, когда зачинщики массовых беспорядков оказались неуязвимыми для закона в силу их депутатской неприкосновенности или были открыто взяты под защиту руководством Верховного Совета.

Подобная безнаказанность, помимо всего прочего, провоцирует дальнейшее обострение противостояния властей и чревато самыми опасными последствиями…»

В разделе «Рекомендации» указывалось:

«Таким образом, попытка перехода от тоталитарного строя к демократическому без переходного периода „относительно мягкой автократии‟, с нашей точки зрения, не увенчалась успехом.

Именно шок этого резкого перехода привел к развалу СССР, а продолжение следования подобным путем неизбежно приведет к развалу Российской Федерации, ибо понятие «демократии» как «вседозволенности» стимулирует безответственные элементы в регионах, стремящихся к постоянному расширению собственной власти…»

Далее с некоторой долей патетики, без которой КГБ просто не умел составлять свои сводки, говорилось:

«Во имя спасения того, что еще осталось от нашей страны, во имя обеспечения будущего Российского государства и предотвращения гражданской войны следует незамедлительно вытащить страну из демократического хаоса и сделать это таким образом, чтобы ни у кого не оставалось ни тени сомнения в решимости властей навести порядок…»

К документу был подколот проект указа президента о роспуске Верховного Совета и о ликвидации советов по всей стране как института власти. Проект также был составлен в июне 1993 года и лежал на столе президента неподписанным.

Савостьянов еще раз посмотрел на часы. Было 19 часов 54 минуты. На экране телевизора высветилась надпись: «Заявление президента Российской Федерации».

20:00

На экране появился Борис Ельцин, сидящий, как всегда, на фоне российского «триколора», держа перед собой несколько листов отпечатанного на машинке текста. Хотя Савостьянов видел эту видеозапись уже дважды накануне, он решил прослушать ее еще раз.

Одно дело — гонять эту кассету на видеомагнитофоне, чтобы дать последние рекомендации по редакции текста, другое дело, — когда она звучит уже на всю страну и будет, как и задумано, повторена в эфире несколько раз.

Президент выглядел спокойным и собранным. Он принадлежал к типу тех людей, кстати, типично русскому, которые всегда веселеют именно перед дракой, битвой и другими событиями, связанными со смертельным риском. Перед любым «лихим делом», как говаривали в старину

«Уважаемые сограждане! — начал президент. — Я обращаюсь к вам в один из самых сложных и ответственных моментов, накануне событий чрезвычайной важности.

В последние месяцы Россия переживает глубокий кризис государственности. В бесплодную и бессмысленную борьбу на уничтожение втянуты буквально все государственные институты и политические деятели.

Прямое следствие этого — снижение авторитета государственной власти.

Уверен, все граждане России убедились, что в таких условиях не только нельзя вести труднейшие реформы, но и поддерживать элементарный порядок.

Нужно сказать прямо: если не положить конец политическому противоборству в российской власти, если не восстановить нормальный ритм ее работы, то не удержать контроль над ситуацией, не сохранить наше государство, не сохранить мир в России.

В мой адрес потоком идут требования со всех концов нашей страны — остановить опасное развитие событий, прекратить издевательство над народовластием.

Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом.

Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делось с моей стороны на последних съездах и между ними.

Но даже если о чем-то удавалось договориться, через короткое время следовал категорический отказ выполнять взятые на себя обязательства.

Мы с вами надеялись, что перелом наступит после апрельского референдума, на котором граждане России поддержали президента и проводимый им курс. Увы, этого не произошло.

Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества.

Большинство Верховного Совета идет на прямое попрание воли российского народа. Проводится курс на ослабление и, в конечном счете, устранение президента, на дезорганизацию работы нынешнего правительства.

Развернута мощная пропагандистская кампания по тотальной дискредитации всей исполнительной власти в России.

До сих пор не отменены решения Верховного Совета и съезда, которые противоречат результатам апрельского референдума.

И сегодня можно уверенно сказать — не будут отменены. Наоборот, за последние месяцы подготовлены и приняты десятки новых антинародных решений. Многие из них целенаправленно спланированы на ухудшение ситуации в России.

Наиболее вопиющей является так называемая, «экономическая политика» Верховного Совета. Его решения по бюджету, приватизации, многие другие усугубляют кризис, наносят огромный вред стране. Все усилия правительства хоть как-то облегчить экономическую ситуацию наталкиваются на глухую стену непонимания…

Верховный Совет перестал считаться с указами президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето. При этом постоянно клянутся верностью конституции и законности, хотя конституционная реформа практически свернута.

В апреле прошлого года 6-й съезд народных депутатов не только одобрил основные положения новой конституции, но постановил «доработать с учетом предложений и замечаний президента Российской Федерации» главы проекта «Федеральная законодательная власть» и «Президент Российской Федерации», «Федеральная исполнительная власть».

По логике, 7-й съезд должен был принять новую конституцию страны. Но руководство Верховного Совета без всяких внятных объяснений остановило конституционный процесс.

Более того, недавно подготовило и предложило мне фактически одобрить смещение избранного народом президента. Именно таков смысл поправок к конституции, которые я недавно получил из Белого Дома.

Надо признать, что процесс создания правового государства в России, по сути дела, дезорганизован. Наоборот, идет сознательное размывание и без того слабой правовой базы молодого российского государства.

Законотворческая работа стала орудием политической борьбы.

Законы, в которых остро нуждается Россия, не принимаются годами. Вместо этого начата коренная ревизия действующей конституции и принятых законодательных актов. Их переписывают в угоду сиюминутным политическим настроениям.

Утвердилась порочная практика юридического произвола, суть которого заключается в примитивной формуле: какой закон захотим принять, такой и примем, что захотим, то и запишем.

И чем дальше, тем больше неразберихи, тем шире поле для злоупотреблений. Все это не имеет ничего общего ни с законностью, ни с правом.

Не может считаться законом то, что противоречит фундаментальным основам права, попирает элементарные права и свободу человека и основополагающие демократические принципы. Такой закон — еще не право. Тем более, если его диктует один человек или группа лиц.

Уже давно большинство заседаний Верховного Совета проходит с нарушением элементарных процедур регламента.

Открытое и демонстративное жульничество при голосовании стало обыденным явлением. Участники заседаний на виду у всего мира голосуют за отсутствующих несколькими карточками. А ведь каждый такой факт — это позор, это дискредитация самих основ парламентаризма.

Идут чистки комитетов и комиссий. Из Верховного Совета, его президиума беспощадно изгоняются все, кто не проявляет личной преданности своему руководителю.

То, о чем я говорю — не случайность, не болезнь роста. Все это — горькие свидетельства того, что Верховный Совет, как государственный институт, находится сейчас в состоянии политического разложения.

Он утратил способность выполнять главную функцию представительного органа — функцию согласования общественных интересов. Он перестал быть органом народовластия.

Власть в Российском Верховном Совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции. Прячась за спинами депутатов, паразитируя на коллективной безответственности тайных голосований, она подталкивает Россию к пропасти.

Не замечать этого, терпеть и бездействовать больше нельзя. Мой долг президента признать: нынешний законодательный корпус утратил право находиться у важнейших рычагов государственной власти.

Безопасность России и ее народов — более высокая ценность, чем формальное следование созданным законодательной властью противоречивым нормам, которые окончательно дискредитировали себя.

Наступило время самых серьезных решений».

Президент глотнул воды из фарфоровой чашки. Савостьянов подавил вздох и приготовился слушать дальше.

«Уважаемые сограждане!

Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является ее коренное обновление на основе принципов народовластия и конституции.

Действующая конституция не позволяет сделать это.

Действующая конституция не предусматривает также процедуры принятия новой конституции, в которой был бы предусмотрен достойный выход из кризиса государственности.

Будучи гарантом безопасности нашего государства, я обязан предложить выход из этого тупика, обязан разорвать этот губительный порочный круг».

Президент явно волновался. Он снова выпил воды, а Савостьянов усмехнулся, подумав, что было бы здорово, если бы Ельцин именно сейчас демонстративно выпил стопку водки.

Между тем, покончив с преамбулой, Ельцин перешел к главному в своем заявлении:

«Учитывая многочисленные обращения в мой адрес руководителей субъектов, Российской Федерации, групп депутатов, участников Конституционного совещания, политических партий и движений, представителей общественности, граждан России, мною предпринято следующее:

Облеченный властью, полученной на всенародных выборах в 1991 году, доверием, которое подтверждено гражданами России на референдуме в апреле 1993 года, я утвердил своим указом изменения и дополнения в действующую конституцию Российской Федерации.

Они касаются, главным образом, федеральных органов законодательной и исполнительной власти, их взаимоотношений на принципе разделения властей.

Высшим органом законодательной власти становится Федеральное собрание Российской Федерации — двухпалатный парламент, работающий на профессиональной основе

Выборы назначены на 11-12 декабря 1993 года,

Подчеркну, это не досрочные выборы съезда и Верховного Совета. Создается совершенно новый высший орган законодательной власти в России.

Любые действия, направленные на срыв выборов, рассматриваются как незаконные. Лица, допускающие их, будут привлекаться к уголовной ответственности на основе уголовного кодекса России.

В Российский парламент должны прийти люди, которые будут заниматься не политическими играми за счет народа, а прежде всего, создавать законы, так необходимые России».

Далее президент выразил надежду, что в новый парламент придут новые люди, которые будут «более компетентные, более культурные и более демократичные», пообещал досрочные президентские выборы после начала работы нового Федерального собрания, а затем чеканным голосом, которым в старые времена зачитывали текст смертных приговоров, перешел к самой сути своего заявления:

«В соответствии с указом президента, который уже подписан, с сегодняшнего дня *прерывается* осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Заседания съезда более не созываются. Полномочия народных депутатов прекращаются.

Конечно, их трудовые права будут полностью гарантированы. Депутаты вправе вернуться на предприятия и в учреждения, где они работали до избрания депутатами России, и занять прежние должности.

В то же время каждый из них вправе вновь выставить свою кандидатуру для выборов в Федеральное собрание

Полномочия органов власти на местах сохраняются. В связи с этим, обращаюсь к местным руководителям: используйте все законные возможности для обеспечения общественного порядка.

Хочу отметить особо: Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в полном объеме, с учетом изменений и дополнений, введенных указом президента.

Гарантируются установленные Конституцией и законом права и свободы граждан Российской Федерации».

Савостьянов даже слегка привстал с кресла. Это уже было интересно! В его варианте пленки куска о «продолжении конституционных гарантий» не было.

Напротив, хотя явно и не говорилось, но сильно намекалось на то, что в стране введено чрезвычайное положение.

Значит, кто-то внес в последний момент эти изменения. Математический ум новоиспеченного чекистского генерала мгновенно просчитал возможные варианты, вытекающие из фактически объявленного государственного переворота с сохранением конституционных гарантий. Возможно, что так даже и лучше.

Заключительная часть заявления Ельцина была насыщена патетикой:

«Обращаюсь к руководителям иностранных держав, к зарубежным гражданам, к нашим друзьям, которых немало по всему миру.

Ваша поддержка значима и ценна для России. В самые критические моменты сложнейших российских преобразований вы были с нами.

Призываю вас и на этот раз понять всю сложность обстановки в нашей стране. Те меры, на которые я, как президент Российской Федерации, *вынужден* идти — *единственный путь* защиты демократии и свободы в России, защиты реформ еще слабого российского рынка.

Эти меры необходимы, чтобы защитить Россию и весь мир от катастрофических последствий развала российской государственности, от воцарения анархии в стране с огромным АРСЕНАЛОМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ. Других целей у меня нет.

Уважаемые сограждане!

Наступил момент, когда общими усилиями мы можем и должны положить конец глубокому кризису российской государственности…

Общими силами сохраним Россию для себя, для наших детей и внуков.

Спасибо».

Савостьянов выключил телевизор. Выбрал среди ксерокопий документов указ Ельцина еще без даты и подписи.

Указ был озаглавлен «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», где в еще более резкой форме, чем в телевизионном заявлении, говорилось о разгоне президентом Верховного Совета.

Пикантность ситуации заключалась в том, что эти ксерокопии информатор Лубянки обнаружил в секретариате Хасбулатова, где они, невзирая на грозные грифы и требование «Копий не снимать!», лежали в папке, на которой рукой спикера было начертано: «До особого распоряжения необнародовать». Громоздкое слово «необнародовать» было написано вместе с «не». У Хасбулатова всегда были проблемы с русским языком.

Взяв красный фломастер, Савостьянов написал на ксерокопии: «No 1400, опубликован 21 сентября 1993 года».

20:30

Председатель Верховного Совета РСФСР или «спикер парламента», как он любил себя называть и радовался, когда его так называли другие, слушал выступление по телевизору президента страны не очень внимательно. Он давно знал его содержание.

У него была своя разведка, ловко действующая не только в коридорах исполнительной власти, но и во многих кабинетах президентского аппарата.

У него была своя гвардия, подчинявшаяся только ему, но числившаяся в кадрах элитарных частей «охраны высших должностных лиц государства».

Могущественные министры заискивали перед ним, ища его дружбы и покровительства.

Даже спесивые и неприступные от сознания собственной исключительности вчерашние обитатели крупных партийно-номенклатурных кабинетов смотрели на него с теплотой в холодных стеклянных глазах, с надеждой, что именно он поможет им вернуть былое величие и власть.

Даже гордые и агрессивные националисты, увешанные портупеями, пластмассовыми крестами, в начищенных до блеска сапогах и с подобием военной выправки, для которых он недавно, был «чурка» и «чечмек», этнически неполноценный чечен, стали вдруг смотреть на него как на отца нации и бурно выражать ему свое восхищение.

Спасаясь от милиции после очередных уличных беспорядков, они все бежали теперь к Белому Дому, и депутаты брали их под свою защиту. Они бежали к нему в поисках спасения и выхода. Они признавали за ним роль «отца нации», хотя этот императорский титул он решил демократично разделить со всем Верховным Советом.

Ехидные газеты спрашивали, что «если у нации коллективный отец, то на кого подавать алименты?». Он этого не слышал.

«Никакая мы не власть!» — раздраженно как-то бросил он надоевшим журналистам.

Скоро с этой, так называемой, «четвертой властью» будет покончено,

«Средства массовой информации должны служить народу!» — по-сталински кратко и идеологически выдержанно объявил он на всю страну с экрана телевизора.

А чуть позже с трибуны Верховного Совета несколько патетически и визгливо (так всегда бывает поначалу) заявил: «Я отвечаю за эту страну!». Никто не возражал.

Когда он въехал в квартиру, от которой некогда, из-за ее роскошности; отказался сам Леонид Ильич Брежнев (450 кв. метров полезной площади), то знал, что делал, хотя многие его отговаривали от этого поступка.

Как-никак, а еще многие помнили, как они с Ельциным, отказавшись от всех льгот и привилегий, демонстративно ездили на работу в троллейбусе, а служебные «ЗИЛы» и Мерседесы» шли сзади, на всякий случай.

В троллейбусе всегда опасно, а для большого политика, кандидата в «отцы нации», просто недопустимо.

Народ всегда должен чувствовать дистанцию между собой и вождем, между своей хижиной и его дворцом. Иначе народ может возомнить о себе невесть что.

Хасбулатов мог гордиться достигнутым. Ему удалось полностью отдрессировать парламент, хотя он лучше любого другого понимал, что возглавляемый им институт, именующий себя парламентом, ни с какой точки зрения таковым не является, все более и более превращаясь в параллельную структуру исполнительной власти.

Сам спикер тасовал, как ему вздумается, комиссии и комитеты Верховного Совета, изгоняя из них всех неугодных и оставляя только послушных его воле.

Он разъезжал по стране, распределяя кредиты и субсидии по своему желанию между регионами и отраслями, путая планы министерств, не согласовывая с ними никаких шагов, а только вербуя себе новых сторонников за счет увеличения государственного хаоса.

Он устраивал чуть ли не ежедневные селекторные совещания с руководителями советов и муниципалитетов всех уровней, которые ни коем образом не были ему подчинены, но были сбиты с толку придуманным им самим, специально для себя, титулом: глава представительной власти.

Несмотря на абсурд самого словосочетания, очень многие, а в первую очередь он сам, поверили, что такая должность действительно существует и, судя по всему, она даже выше президентской. Это давало право на поступки и решения соответственно величию выдуманной должности.

Как бывало уже не раз в нашей истории, когда генеральный секретарь ЦК КПСС, отвечающий исключительно за работу канцелярии и секретариата, де-факто объявлял свою должность наивысшей в партийной номенклатуре, так и простой депутат, которому доверили следить за регламентом и порядком выступления, внушил сам себе, что это превратило его в главу государства. Он даже не был кардиналом Ришелье при слабом, безвольном, бездарном и вечно пьяном короле, ибо Ришелье прекрасно понимал, что королем ему не стать, а Руслан Имранович вовсе так не считал.

Через голову президента и правительства он пытался установить связи с главами зарубежных государств, намекая, что единственная реальная власть, в России, да и в СНГ в целом (ведь он был председателем придуманной им мертворожденной «межпарламентской ассамблеи»), находится в его руках, а когда ему из-за рубежа довольно резко указали на бестактность и нелепость подобных действий, нарушающих весьма почитаемый на Западе

протокол, он перешел на тайные связи с партиями и группировками, которые, мягко говоря, совсем не добавили бы ему респектабельности, будь эти связи явными.

Он посылал делегации к Саддаму Хусейну, которые своими раскладками сбивали с толку битого иракского диктатора надеждой на возвращение добрых старых времен, прося взамен «немного» денег.

Он устанавливал прочные связи с многочисленными экстремистскими группировками, расплодившимися на территории бывшего СССР после его развала, провоцируя конфликты в нужный момент, чтобы сорвать усилия правительства без крови и с некоторой долей достоинства выйти из разных тупиковых ситуаций.

Он нанес удар своим решением по статусу Севастополя (был, есть и останется русским), по сложнейшим трехсторонним переговорам между Россией, Украиной и США по статусу захваченного Киевом бывшего советского ядерного арсенала.

Он даже попытался играть в великорусского националиста, но так и не смог научиться правильно произносить ключевое слово «соборность», имея, правда, в виду всевластие Советов.

Без зазрения совести он получал директорскую зарплату в четырнадцати местах, и не только зарплату.

А поскольку все это так или иначе сходило ему с рук, а подобраться к нему было невозможно ни практически, из-за чеченской охраны, ни теоретически, из-за депутатской неприкосновенности, подобная правовая неуязвимость породила в нем иллюзию собственного всемогущества, которая, как это обычно получается, все более и более изолировала спикера от реального восприятия событий, властно заставляя принимать желаемое за действительное.

Прямо на заседании Верховного Совета он мог крикнуть не терпящим возражения голосом: «Свяжитесь с президентом. Пусть явится!». И многие приходили в ужас от очевидности того, что сам Хасбулатов не понимает не только неуместности, но и нереализуемости своих требований.

Кто-то приходил в ужас, а кто-то мотал на ус то, насколько Хасбулатов далек от реальности, а значит, способен любую дезинформацию принять за действительность…

Что ни говори, а имя Хасбулатова уже третий год не сходило со страниц газет и журналов, с теле— и радиосообщений, занимая достойное место в информационном потоке мировых новостей, явно опережая в этом отношении президента Ельцина, не говоря уже о его окружении.

А ведь совсем недавно, всего два-три года назад, его вообще никто не знал. К моменту избрания народным депутатом РСФСР от Грозненского национально-территориального округа Руслан Хасбулатов был обычным московским профессором из Плехановского института народного хозяйства.

Родившись в 1942 году в обычной для чеченцев многодетной семье, Хасбулатов, будучи еще ребенком, пережил все те репрессии, которые Сталин обрушил на народы, проявившие, по его мнению, недостаточную лояльность в годы войны. В том, что немцам удалось дойти до Грозного, вожди всех народов посчитал виновным почему-то не себя, а весь чеченский народ, который был чуть ли не в 24 часа выслан в северный Казахстан.

В одной из неотапливаемых теплушек ехала в неизвестность и семья Хасбулатовых с трехлетним Русланом.

Отец Руслана погиб, но он сам не только выжил, но позднее умудрился поступить на юридический факультет МГУ, где активно занимался комсомольской работой и даже, говоря ленинским языком, был «кооптирован» в ЦК ВЛКСМ на должность инструктора.

Совсем немало для студента-чеченца. Видимо, подобного рода деятельность помогла Хасбулатову остаться в аспирантуре, где он быстро защитил кандидатскую и докторскую диссертации по экономике Канады. Специальность, зарубежная экономика, в те годы считалась очень престижной, давая право на занятия с иностранными студентами и, что более важно, на зарубежные поездки.

Те силы, которые некогда «кооптировали» молодого чеченца в ЦК ВЛКСМ, видели в нем своего и надежного человека, поскольку протащили его в новый Верховный Совет РСФСР кандидатом от Грозненского университета. Как это тогда делалось, все хорошо знают, но следует признать, что Хасбулатов сам участвовал в избирательной кампании, выступал много и убедительно, и своего соперника, второго секретаря обкома КПСС, победил в упорной борьбе.

Во вновь избранный Верховный Совет РСФСР пришел совершенно неизвестным человеком. Связей с руководством «Демократической России» у него не было, опыта работы в Верховном Совете — также.

Когда же после нескольких раундов голосования Борис Ельцин с перевесом в четыре голоса был все-таки избран председателем Верховного Совета РСФСР, то он и его поддерживающие «демороссы» решили, что первым заместителем Ельцина должен стать представитель одной из национальных автономий России.

Ельцину указали на знаменитого и известного Рамазана Абдулатипова, за которого и коммунисты, и представители большинства автономий проголосовали бы без колебаний. Но Абдулатипов — слишком известный деятель из аппарата ЦК КПСС. Ельцина это не устраивало. Ему нужен был человек попроще, не изуродованный известными методами работы, принятыми в аппарате ЦК КПСС.

Кандидаты в заместители Ельцина, предлагаемые почти наобум, дружно отметались коммунистическим съездом или заваливались «демократами», пробившимися в новый Верховный Совет. Еще у многих в памяти свежи воспоминания о тех голосованиях, которые вытеснили с телевизионных экранов все эстрадные и сатирические программы.

Имя Хасбулатова возникло во втором туре голосований. «Демократы», которые о Хасбулатове ровным счетом ничего не знали, посмотрели на его результаты «поименных голосований», которые, с их точки зрения, оказались неплохими. Выяснилось также, что и коммунисты против Хасбулатова ничего не имеют, основываясь на какой-то собственной информации.

Аналитики Ельцина, бывшие работники аналитического отдела КГБ, также дали профессору Хасбулатову хорошую аттестацию, особо подчеркивая те качества, которых у профессора зарубежной экономики как раз не было: скромность, неамбициозность, прекрасная исполнительность, преданность боссу.

В то время, как еще в бытность свою секретарем так называемого, «большого» комитета комсомола МГУ, Руслан Хасбулатов прославился как злобный интриган с полным отсутствием каких-либо идей, а также чувства преданности и товарищества, что «аналитикам» не могло быть не известно. Кроме того, электронной системы подсчета голосов еще не было, участники съезда уже изнемогали от тягомотины заполнения бюллетеней, и, в результате, предложенная кандидатура Хасбулатова прошла.

Видимо, в качестве одного из заместителей председателя Хасбулатов вполне подходил, но никто тогда и не предполагал, что он превратится в самостоятельного политического деятеля.

Неожиданный бунт шестерки заместителей Ельцина во главе со Светланой Горячевой и Владимиром Исаковым, написавших резкое антиельцинское письмо и опубликовавших его в «Правде», стал поворотным моментом в политической карьере Хасбулатова.

Письмо «шестерки» мелкотравчатых коммунистов, инспирированное подыхающей партией в лучшем духе ее отработанных годами практики политических доносов, ставило своей целью убрать Бориса Ельцина из политической жизни страны, поскольку инстинкт самосохранения подсказывал, что это надо сделать, пока еще не поздно.

К сожалению, политические решения, принимаемые инстинктом, всегда грешат тем, что не учитывают реальную обстановку. Подобное письмо в «Правде» замечательно сработало бы, если бы в момент его опубликования сам Ельцин уже находился в подвалах Лефортово, успев сознаться в своей диверсионно-шпионской деятельности в пользу, скажем, Японии.

Поскольку ничего подобного в реальной обстановке произойти, конечно, не могло, своим письмом великолепная «шестерка» взорвала мину под собственными стульями, а Ельцин получил от съезда, собранного на предмет его устранения, затребованные им дополнительные полномочия.

Неизвестно, кто надоумил Хасбулатова не подписывать знаменитое письмо, но он поступил именно так, и этот поступок мгновенно превратил его в героя для всех демократов и их сторонников по всей России.

Когда же Ельцин уходил в президенты России, у него просто не было уже другого выбора, как предложить кандидатуру Хасбулатова на освободившийся пост председателя Верховного Совета.

Коммунисты, перестроив свои ряды и порядком струхнув от всего, что потенциально могло произойти выдвинули в противовес Хасбулатову, также никому пока не известного Сергея Бабурина, молодого и нахального декана юридического факультета Омского университета, числившегося в агентуре КГБ под конспиративным именем «Николай».

В этом факте нет ничего особенного, поскольку КГБ, нацеленная в течение многих лет родной партией на политический сыск, организовала этот сыск по высочайшему классу. Возможно, когда-нибудь на эту тему будут написаны специальные исследования, как относительно немногочисленная, если сопоставить с размерами обслуживаемой территории, тайная политическая полиция, именующая себя КГБ, располагая примитивнейшими средствами сбора и обработки информации, в подавляющем большинстве случаев работая с одними картотеками и пыльными канцелярскими делами, держала в поле зрения 350 миллионов, составляющих население первого в мире государства победившего социализма.

И уж, конечно, в первую очередь, наблюдению и так называемой «негласной обработке» подвергались студенты и преподаватели юридических факультетов и институтов в масштабе не только СССР, но и всего Варшавского пакта. Оно и понятно, поскольку именно юридические факультеты КГБ с полным основанием считал кузницей собственных кадров и, как и всякое в высшей степени элитарное ведомство, не желал попадания к себе людей случайных…

Впрочем, это в одинаковой степени относится и к Сергею Бабурину, и к его сопернику, да и не только к ним, памятуя знаменитые слова Феликса Дзержинского о том, что все советские люди должны стать чекистами.

В течение нескольких дней шло голосование, решающее, кому быть на посту председателя Верховного Совета: Хасбулатову или Бабурину? Ни один не мог набрать нужного числа голосов.

Возможно, что Лубянка говорила по прямой связи с Омском, сравнивая кандидатуры, и никак не могла придти к оптимальному решению, Ведь выдвигалось же предложение сделать Хасбулатова председателем, а Бабурина — первым заместителем. Не согласились, а тандем был бы замечательный.

В разгар борьбы за место председателя Верховного Совета грянул августовский путч, в ходе которого коммунисты и кто был с ними оказались настолько сильно скомпрометированными, что когда президент Ельцин, спрыгнув с танка, появился перед

притихшими депутатами, объявив о запрете Коммунистической партии и конфискации ее имущества в казну, Хасбулатов был безропотно выбран председателем в первом же туре голосования.

Катапультированный, таким образом, президентом Ельциным на один из важнейших государственных постов, воссев на этом посту в отблеске президентской харизмы, Хасбулатов какое-то время еще играл роль преданного президентского оруженосца.

Долгое время почти все свои речи, и даже реплики, в Верховном Совете он начинал словами: «Мы с Борисом Николаевичем…», «Президент со мной советовался…», «Мы с Ельциным обсудили…». Над этими присказками посмеивались в Верховном Совете, а еще пуще — в прессе. Но Хасбулатов, разыгрывая из себя простецкого, застенчивого парня, как-то виновато улыбаясь, говорил: «Ну, что я могу сделать? Ну, действительно, мы с президентом все решаем вместе». Но одновременно — и высокие каблуки, чтобы быть повыше, и подушечка на стуле, чтобы голова держалась на уровне ельцинской головы, и замечание, как бы между прочим, вот люди говорят, что, дескать, верим только Ельцину и вам.

Вот, вроде, уже Ельцин всерьез воспринимает спикера, как равноправного партнера, как *главу законодательной власти* . Президент ведет с ним какие-то переговоры, заключает соглашения, вот уже они выходят под овацию зала втроем: Ельцин, Хасбулатов и Зорькин — руководители страны, триумвират, когорта равных.

«Что-то верный Руслан начал рычать на президента и покусывать его», — замечает пресса, сравнивая спикера с его тезкой, знаменитой владимовской овчаркой из охраны концлагеря.

И вот уже люди говорят, что верят только Хасбулатову, и удивляются, почему президентом является Ельцин, а не он, если Ельцин — даже не депутат.

И не юрист. («А ваш председатель, уважаемые депутаты не только экономист, но и юрист»).

Покусывает он президента вначале мягко: «Ну, президент не прав. Это мы отменим», «Ну, конечно, Козырева надо снять с работы», «Снимем Попова и Явлинского, если плохо будут себя вести».

И вот в речах Хасбулатова зазвучали мысли о приоритете и верховенстве законодательной власти во властной триаде, о том, что депутаты — это венец творения, что им подвластно все. Он сотворил этот странный псевдопарламентский мирок с собственной микрожизнью, принципиально замкнутой на себе.

Так ребенок создает между двух табуреток целое королевство, где он даже не король, а некое высшее божество, способное заменить короля в любой момент, когда тот ему чем-нибудь не понравится.

В этом маленьком придуманном мирке лишними были и избиратели, и президент. В этом микромире верили, что стоит им отправить президента в отставку, и он пойдет, что стоит им объявить о восстановлении СССР, и он восстановится, что можно внести все что угодно в текст Конституции, и не только бумага все стерпит, но и все заработает немедленно, что стоит объявить самих себя пожизненно несменяемыми, и все с этим согласятся.

И в этом микромире — своя жизнь. Коммунистическая партия запрещена в стране, запрещена на предприятиях, в учреждениях и воинских частях (разрешена только в жилконторах), а в Верховном Совете самая крупная фракция — это «Коммунисты России».

Всевозможные конституционные, либеральные и христианские демократы неожиданно объединились в откровенно фашистский блок, на фоне которого даже бабуринская фракция «Россия» выглядит поприличнее.

Депутаты крикливы и скандальны. Им не знакома не только парламентская, но даже казарменная этика. Они нападают на Хасбулатова, обвиняя его в том, что он — «ельцинский агент влияния», грозя выкинуть его со спикерского поста простым голосованием в любой момент.

Справа и слева летят обвинения в «нерусскости». От этого никуда не деться. Из нерусского русским не станешь. Даже у Сталина это не получилось, а о Хасбулатове и говорить нечего. Действительно, почему парламент — уже не советский, а русский, — должен возглавлять чеченец? Пусть едет себе в Чечню и там возглавляет что хочет!

«Хватит с нас кавказцев!» — с нескрываемым раздражением бросил как-то с экрана телевизора символ и патриарх русской демократической интеллигенции академик Лихачев, имея в виду Хасбулатова.

Если такое мог сказать Лихачев, можно себе представить, что мог бы сказать тот же Бабурин, получи он возможность высказать Хасбулатову все, что он о нем думает.

Но само упоминание о родной Чеченской республике приводило спикера в дрожь.

Захвативший в Чечне власть после развала Советского Союза Джохар Дудаев, в прошлом лихой авиационный генерал советских ВВС, объявил бывшую российскую автономию независимой суверенной республикой и, как следствие этого, отдал приказ об отзыве из Верховного Совета России всех депутатов, избранных от Чечни.

Естественно, Хасбулатов наотрез отказался выполнять этот приказ, но его статус «народного депутата» как бы повис в воздухе. Более того, взбешенный Хасбулатов не придумал ничего умнее, как отдать приказ о выселении всех чеченцев, проживающих в московских гостиницах, хотя никакого юридического права на это не имел, поскольку не обладал по закону никакими исполнительными полномочиями и грубо влез в прерогативу московского правительства.

Чеченцы остались в Москве, но мстительный генерал-президент Дудаев лишил Хасбулатова чеченского гражданства. А о российском гражданстве Хасбулатов хлопотать не хотел, считая это ниже собственного достоинства. Да, надо заметить, что никакой процедуры получения российского гражданства гражданами отколовшихся автономий, и даже республик, по существу не было.

Таким образом, во главе «ПЕРВОГО РУССКОГО СВОБОДНОГО ПАРЛАМЕНТА» оказался человек, который формально не был ни депутатом, ни русским и никаким другим подданным.

«Политический БОМЖ», — определил Хасбулатова ненавидящий его Михаил Полторанин.

«Пришелец, не имеющий никакого права даже заниматься делами России», — вторил ему пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков.

Мы все в той или иной степени расисты. Иначе и быть не могло после 70 лет фашистского режима России, хотя он и провозглашал здравицы в честь дружбы народов.

Руслан Имранович очень хорошо понимал то положение, в которое он попал, становясь заложником очень многих или совсем не контролирумых, или очень слабо контролируемых им сил.

Выходом было бы подать в отставку. Но от одной только мысли снова вернуться на уровень пусть даже и профессора престижного института была совершенно невыносима. Она была хорошо понятна каждому, кто из дерьма рядовой «совковой» жизни сумел пробиться в сказочное «зазеркалье» номенклатуры. Путь назад был хуже смерти.

Ведь у него уже все почти как у Ельцина: и собственная охрана, и выезд, и личный самолет, и президент в импичменте.

А кто его может заменить? Ведь не зря в Верховном Совете изо дня в день муссируется тема: пост президента в России следует отменить как «себя не оправдавший» и превратить

Россию в парламентскую республику, где истинным главой государства будет несменяемый спикер несменяемого парламента, о котором пресса не будет иметь права говорить ничего, кроме хорошего. Как о покойнике…

Но мартовский съезд, на котором пытались согнать с должности президента путем тайного голосования, показал Хасбулатову, насколько непрочно и его собственное положение, когда разъярившиеся депутаты неожиданно поставили вопрос о его собственной отставке.

И хотя его отставка не набрала и половины нужного числа голосов, но и сама по себе постановка подобного вопроса на голосование была грозным предупреждением. А последовавший вслед за этим апрельский референдум окончательно разрушил надежды на быструю и блистательную победу в борьбе за право безраздельно, с небольшой группой сообщников, распоряжаться Россией.

С этого времени Хасбулатов стал нервничать и совершать гораздо больше ошибок, чем до сих пор.

Одной из этих ошибок была попытка собрать вокруг себя всех недовольных происходящим в России переменами и выступить в поход против Ельцина под знаменем Объединенной оппозиции.

Казалось, что несметные легионы готовы собраться под знаменем Хасбулатова. Это казалось не только ему одному. Оглушенные собственными воплями, усиленные громкоговорителями на многочисленных совершенно диких митингах сами лидеры так называемой непримиримой оппозиции ошибочно считали, что имя им — легион. Хотя в действительности их было очень мало.

Отвратительная накипь рухнувшего в бездну истории тоталитарного режима, сметенная в кучу вокруг деградировавшего Верховного Совета инстинктивным пониманием неизбежности собственного конца и неверной надеждой на спасение, казалась силой только в том выдуманном микромире, куда она сама себя загнала.

А со стороны все уже видели неизбежность печального конца.

«Если та грязная волна, в которую так опрометчиво бросается Хасбулатов в последней надежде найти потерянную точку политической опоры, подхватит его и выбросит на берег, то он, судя по всему, останется никчемной, малопривлекательной фигурой, в которой никто не нуждается, и которая ничего не содержит», — отмечал журнал «Новое время» еще в июне 1993 года.

«Люди не читают тех изданий, которые пишут обо мне плохо», — как-то заметил Хасбулатов. Не читал их и он сам. А зря.

Потому что, поругивая Хасбулатова, а часто и просто издеваясь над ним, газеты вопрошали с некоторой смесью удивления и любопытства: «А на что, собственно, он рассчитывает? Неужели он не понимает, что соотношение сил таковое, что его просто прихлопнут как муху, да еще спишут на него и все грехи президента и его окружения, именуемых исполнительной властью».

Нет, не понимал. И уже не было у него другого выхода, Как драться с президентской ратью до конца.

Взрыв «одиннадцати чемоданов» опального вице-президента Руцкого, обвиняющего все президентское окружение в коррупции, спровоцировал серию ответных ударов, в результате которых сам вице-президент «де-факто» был лишен своего поста, погубив при этом и министра госбезопасности Баранникова.

Именно «одиннадцать чемоданов» Руцкого позволили президенту и его сторонникам динамично захватить инициативу и пообещать мощное сентябрьское наступление, поскольку история с «чемоданами», благодаря глупости самого Руцкого и изумительной способности

Хасбулатова попадаться на любую наживку, превратилась в бумеранг, бьющий по очень многим лицам как в России, так и вне ее, но совсем не по тем, для кого этот удар предназначался по плану Хасбулатова.

Пришлось вновь отступить с занимаемых позиций прямо в объятия тех, кто жил мечтами о реставрации «славного коммунистического прошлого». А они уж окончательно охмурили Хасбулатова, как ксендзы Козлевича, перечисляя свистящим шепотом номера дивизий и отдельных спецназовских полков, танковых бригад и соединений штурмовой авиации, готовых по получении условного сигнала немедленно взяться за оружие и выступить на защиту Верховного Совета и неувядающей социалистической конституции во имя восстановления СССР и советской власти.

Перечислялись и фамилии генералов и министров (нынешних и бывших), банкиров (наших и зарубежных) и предпринимателей, тайных советников и обиженных фаворитов, готовых на все во имя спасения родины «от ельцинской диктатуры и сионистского ига». Главное, не упустить время, когда следует подать условный сигнал.

Как говаривал Ленин: «Сегодня — рано, завтра — поздно!».

И все со страхом смотрели на Кремль, удивляясь долготерпению президента. Что ни говори, но, несмотря на все фарфоронство, напоминающее временами поведение школьников 6-7-го класса в отсутствие учителя до крика «атас» стоящего на стреме, президента в Верховном Совете побаивались.

У всех в памяти осталось истерическое заявление депутата Астафьева о том, что в разгар мартовского съезда на территорию Кремля введен спецназ. Многих пробрала дрожь.

А депутат Исаков, потребовавший импичмента Ельцину, говорил эти слова с выражением такой смертной тоски в глазах, как будто спецназовцы уже волокли его в пыточный застенок. Депутат подчеркнул, что голосование по этому вопросу должно быть обязательно тайным, чтобы, упаси Бог, президент не дознался, кто и как по этому вопросу голосовал,

Но после реплики депутата Астафьева даже самые храбрые решили на всякий случай воздержаться даже при тайном голосовании.

Ведь достаточно было одного движения президентских бровей, чтобы надоевшего ему депутата Слободкина, взяв за руки и за ноги, просто выкинули за дверь конституционного совещания, как в достопамятные времена Ивана Грозного.

Правда, в отличие от тех времен, его не посадили на кол и даже дали возможность, отдышавшись, дать на ходу пресс-конференцию. Но в зал больше не пустили, выкинув вслед и его проект новой советской конституции.

Страх пронизывал Верховный Совет неоднократно. Чуть ли не ежедневно то один, то другой депутат, неожиданно взяв слово, делал заявление о том, что президент (или кто-нибудь из его окружения, а окружение президента, в целом, считалось еще хуже самого президента) тайно посетил одну из элитарных воинских частей, вроде дивизии имени Дзержинского, где согласовал с командованием список депутатов, подлежащих, как обычно заявляли депутаты, «интернированию».

Для чего в дивизии срочно освобождены четыре казармы, а солдаты брошены на тактические учения поближе к Москве на один из секретных полигонов, где построен макет Белого Дома в натуральную величину.

Депутат Челноков даже как-то представил список подлежащих интернированию, который, разумеется, открывался его собственной фамилией.

Приступы страха сменялись приступами нервного возбуждения и клятвами защищать конституцию «если понадобится, с оружием в руках».

Президент молчал. Его молчание истолковывалось как слабость и нерешительность, столь явно продемонстрированные Ельциным в марте.

Это дало повод отставному генералу Филатову опубликовать в газете «День» призыв к русскому народу, «который Должен поступить с президентом, как поступил египетский народ с изменником Анваром Садатом».

То есть расстрелять президента в упор из автоматов, забросав предварительно гранатами.

Это дало повод депутату Илье Константинову с трибуны съезда возглавляемого им Фронта национального спасения объявить о начале «народно-освободительной войны против оккупационного режима Ельцина».

А самого Ельцина публично вздернуть на Красной площади.

Это дало повод кокетливой Сажи Умалатовой заявить что президента следует повесить за ноги, вниз головой.

Это дало повод лидеру «Трудовой Москвы» Виктору Анпилову не согласиться со всеми перечисленными мерами, поскольку, по его мнению, президента следует отдать на растерзание толпе.

Это дало повод и самому Хасбулатову заявить, что «закон и палач» встанут на пути любой попытки президента вырваться из порочного круга путем разгона Верховного Совета.

Все они знали, что говорили, поскольку ксерокопии проекта президентского указа уже по тайным каналам «приплыли» из канцелярии Ельцина в канцелярию Хасбулатова. Поэтому их совместные действия уже очень напоминали попытку остановить идущий танк с помощью заливистого собачьего лая.

16 сентября президент Ельцин, как было официально объявлено, отправился в Балашиху, где квартировалась знаменитая своим участием в многочисленных дворцовых переворотах дивизия имени Дзержинского.

Президент эффектно появился на телеэкране в красном берете спецназовца в окружении старших офицеров дивизии, министра обороны Грачева и министра внутренних дел Ерина.

Демонстрируя свою высочайшую подготовку главе государства, солдаты разбивали лбами кирпичные кладки, крушили ногами бетонные заборы, а ребром ладони — стеллажи двухдюймовых досок. Налюбовавшись зрелищем и явно придя в отличное расположение духа, президент поделился с офицерами последней новостью: он принял решение вернуть в правительство Егора Гайдара. Пока — на должность вице-премьера в правительстве Виктора Черномырдина.

Если бы президент прямо перед телекамерами плюнул бы в лицо Хасбулатову и съездил по уху Руцкому, то вряд ли эффект был бы большем, чем от этого заявления.

Егор Гайдар, внук знаменитого Аркадия Гайдара, родившийся от брака Тимура и Жени, воспетых его дедом в классической для воспитания юного коммунистического поколения книге «Тимур и его команда» (после чего всех пионеров в СССР стали называть «тимуровцами»), был автором и архитектором глобальной экономической реформы, согласно которой, посткоммунистическая Россия должна была чайкой белокрылой перелететь из тоталитарного болота на рельсы рыночной экономики.

Егор Тимурович, в отличие от своего деда — сталинского писателя и папы — адмирала, был доктором экономических наук и свои экономические теории печатал еще в печально знаменитом журнале «Коммунист».

Теории Егора Гайдара были знакомы только сверхузкому кругу специалистов, и, видимо, ему так никогда и не было бы суждено померяться славой со своими дедом и отцом, если бы логическую красоту его теории не оценили сразу и Ельцин, и Хасбулатов в те времена, когда

спикер еще вставлял во все свои выражения неизменное: «Мы с Борисом Николаевичем посоветовались и решили…»

Многие уже забыли, что в совсем недавние времена Руслан Хасбулатов, разъедаемый своими вечными комплексами неполноценности, даже намекал на «соавторство» экономической теории Гайдара. Теория, как и все гениальное на свете, была проста, предусматривая освобождение цен с одновременной повальной приватизацией и увеличением налогов, чтобы добыть деньги в казну на правительственные нужды.

На языке экономистов она называлась «шоковой терапией» и была уже опробована в некоторых странах, например, в Польше, показав быстрые и довольно впечатляющие результаты.

В России, как и водится, эта теория не дала никаких результатов, если говорить о результатах положительных. Вместо белокрылой чайки получился тяжелогруженный состав, который, к тому же, полетел под откос. Освободившиеся цены скаканули на все, без исключения, в 1000 раз, и это были практически все результаты.

Другими словами, произошел только шок без всякой терапии. Приватизация провалилась, закон о земле утонул в склоках и парламентских скандалах, а новая налоговая политика быстро удушила почти всех производителей, открыв дорогу перекупщикам и жуликам всех мастей и масштабов.

Трудно поверить, что Гайдар был настолько оторван от реальности, что мечтал взлететь «белокрылою чайкой» к лапкам которой были привязаны совершенно неподъемные даже для слона гири военно-промышленного комплекса, с которым влезать в шоковую терапию было чистым безумием.

Нет, премьер правительства, по его же собственным словам, надеялся, что «бароны ВПК», поняв обстановку, либо самоликвидируются (выбросив своих рабочих на улицу), либо быстро проведут конверсию, перепрофилировав свои заводы со стратегических ракет на чайники, либо приватизируются и сами найдут себе рынок сбыта, исправно платя в казну налоги.

Разумеется, бароны не желали делать ни того, ни другого, ни третьего. Напротив, сомкнув ряды, они не только наглухо затормозили реформу, но и добились ухода в отставку самого Гайдара. После чего в стране началась стагнация с балансированием на грани пропасти. На глазах стало разваливаться все: от бесплатного образования и медобслуживания до вооруженных сил.

Все показатели промышленного производства и жизненного уровня, который и до этого нельзя было назвать не то что высоким, но даже средним, стремительно поползли вниз. И народ, у которого, по меткому наблюдению одного циничного обозревателя, оставалась только душа, да и то потому, что ее нельзя было продать за иностранную валюту, открыто роптал, по давней традиции требуя, чтобы ему указали виновного в нынешнем положении вещей.

Ему указали на виновного. Им был Егор Гайдар. Гайдара сняли, но обстановка не менялась. Цены и темпы инфляции неудержимо ползли вверх, жизненный уровень народа падал уже за красную черту, за которой уже начиналась нищета.

Соответственно падала и рождаемость, уступая дорогу смертности.

Те, кто хотел вернуться назад в коммунистическое вчера, были бессильны что-либо предпринять, чтобы перевести заглохший мотор страны на задний ход.

В равной степени оказались бессильными и те, кто хотел идти вперед. Страна погружалась в трясину коррупции, инфляции и анархии.

Потоком, как во времена эвакуации при подходе армии противника, из страны вывозилось все, за что можно было получить доллары. На лицензиях, разрешающих вывоз,

красовались подписи представителей как законодательной, так и исполнительной властей. Но и вырученные доллары оставались в банках США и Западной Европы, ибо никто не решался хранить их в России, опасаясь новых указов о конфискации, экспроприации и прочего, вытекающего из вечно живого ленинского призыва: «Грабь награбленное!»

Хотя в нынешних условиях призыв вождя мирового пролетариата можно было перефразировать как: «Дограбь ограбленных!»

И вполне естественно, что в подобных условиях страну захлестнула небывалая волна преступности от обычных убийств до подделки американских долларов.

Центральный банк начал выпуск невиданных доселе купюр: сперва достоинством в 1000 рублей, затем — 5000, 10000 и, наконец, — 50000 рублей. Ходили слухи, что уже готово клише в 100000 рублей, а в газетах уже рисовали эскизы купюры достоинством в миллион рублей, в центре которой красовался двуглавый орел с головами Ельцина и Хасбулатова, рычащими и лязгающими зубами друг на друга в попытке перетянуть к себе императорскую корону.

В подобных условиях возвращение Гайдара в правительство было особо символично, являясь, по сути, открытым объявлением войны, ибо президент открыто продемонстрировал, что намерен идти дальше по пути реформ, а не возвращаться в коммунистический маразм прошлого.

Объявление войны, обставленное соответствующим образом, — президент в берете спецназовца, окруженный силовыми министрами и офицерами дивизии имени Дзержинского, — было воспринято однозначно, по крайней мере, в лагере противоборствующей стороны, сгруппировавшейся вокруг Верховного Совета.

«Спокойные первые две недели сентября на российской политической сцене, — отметила пресса, — казалось, не оправдывали президентских предсказаний о боевом сентябре, в течение которого должен был окончательно решен вопрос о власти.

Но буквально в течение трех-четырех дней, открывших вторую половину месяца, обнаружилось, что спокойствие было лишь видимостью. Сражение началось и перешло в такую фазу, которая делает невозможным не только мир но и перемирие…

События конца прошлой недели последовали одно за другим с такой скоростью, что трудно понять, что явилось детонатором взрыва. Пожалуй, все-таки им стало назначение на пост вице-премьера Егора Гайдара…

Одновременно был отстранен от руководства экономикой страны Олег Лобов… Замена Лобова на Гайдара была справедливо воспринята противниками курса на реформацию экономики не только как «показ флага» со стороны президента, но и как крушение их собственных попыток остановить эту реформацию путем введения в правительство «троянского табуна».

После того как попытки эти были столь решительно пресечены, у антиреформаторов не осталось иного выбора, как поднять забрало… Шаги, сделанные оппозицией практически одновременно с возвращением на политическую сцену Егора Гайдара, означают не что иное, как объявление гражданской войны.

Верховный Совет, «патриоты», коммунисты в практически одинаковых выражениях заявили, что они открыто берут курс на реставрацию советской власти и восстановление СССР. Надо признать, что в нынешнем положении для них действительно нет иного пути — все прочие имеющиеся у них возможности полностью себя исчерпали.

Еще недавно лексикон «непримиримой оппозиции» включал в себя такие термины, как «парламент» (как с легкой руки прессы стали называть у нас Верховный Совет или даже пресловутый съезд народных депутатов), «парламентская республика», «суверенитет

России». Оппозиционеры клялись в своей приверженности демократии и рынку. Теперь с маскировкой покончено…

На субботнем совещании советов всех уровней панегирики советской государственной системе звучали в выступлении едва ли не всех ораторов, а один из них, срывая аплодисменты зала, даже выкрикнул знаменитый лозунг: «Вся власть Советам!».

Со всей решительностью присоединился к реставраторам и Руслан Хасбулатов, провозгласивший: «Советы — это и есть народ!». Выступивший в тех же стенах «вице-спикер» Александр Руцкой не менее энергично воздал хвалу советской власти, почти слово в слово повторив в этом Геннадия Зюганова, который также призвал к возрождению Советского Союза «через Советы»…

Хасбулатов, забывший, что его подпись стоит под постановлением Верховного Совета о денонсации Союзного договора, развертывал свои проекты обратного преобразования СНГ в Союз…»

Было заметно, что оппозицию во всем ее спектре охватила паника, близкая к истерике, поскольку весь ее политический спектр от откровенных фашистов генерала Стерлигова и коммунистов Геннадия Зюганова до разных там «христианских демократов» и «кадет» Ильи Константинова вдруг хором завопили о реставрации Советского Союза и тоталитарного режима «через Советы».

Было видно, что ни у кого в оппозиции нет никакой положительной программы, кроме возвращения в вонючую выгребную яму коммунизма. А несколько постоянно митингующих перед Белым Домом пенсионеров, декламирующих простуженными голосами: «Савецкий Саюз!» — внушили им мысль о том, что возвращения в их любимый тоталитаризм жаждут и десятки миллионов других людей на необъятных просторах России.

Напротив, десятки миллионов людей уже почувствовали вкус новой жизни, вкус свободы, и не собирались ее менять на мифическую колбасу за 20 копеек, которой они, кстати говоря, в подавляющем большинстве никогда не видели, разве что при поездках в Москву, угадывая эту колбасу по километровым очередям.

«Россия — не одна Москва», — как-то мудро, во время другого кризиса, заметил фельдмаршал Кутузов. Но об этом всегда забывают…

В Верховном Совете стали ждать следующего хода президента. Что это будет за ход — многие знали: утечка информации из «кругов, близких к президенту», работала четко и почти без перебоев.

Вопросом оставалась дата, когда президент решится на публикацию своего указа, и как все это будет преподнесено стране. Уже давно была продумана тактика обороны, как идеологической, так и силовой, если придется.

Вся оборона идеологическая была построена на незыблемости и святости Конституции, которая не предусматривала никаких процедур разгона Верховного Совета, кроме самороспуска. Считалось, что и Запад, а в первую очередь — Соединенные Штаты, в ужасе отшатнутся от Ельцина, узнав о нарушении тем Конституции — слова, которое в США произносится почти с такой же святостью, что и имя Божие

Нет хуже преступления, чем нарушение Конституции «Плохая она или хорошая, — говорили теоретики-юристы вроде Валерия Зорькина, — но другой Конституции у нас нет».

Кстати говоря, напоминали многие, именно на этой Конституции клялся сам Ельцин, принимая присягу президента под благословением Патриарха.

Силовое сопротивление было построено на принципе, что армия также присягала стоять на защите конституционного строя…

Последние дни Верховный Совет жил фактически на казарменном положении, питаясь всевозможными слухами и домыслами, напоминая потревоженный муравейник.

Сегодня, 21 сентября, Хасбулатов еще утром собрал экстренное заседание президиума Верховного Совета. Темой обсуждения стала напряженная ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях исполнительной и законодательной ветвей власти.

Хасбулатов отметил, что в Москве, в ночь с 19 на 20 сентября, имели место несанкционированные передвижения крупных групп внутренних войск. По этому поводу Министерство внутренних дел не смогло дать аргументированного объяснения, невнятно ссылаясь на то, что подразделения то ли возвращались с уборки картошки, то ли направлялись на нее.

Избегая резких и конкретных формулировок, спикер снова предупредил депутатов о том, что «кто-то может прибегнуть к силовым действиям», чтобы заблокировать деятельность Верховного Совета и местных органов представительной власти.

Выступивший вслед за ним его первый заместитель Юрий Воронин напомнил собравшимся, что имеются все основания предполагать возможность введения прямого президентского правления в самое ближайшее время.

«Мы все должны знать, — подчеркнул Воронин, — что антиконституционное выступление возможно. И наша пря мая задача — сохранить конституционный строй».

В 17 часов 30 минут состоялось новое заседание президиума Верховного Совета. Обсуждалась все более тревожная информация о предстоящем указе президента,

Депутат Иона Андронов предложил не ждать указа, а уж, тем более, не ждать каких-либо силовых действий в отношении Верховного Совета, «но форсировать события», самостоятельно перейдя к активным действиям во имя спасения «конституционного строя». На это Хасбулатов, закрывая заседание, ответил: «Нам не надо спешить. Нам надо подождать. Мы не можем поддаваться на чью-то удочку».

И ВОТ ЧАС НАСТАЛ.

Долго маневрировавший президент, наконец, развернулся и дал по парламенту бортовой залп.

На экране телевизора, как ни в чем не бывало, замелькали пестрые обертки «Сникерсов», яркие пачки американских сигарет и назойливые клипы разнообразных, расплодившихся в последнее время, инвестиционных и промышленных фондов, желающих выудить как можно больше ваучеров у запутавшегося вконец населения…

Хасбулатов почувствовал, как бешено заколотилось его сердце.

Час настал. Теперь необходимо ввести в действие давно продуманный план. Теоретически он был неуязвим, если смотреть на этот план с точки зрения действующей Конституции.

Кстати говоря, президент своим указом не вводил чрезвычайного положения, не отменял конституционных гарантий и вообще не делал ничего.

А просто разгонял Верховный Совет с непринужденностью абсолютного монарха, для которого никакие законы не писаны, а парламент имеет свободу действий только до провозглашения: «Такова воля короля, милорды!» После чего разгоняется.

Включив селектор, Хасбулатов приказал президиуму вновь собраться на экстренное совещание, немедленно подготовить чрезвычайную сессию Верховного Совета и немедленно оповестить всех о созыве внеочередного («очередного внеочередного», как однажды сострил Шахрай), Х-го съезда народных депутатов.

Если Ельцин хочет войны, он ее получит!

В этот момент в его кабинете появились Воронин и Руцкой.

21:00

Изгнанный из Кремля и с занимаемой должности бывший вице-президент Руцкой слушал заявление президента в бывшем кабинете Владимира Шумейко, который тот занимал в бытность свою одним из заместителей Хасбулатова.

Самого Шумейко переманили в Кремль на должность вице-премьера, где он в самое короткое время стал ближайшим сотрудником президента и злейшим врагом Руцкого.

Александр Владимирович Руцкой по профессии был пилотом истребителя-бомбардировщика или штурмовика, как любят называть этот класс боевых машин в России. Воевал в Афганистане.

Какие цели могло найти командование, против которых было бы оправдано использование столь мощного бомбардировщика как СУ-27, известно ему одному, и хотя сам Руцкой много раз божился, что не занимался бомбежкой кишлаков, то есть истреблением мирного населения, но в районе, где оперировал его полк, просто не было никаких других объектов, кроме кишлаков, каждый из которых стоил много меньше, чем сброшенные на него бомбы и ракеты.

Послужной список Руцкого в Афганистане мог бы составить впечатление о нем как о хроническом неудачнике. В невероятно благоприятных условиях полного превосходства в воздухе и примитивнейшей системы ПВО у противника Руцкой все-таки умудрился быть два раза сбитым: один раз — партизанской ракетой, второй — пакистанским курсантом летного училища, залетевшего в воздушное пространство Афганистана из-за слабого знания навигации и решившего прославиться во имя аллаха великого и милосердного.

Во втором случае полковник Руцкой попал в плен к партизанам, и был ими передан пакистанским властям. Такого «жирного гуся» в полковничьих погонах советской армии партизанам редко удавалось не то что взять в плен, но даже и увидеть, так что в госпиталь, где полковник-неудачник приходил в себя после сложного катапультирования, слетелась половина пакистанской спецслужбы и несколько высокопоставленных сотрудников ЦРУ, специально для этого перелетевших через два океана.

О чем они беседовали с Руцким, можно только догадываться (хотя, скажем, тот же Жириновский в одном из своих выступлений уверял, что Руцкой именно тогда дал обязательства работать на ЦРУ, но хотелось бы найти источник посолиднее).

Однако, о чем бы они там ни беседовали, командование оккупационных сил в Афганистане очень встревожилось, не столько, видимо, из-за судьбы самого Руцкого, сколько из-за того факта, что сбитый полковник может появиться на экранах западного телевидения и обрушить на падкую до сенсаций буржуазную аудиторию поток очередных антисоветских измышлений.

Одно дело, когда это делают рядовые солдаты-несмышленыши, другое дело, — когда полковник.

Сегодня, зная, что предательство вчерашних соратников было у Руцкого чем-то вроде хобби, следует признать, что у командования были все основания для подобных опасений. Командование вступило в переговоры с партизанами и пакистанскими властями, чтобы выкупить Руцкого из плена.

Партизаны за полковника запросили очень дорого. Помимо требования выпустить из кабульской тюрьмы около двух десятков своих товарищей, они еще потребовали предоставить им целую гору разного оружия, включая БМП, и боеприпасов, которыми можно было вооружить целый батальон регулярной армии, а учитывая запросы партизан, — целую их группировку,

Не следует забывать, что в специфических условиях афганской войны оружие было не только средством ведения боевых действий, но и валютой. Его (оружие) можно было легко загнать, скажем, в Сомали или Ливан, а то и обменять на наркотики, которые втридорога можно было продать командованию афганской коммунистической армии.

Сделка состоялась, и Руцкой был отозван в Москву, где был откомандирован в распоряжение главкома ВВС, тогда еще генерал-полковника Шапошникова. Именно из главкома Шапошникова Руцкой, как черт из люка, появился на политической сцене, пробившись в Верховный Совет в составе приснопамятной партии Полозкова.

Если Хасбулатову удалось пробиться наверх именно из-за своей безвестности и кажущейся безобидности, то полковник Руцкой, напротив, сразу обратил на себя внимание кипучей энергией, напористой агрессивностью и умением быстро изменять политический курс в зависимости от обстановки.

Руцкой появился на политической сцене весной 1991 года, когда в России началась президентская кампания. Еще существовал Советский Союз, еще существовала КПСС, и хотя она уже дышала на ладан, но оставалась пока единственной организованной силой. Союзные власти во главе с Горбачевым, президентом СССР и генсеком КПСС, вели яростную кампанию против Ельцина.

Именно в это время Руцкой с трибуны съезда объявил о создании фракции «Коммунисты за демократию», расколов тем самым партию Полозкова и оказав весьма внушительную помощь «демороссам». Более того, Руцкой осмелился громогласно заявить, что основанная им фракция «полностью поддерживает Верховный Совет РСФСР и его председателя (каковым тогда был Ельцин), осуждает деятельность средств массовой информации, порочащих Ельцина и решительно поддерживает „введение в республике института президентства".

Само название фракции Руцкого «Коммунисты за демократию» (или «Хищники за вегетарианство», как острили в политических кругах) настолько шло вразрез с политикой умирающей КПСС, что подобное предательство не могло остаться незамеченным. На мятежного полковника обрушился весь набор карательных мер, на которые еще была способна родная партия.

По просьбе областного совета ветеранов его незамедлительно лишили звания «Почетный гражданин города Курска», а газета «Красная звезда» стала публиковать «письма трудящихся», в одном из которых, в частности, говорилось:

«Возмущена выступлением на съезде А. Руцкого. По сути дела, он предал нас, избирателей Кунцевского района Москвы. Я прекрасно помню, как во время предвыборной кампании он на одном из митингов клялся в верности ленинским идеям, разоблачал псевдодемократов. Так что же произошло, если спустя всего несколько месяцев Руцкой решил побрататься с Глебом Якуниным, внес раскол в ряды российских коммунистов?»

Если это и было предательство, то уже, по меньшей мере, не первое. Руцкой, как и многие другие еще безвестные политики, вышедшие из военной среды, тяготел к известному обществу «Память», поскольку, даже сражаясь в Афганистане, был уверен, что сражается с мировым сионизмом.

Для людей энергичных и вечно жаждущих борьбы борьба с мировым сионизмом представлялась лучшим применением сил, уже хотя бы потому, что она могла продолжаться бесконечно долго и на первый взгляд выглядела вполне безопасной. Ответные удары почти никогда не обрушивались на кого-то персонально. Когда же начинали разваливаться, утопая в кризисах, «тысячелетние империи», то даже тогда ни у кого не возникало мысли отнять спички у детей, играющих на бензоскладе…

Поэтому вполне естественно, что Руцкой стал одним из организаторов, а потом и заместителем председателя «патриотического общества „Отечество", в которое, по замыслу,

должны были войти все организации и группы, готовые сражаться с сионизмом до победного конца.

Для освещения деятельности общества во всероссийском масштабе Руцким была задумана газета, редактором которой он мыслил поставить своего старого друга еще по Афганистану Александра Проханова, обещая ему финансовую и любую другую поддержку тогда еще только задумывавшейся патриотической газеты, получившей позднее название «День».

Возможно, Руцкой так и погряз бы в борьбе с сионизмом до победного конца и даже занял бы место генерала Филатова в газете «День», если бы генерал Шапошников не порекомендовал бы его Ельцину в качестве «офицера связи» на случай «непредвиденного развития событий».

Ельцин, который нежданно-негаданно очутился во главе «Демократической России» и шел к своей цели напролом, по принципу «все или ничего», очень нуждался в армейской поддержке в случае «непредвиденного развития событий», которое, надо сказать, было вполне предвиденным.

Как часто с ним случалось (и случается), Ельцин толком не понял того, что ему порекомендовал главком ВВС, а поскольку как раз в этот момент будущий президент России занимался подбором кандидатуры вице-президента, то и решил сделать им Руцкого.

С высоты Ельцина должность вице-президента мало чем отличалась от должности офицера связи или чиновника для поручений. Недаром в статусе президентского аппарата говорилось, что главной обязанностью вице-президента является выполнение поручений президента. А то, что этот человек по статусу может автоматически стать президентом, в случае не только смерти, а любой «невозможности президентом выполнять свои обязанности» (в случае, скажем, «импичмента», ареста, придуманной болезни и тому подобного), об этом никто не подумал, включая и самого Ельцина, считающего себя если не бессмертным, то, во всяком случае, политически неуязвимым.

Сам Ельцин тогда находился в тисках между радикальными демократами, которые предлагали ему в качестве кандидатов в вице-президенты длинный список фамилий от Собчака до Старовойтовой, и своими верными партработниками из Свердловского обкома КПСС, которые, морщась при виде демократов с их профессорским, а то и просто «итээровским», прошлым, рекомендовали ему выбрать кого-нибудь «поприличнее», указывая в качестве варианта на фигуру Вадима Бакатина, с коим не стыдно было бы появиться на людях, поскольку тот был таким же секретарем обкома и членом ЦК, как и сам Ельцин.

Ельцин уже даже предложил Бакатину составить «пару», но тот отказался, так как по приказу родной партии сам выдвинул свою кандидатуру в президенты. А тут как раз подвернулся Руцкой. Таким образом, конкурс между демократами и партноменклатурой выиграл армейский полковник.

Однако, иметь вице-президентом сопредседателя патриотического общества «Отечество» даже Ельцин не мог себе позволить, а потому Руцкому пришлось срочно отмежевываться от вчерашних дружков.

Руцкой резко порывает с «Отечеством», публично объявив, что в его планы «входило создать совсем иную организацию, нежели получилось», и что он порывает с ними «окончательно и бесповоротно».

«Предатель, перебежчик, подлец» — это были наиболее мягкие эпитеты, которые обрушили «патриоты» на голову Руцкого.

«Я же считаю, — заявил в ответ Руцкой, — что подлецы — они. Туманят людям головы. Придумывают разные сказки, в которые сами-то не верят… Организации, разжигающие национальную рознь, должны быть немедленно запрещены».

А поскольку эти слова были сказаны уже в ранге вице-президента, то предательство Руцкого стало для «патриотов» обидным вдвойне.

Когда же, находясь с официальным визитом в Израиле, Руцкой ни с того, ни с сего брякнул, что у него мама — еврейка, думая, видимо, что это обстоятельство облегчит получение кредитов от израильских банков, «патриоты» по всей Руси ахнули, став единственными, кто в это свято поверил.

Теперь им все стало ясно. Несколько позже, планируя государственный переворот и видя себя в нем чем-то средним между Пиночетом и Ярузельским, Руцкой попытался сплотить вокруг себя «патриотические» силы страны, выступив с длинной речью на Всероссийском съезде патриотов. Вот тут ему и вспомнили маму-еврейку! «Патриоты» самых разных направлений около получаса свистели, визжали, орали «Иуда!», скандировали: «Мы протестуем против вас на трибуне!», а Дмитрий Васильев демонстративно покинул зал, увлекая за собой свою свиту и телохранителей. Тем не менее, Руцкой произнес свою речь, которая вся состояла из длинных цитат Ильина и Бердяева, а так как ни того, ни другого в зале никто не читал, предпочитая книги из библиотеки генерала Стерлигова, то все искренне решили, что вице-президент рехнулся. Уж больно умничает. И ничего не понять.

Это произошло позднее, а пока Руцкой в свете представившихся новых возможностей, лихорадочно отмежевывался от «патриотов» и «полозковцев», основав в пику последним даже новую партию с совершенно фантастическим названием: «Демократическая партия коммунистов России».

Хотя это было не более, чем попытка расколоть РКП, а в случае чего спихнуть с должности и самого Полозкова, коммунисты вслед за патриотами стали обвинять разошедшегося полковника в измене, используя при этом любимое ленинское определение «ренегат». В разгаре этой внутрипартийной склоки подоспел августовский путч, сделав дальнейшие споры чисто академическими, а потому и мгновенно затихшими.

В августовском путче Руцкой сыграл самую заметную роль из всех его участников по обе стороны как идеологических, так и настоящих баррикад, а его высадка во главе десантной полуроты в Бильбеке и освобождение томившегося от неизвестности в Форосе президента Горбачева принесло ему, помимо всесоюзной славы, еще и генеральскую звезду на погоны.

Звезду, которую по каким-то известным им соображениям, дважды «зарубили» бюрократы из Министерства обороны в славные коммунистические времена. Если бы в СССР и России путчи шли постоянно, о чем еще мечтал Троцкий в своей теории «перманентной революции», то можно с уверенностью сказать, что Руцкой, веди он себя поумнее, быстро стал бы и маршалом и генералиссимусом, а может быть, даже и обергенералиссимусом.

Но короткий промежуток относительно мирного времени так же опасен для подобных людей, как весна для Снегурочки…

Путч давно кончился, а в приемной Руцкого все еще толклись какие-то непонятные личности с автоматами и гранатометами, шныряли какие-то загадочные субъекты с набитыми долларами кейсами, мелькало вдохновенное лицо генерала Стерлигова, кучковались известные на всю столицу деятели черного бизнеса, сверкали грозные очи министра госбезопасности Баранникова, быстро тускневшие под печальным взглядом международного афериста Бориса Бирштейна, порожденного некогда КГБ, а теперь вернувшегося в Россию, чтобы «купить некогда породившую его контору со всеми потрохами». И не очень дорого.

Вместе с этими людьми, известными на всю страну, если не сказать, на весь мир, в приемной гудела и шепталась пестрая мелочевка от фельдъегерей с секретных сибирских заводов и из воинских частей, о существовании которых не знало даже Министерство обороны, до разного мелкого жулья, промышляющего подделкой иностранных паспортов, разрешения на ношение оружия, сертификатов Внеш-комбанка, а при необходимости, и долларов США.

Далеко не все, конечно, могли пробиться в кабинет Руцкого, охраняемый молчаливыми людьми в камуфляже без знаков различия с демонстративно повешенными на грудь десантными автоматами.

«Они липли на меня, — вспоминал позднее Руцкой, — как мухи на липучку. Я и сейчас понятия не имею, что они все от меня хотели…»

Единственным человеком, который беспрепятственно, с улыбкой кивнув автоматчикам, проходил в кабинет Руцкого, когда ему вздумается, был популярный киноартист и режиссер Никита Михалков, взявший на себя трудную задачу воспитать нового вице-президента (старый вице-президент, как известно, уже сидел в тюрьме) в духе просвещенного патриотизма с уклоном на соборный социализм.

Не в силах это сделать самостоятельно — Руцкой любил выпить и попариться в баньке, брал уроки игры в теннис, но от философских бесед откровенно скучал — Никита Сергеевич, как гувернер старых времен, подобрал для вице-президента обязательный минимум книг, которые тот поклялся прочитать. Среди этих книг заметное место занимали работы крупнейшего русского философа-консерватора Ивана Ильина, объединенные почти в восьмисотстраничный сборник «Наши задачи».

Самого Ильина, высланного в свое время из страны по приказу Ленина и умершего в эмиграции в 1954 году, начали печатать в России совсем недавно, и цитировали все, кому не лень: от откровенно профашистского журнала «Молодая Гвардия» до либеральной «Юности».

Сам Никита Михалков, у которого под тончайшим слоем напускного и совершенно неестественного православия кипели идеи самого тривиального национал-большевизма, почему-то считал своим долгом в том же духе воспитать и вице-президента.

К чести Руцкого, надо сказать, что он и не пытался постичь ювелирную огранку мыслей выдающегося философа, когда-то вызвавшего страшный гнев всех трех великих вождей тоталитаризма: Ленина, Гитлера и Сталина. А на все вопросы появлявшегося в кабинете Михалкова: «Саш, ну ты прочел Ильина-то?», — виновато улыбался в усы, ссылался на нехватку времени, но твердо обещал «прочитать и доложить».

Как-то даже сказал, что прочел, но Никита, поглядев ему в глаза, вздохнул: «Врешь, не читал». Неизвестно на что надеялся Михалков, упорно подсовывая Руцкому Ильина, но часто подчеркивал, что глава государства Российского должен знать хотя бы, что ждет мир в случае развала этого самого государства, от чего Ильин предостерегал еще более полстолетия назад.

Кстати, именно из-за Михалкова Руцкой впервые поссорился с президентским фаворитом Бурбулисом, который презрев все просьбы Руцкого, так и не дал Михалкову слова на помпезном митинге по случаю похорон трех жертв августовского путча.

В окружении президента Ельцина было, мягко говоря не очень уютно. Окружение наполовину состояло из старых партийно-номенклатурных вельмож такого ранга, что их и «товарищами» страшно было называть. Естественно, что они смотрели на новоиспеченного генерала как на выскочку, взятого в их круг неизвестно за какие услуги, да и неизвестно зачем.

Руцкой ежился от их презрительно-надменных взглядов, которые приобретаются только долгими годами работы в аппарате или секретариате ЦК КПСС. Вторая же половина президентского окружения состояла из разных профессоров политэкономиии, научного коммунизма, социалистического права, народного хозяйства и тому подобного.

Ребята эти были сравнительно молодыми, но считали себя шибко умными, а на Руцкого смотрели как на фельдфебеля, по какому-то медосмотру очутившемуся в президиуме академии наук.

Армия — хорошая школа интриги, но армейская интрига, будучи все-таки, как и все армейское, несколько прямолинейной, в корне отличалась от интриг, характерных для высшего партэшелона и академических кругов специфически советских гуманитарных наук. Да и армейскую интригу Руцкой познал лишь на уровне среднего звена. Так что в окружении президента его быстро оттеснили от патрона и, что говорится, задвинули в угол.

Попадать в высшие органы государственного управления с должности командира полка, особенно в нашей стране, смертельно опасно. Тут даже речь идет не о неизбежной «кессонной» болезни от столь стремительного взлета по служебной лестнице, от которой вечно кружится голова и звенит в ушах, а о специфике принятия решений и ответственности за них.

Когда генерал Дудаев объявил о независимости Чечни, взоры всех обратились к Руцкому, прося у него оптимального совета как у государственного мужа высочайшего ранга.

Что мог посоветовать Руцкой, чьи знания и опыт не простирались далее кабины бомбардировщика? Высадить в Чечне десант, обеспечив этому десанту плотное воздушное прикрытие. Захватить правительственные здания и жизненно важные объекты в Грозном, как в Кабуле. Арестовать и «пристрелить при попытке к бегству» Дудаева. А для начала ввести в Чечне чрезвычайное положение. Указ о чрезвычайном положении мог отдать только президент Ельцин, что он и сделал, так как все остальные его советники отмолчались, давая понять, что ничего умнее просто невозможно придумать.

Генерал Дудаев немедленно обратился по радио, призвав мировое сообщество обратить внимание на готовящуюся со стороны России агрессию против молодого суверенного государства.

Подобное обращение к «мировому сообществу», конечно, мало помогло бы Чечне, но генерал Дудаев, кроме того, обратился и к своим таинственным боевикам, якобы разбросанным по всей России, призвав их, в случае «какой-либо агрессии против Чечни», превратить Москву в «зону бедствия», проводить диверсионные акты против объектов жизнеобеспечения по всей России, взорвав, в первую очередь, несколько атомных электростанций.

Кроме того, намекнул мятежный генерал, он, разумеется, в условиях агрессии не сможет гарантировать безопасность русского населения как в Грозном, так и по всей территории независимой Чеченской республики.

Доктора разных наук и секретари разных обкомов кинулись к Ельцину, заклиная его отменить указ о введении чрезвычайного положения в Чечне.

Таким образом, Россия и президент были поставлены в смешное, если не сказать — унизительное, положение, которое оставалось только проглотить как горькую пилюлю, признав совершившийся факт начала развала Российской Федерации.

Великолепная интрига одновременно подставила президента и вице-президента. Руцкой попытался апеллировать к тому факту, что все с ним были согласны. Простите! Посмотрим протоколы. Где наше согласие? Вы — единственный среди нас профессиональный военный, вы высказали свое мнение и, мало того, убедили в нем президента — человека сугубо штатского, как и все мы.

Как бы ни менялась в высших эшелонах российской власти идеологическая окраска режима, он всегда был и можно с уверенностью сказать, всегда останется византийским. И никакие экономические реформы этого не изменят…

Руцкому намекнули, что после подобного «прокола» нужно уходить в отставку. У того было лицо шахматиста, которому из-за обидного зевка поставили «детский мат». Руцкой от души выругался матом, но в отставку не ушел, хотя и заметил, что президент стал с ним здороваться нерегулярно, но зато регулярно стал соблюдать правило, гласящее о том, что президент и вице-президент не должны нигде вместе появляться, дабы не искушать

террористов одним залпом сделать Хасбулатова исполняющим обязанности президента до следующих выборов в 1997 году.

Функции вице-президента и его аппарата в законе вообще определены как-то расплывчато, а выполнение поручений президента звучит вообще несколько унизительно для столь высокой должности, предполагая беспрекословную личную преданность.

Между тем, по Москве уже гулял слух, что Руцкой совсем не беспредельно предан президенту. Византия, Византия. Что-то ведь говорил о Византии Никита Михалков, но генерал Руцкой так и не понял, о чем тот хотел его предупредить. Плюнуть и уйти в отставку, уехать в Курск и жить себе на генеральскую пенсию, да еще на льготы, полагающиеся Герою Советского Союза?

НЕТ! Кто попадал на советский верх (коммунистический или посткоммунистический), тот сразу понимал, что никакие силы (кроме штыка, конечно) не могут заставить спуститься из заоблачных высот сказочного Зазеркалья в дерьмо повседневной жизни рядового «совка» хоть на генеральскую, хоть на профессорскую пенсию.

Уже получена восьмикомнатная квартира в доме «улучшенной планировки», построенному по проекту еще бывшего председателя Совмина и члена политбюро ЦК КПСС Николая Рыжкова, уже с помощью начальника своего аппарата бывшего генерала КГБ Стерлигова (соседа по этажу), приватизируются по остаточной стоимости сказочные особняки, уже братья вызваны в Москву и включены в «семейное дело», перед которым открываются такие возможности, о которых раньше можно было лишь прочитать в сказке об «Али-Бабе и сорока разбойниках»…

Но и эти перспективы казались мелкими от сознания того, что всего один шаг отделяет его от поста президента в случае «смерти президента, болезни и других причин, делающих невозможным президенту выполнение его обязанностей».

Видимо, Ельцин заметил, что его «вице» смотрит на него с каким-то странным прищуром, как бы через прицел, потому что в январе 1992 года Руцкой, давая интервью журналу «Пари Матч», озвучил на весь мир следующее заявление: «Я дал Ельцину слово офицера, что останусь с ним до конца. И я не нарушу этого слова».

Даже плохо искушенные в политике понимают, что подобные заявления просто так не делаются. Значит, у президента есть все основания сомневаться в лояльности вице-президента, раз тому приходится громогласно клясться в том, что я «останусь с ним до конца». До какого конца? Подобная формулировка предполагает, что президент уже загнан в угол и над ним свистят пули, а верный Руцкой решил остаться с ним до конца и разделить его печальную участь. Это выглядело тем более странно еще и потому, что Руцкой почти сразу же после интервью французскому еженедельнику начал нечто, напоминающее крестовый поход против политики своего патрона и Верховного главнокомандующего.

Совершая поездку по стране, Руцкой, не тратя времени на выбор выражений, последними словами облаял только что сформированное правительство и персонально Гайдара, Бурбулиса и Шахрая, обвиняя их по широкому спектру: от экономической безграмотности до непонимания специфики русского государства, откуда, пока еще иносказательно, несло обвинением в государственной измене.

Именно тогда у Руцкого довольно часто стали проскакивать высказывания типа: «Если бы я был президентом, то я принял бы совершенно другое решение…» Подобное было заявлено достаточно громко, чтобы быть услышанным. Когда в Барнауле, с подачи Руцкого, со всей страны собрались руководители военно-промышленного комплекса, то они узнали от вице-президента, а он — от них, что если говорить откровенно, в Кремле засели изменники, прислужники мирового империализма, которые уже погубили СССР, а теперь стремятся погубить и Россию путем лишения ее самого дорогого, что у нее есть — военно-промышленного комплекса.

«Погибнет армия — погибнет и Россия!» — цитировались патетические слова фельдмаршала Кутузова, сказанные после Бородинского боя. А армия, безусловно, должна была погибнуть, если бы на нее перестали тратить 90% государственного бюджета.

А реформы, как бы топорно они ни были запущены Егором Гайдаром, отчетливо демонстрировали желание нового кремлевского руководства вывести, наконец, Россию из состояния войны и попытаться проверить, на что окажется способным огромный экономический потенциал страны в условиях мирного времени.

Подобное желание само по себе было равносильно государственной измене.

Бароны ВПК с некоторой настороженностью смотрели на Руцкого. Больно глуп. Но, по большому счету, зачем на самом верху нужен умник? У всех была острая ностальгия по временам, когда все высшие посты в партии и государстве занимал Леонид Брежнев, которому ничего и нужно не было, кроме очередного ордена к очередной дате.

Конечно, пока события не приняли действительно необратимого характера, нужно срочно осуществить простой план. Скомпрометировать окружение президента путем открытого саботажа всех решений правительства по конверсии и прочим пунктам экономической реформы, включая и одну из ее основ — приватизацию.

В условиях стремительного входа в рынок, а именно так собирается влететь в рынок Егор Гайдар, унаследовав лихие кавалерийские замашки от своего незабвенного деда, этот саботаж неизбежно приведет к небывалому в истории страны росту цен, чудовищной инфляции и еще большему обнищанию народа.

Если подключить к саботажу все (или даже часть) правоохранительные органы, то страну с той же неизбежностью захлестнет мутная волна преступности, под прикрытием которой можно затерроризировать или просто физически устранять (то есть ликвидировать) всех, кто всерьез попытается пойти по пути частного бизнеса и рыночной экономики.

Под предлогом развала СССР можно (и нужно) временно омертвить жизненно важные отрасли промышленности и транспорта, приводя многие регионы в состояние, близкое к полному хаосу.

Подключение к операции некоторых надежных товарищей в Центробанке и Министерстве финансов даст возможность в паутине банковских связей держать в состоянии невесомости многие (а если понадобится, то и все) коммерческие структуры путем задержки или неосуществления платежей, а самое главное, путем невыплаты зарплат, в первую очередь, рабочим горно-добывающей промышленности, а проще, — шахтерам.

Все эти мероприятия в совокупности создадут обстановку, когда с помощью здоровых сил в Верховном Совете и обществе удастся отправить в отставку правительство реформ, сами реформы остановить и, воспользовавшись общей ситуацией в стране, добиться отставки и самого президента, место которого, согласно Конституции, займет генерал Руцкой.

Сделать это теоретически не так уж сложно. Президент, видя вокруг себя сплошной саботаж по всей вертикали от местного до Верховного Совета, от рядового предприятия до Центрального банка, естественно, вынужден будет принять какие-то меры. Но что он может предпринять?

Распустить съезд и Верховный Совет он не имеет права.

Выгнать с должности вице-президента — также не имеет права.

Значит, ему ничего не останется, как во имя спасения собственной программы и, можно сказать, самого себя, предпринять какие-то неконституционные шаги. И вот тут-то ему и крышка.

Верховный Совет ставит вопрос об «импичменте», и президентом становится Руцкой, который повернет страну на старый курс, разгонит этих умников из президентского окружения и через лозунг: «Вся власть Советам!» (а в Советах сейчас сидят лучшие

товарищи, перебравшиеся туда из обкомов, крайкомов и горкомов КПСС) — попытается если не восстановить Советский Союз, то хотя бы навести порядок для начала в России старыми и проверенными в течение последних 70-ти лет методами.

Руцкой знал план только до этого места, хотя он и имел продолжение. Через некоторое время Верховный Совет должен был упразднить должность президента как «неоправдавшую себя», Руцкого устранить (метод устранения должен был соотноситься с конкретной обстановкой и поведением самого генерала) и вернуться к проверенной годами системе коллективной безответственности.

Конечно, глупо было бы предполагать, что «материалы» Барнаульского совещания не дошли до сведения президента Ельцина, хотя и в очень обтекаемом виде, благодаря стараниям составлявшей сводку специальной службы информации президента. Но и этого было достаточно для принятия президентом ответных мер.

К сожалению, Ельцин был связан Конституцией и существующими законами настолько, что фактически не мог предпринять против Руцкого никаких быстрых и решительных легальных мер.

Ответный удар президента пришелся через голову Руцкого по его аппарату, откуда был изгнан генерал КГБ Стерлигов, основавший в отместку «Русский национальный собор», который, номинально считаясь антисионистским, в действительности пытался объединить все антиельцинские силы. Вот тут-то Руцкому очень помешало его недавнее предательство «национал-патриотов».

Самого же Руцкого бросили «на укрепление сельского хозяйства», что по многолетней практике, введенной еще коммунистическими вождями, означало жесточайшую опалу, выход из которой могла обеспечить лишь труба крематория.

Цель, как известно, оправдывает все средства. А целью было ни много, ни мало как кресло президента. За него стоило бороться.

Если из желания стать лидером набиравших силу национал-патриотов Руцкой предал и расколол коммунистическую партию Ивана Полозкова, если из желания стать вице-президентом — предал и ошельмовал публично доверившихся ему националистов, то во имя президентского кресла можно было с завидной легкостью предать и президента, с которым он совсем недавно клялся «оставаться до конца» словом и честью офицера.

И, ни минуты не колеблясь, Руцкой предал президента. Такова логика жизни профессиональных предателей. Причем предателей столь откровенного толка. Одурманенные кессонной болезнью из-за невероятной быстроты взлета все известные в истории люди подобного рода (а, надо казать, что было их не так уж много) быстро сгорали, поздно понимая, что были всего лишь марионетками в чужих руках (часто даже в руках тех, кого они предавали), заканчивая свою жизнь в тюрьме или на эшафоте, а в особо демократические времена — в историческом нужнике, откуда время от времени доносился смрад их «эксклюзивных интервью» или жалких мемуаров…

И хотя Россию в мирное время трудно чем-либо удивить, но и то все с изумлением начали взирать на разгорающуюся войну между президентом и вице-президентом, чего никогда не случалось в истории стран, где имеются указанные должности.

Не то, чтобы все вице-президенты так уж сильно любили своих президентов и проводимый ими курс. Но в случае несогласия с патроном, вице-президент открыто об этом заявлял, после чего уходил в отставку и, в качестве частного лица мог бороться с президентом, сколько его душе угодно, придерживаясь, разумеется, рамок закона.

Руцкой же в отставку уходить не собирался, нагло заявив, что он, как и Ельцин, избран народом. На это злой на язык Полторанин съязвил, что возьми Ельцин на выборы в качестве вице-президента ведро с керосином, то и оно бы прошло на харизме самого Ельцина.

Тут бы вмешаться имевшемуся в стране Конституционному суду и поставить Руцкого в так любимые этим судом «конституционные рамки», но председатель Конституционного суда Валерий Зорькин был среди тех, кто воплощал в жизнь установки Барнаульского заговора.

Между тем, щупальца заговорщиков фактически парализовали жизнь по всей стране. Запущенные правительством реформы, буксуя на месте без обещанных конверсии и приватизаций, дали результаты почти диаметрально противоположные обещанным.

Наиболее чувствительный удар обрушился на традиционно незащищенные слои населения: детей и пенсионеров. Люди, получавшие некогда максимальные пенсии в 132 рубля, на которые жить, правда, тоже было невозможно, ныне оказались вообще перед угрозой вымирания, поскольку бушующая инфляция не только страшно взвинтила цены, но и почти мгновенно съела и все трудовые накопления людей за долгие годы тяжелого труда.

«Товарищи» из Центробанка оказались на высоте. Гудели шахты и заводы, месяцами не получающие зарплаты. Росло число недовольных, выращенных в социалистической казарме и не готовых ни к какой другой жизни, требующей творческой инициативы и свободного труда.

Те немногие, кто что-то еще пытался сделать: создать частные банки, независимые от «товарища» Геращенко, создать частные фирмы, чтобы запустить, наконец, механизм конкуренции и сбить цены, либо разорялись небывалыми и неизвестно кем введенными налогами, о которых они с изумлением узнавали только в банках, ЛИБО ФИЗИЧЕСКИ УСТРАНЯЛИСЬ.

Подпольная коммунистическая номенклатура развязала против свободного предпринимательства настоящий «красный террор». Управляя рэкетирами и наемными убийцами, ядро которых составляли профессионалы, «откомандированные» еще в начале перестройки из структур различных спецслужб, коммунистическое подполье подписывало смертные приговоры с традиционной легкостью и безнаказанностью.

Огромный карательный аппарат, созданный старой системой, модно называемый ныне «правоохранительным», не только демонстративно ничего не делал для раскрытия этих преступлений, прокатившихся по всей стране, но порой и откровенно их покрывал, явно давая понять, что выкованный Лениным «пролетарский» меч все еще находится в надежных руках.

Между тем, «брошенный» на сельское хозяйство Руцкой, хотя у него и не было времени заниматься подобными мелочами в горниле зреющего заговора, все-таки успел нанести удар и по зарождающемуся фермерскому хозяйству, заявив публично, что «введение фермерства на Руси — историческая ошибка», в то время как рабовладельческий колхозный строй — это все, что нужно исконно русскому человеку.

Одновременно с этим, Руцкой на корню зарезал идею создания земельного банка, после чего был с сельского хозяйства снят и остался сам по себе, поскольку президент уже не рисковал давать такому ОТКРОВЕННОМУ ДИВЕРСАНТУ какие-либо поручения.

А именно на президентских поручениях, как известно, конституционно основывалась сама должность вице-президента.

Поручения прекратились, но должность осталась, и Руцкой не проявлял никакой готовности с ней расстаться. Как в известной сказке: кот исчез, а улыбка осталась светиться на дереве.

И все это делалось практически без какого-либо противодействия со стороны президента, мягкость и долготерпение которого, как водится, были приняты за слабость.

Но источники Руцкого, пробравшиеся в ближайшее окружение президента, докладывали ему, что президенту известно очень много, гораздо больше, чем он дает понять не только в

редких публичных выступлениях, но и в разговорах со своими сотрудниками, не доверять которым у него, кажется, нет никаких оснований.

В частности, из секретного делопроизводства канцелярии Ельцина, откуда утечка информации шла постоянно, Руцкому был передан документ, предназначенный, если судить по грифу, только для президента. На документе была виза Ельцина. Подписи же не было никакой, и можно было с одинаковой долей вероятности предположить, что он родился в недрах ведомства генерала Баранникова или составлен каким-то анонимным аналитическим центром, финансируемым президентом.

Руцкой склонялся к мысли, что документ составлен на Лубянке, поскольку по своему содержанию он представлял из себя антологию его поступков и изречений за последние несколько месяцев, включая доверительные беседы с некоторыми людьми без свидетелей, порой даже в саунах. В частности, приводилась его фраза, сказанная в подпитии одному командующему военным округом в Сибири о том, что президента «давно нужно держать в клетке в зоопарке и показывать детям в качестве олицетворения демократии».

В конце документа президенту давались довольно расплывчатые рекомендации, выдержанные в духе общих фраз: «проявить твердость в принятии трудных решений во имя прогресса при следовании по пути реформ». Слог выдавал какую-то мощную казенную контору, воспитанную на партийной фразеологии и с трудом подбирающую слова, соответствующие нынешнему курсу властей. Курс, судя по всему, мало беспокоил составителей документа. При всех властях и курсах они занимались слежкой за конкретными персонами.

С одной стороны, конечно, было не по себе, что вся твоя деятельность находится «под колпаком» у президента и что «чекисты», по своей традиции, по-лакейски семенят за власть держащими, но, с другой стороны, эта бумага явно подбивала президента на действия, а именно его действий и ждали заговорщики, чтобы, заманив Ельцина в конституционно-законодательный капкан, там его и прихлопнуть.

В марте, когда президент совершил маневр, достойный самого хитрого византийского императора, — прочитал указ, не написав его, — начался великий переполох. Мало тех, кто тогда понял, что Ельцину нужен был взрыв, вспышка от которого осветила бы многие темные углы и помогла бы найти хотя бы теоретический выход из тупика, а за неимением такового — показать место, где этот тупик можно было взорвать с минимальными потерями для себя и страны.

Глубокой ночью Руцкой в сопровождении председателя Конституционного суда Зорькина приехал на телевидение. Генерал был очень возбужден — близился его час. Аж подпрыгивая от нетерпения, он объявил указ президента, которого он не читал, антиконституционным, ставящим под сомнение способность президента занимать свою должность.

Они долго ждали реакции Ельцина, делая все возможное, чтобы дестабилизировать положение в стране по всем параметрам, раздувая анархию и безвластие. Руцкой лично летал в Тирасполь, где сорвал все усилия правительства по мирному урегулированию конфликта, доказывая сбитым с толку лидерам Приднестровской республики, что для них единственным выходом остается война.

Те, считая, что Руцкой передает мнение правительства, а, возможно, и самого президента (ведь Руцкой — вице-президент), в самый решительный момент ожесточенных боев обнаруживают себя брошенными на произвол судьбы. Командующий 14-й армией генерал Лебедь, как бы ему и ни хотелось, не бросает свои танки на Кишинев, как обещал Руцкой, оказывая приднестровцам фактически только моральную поддержку и даже задерживая оружие, которое заговорщики шлют самопровозглашенной республике.

Руцкой, угрожая подвергнуть Тбилиси бомбардировке с воздуха, раздувает конфликт на Северном Кавказе, где, в отличие от Приднестровья, не удается сдержать поток хлынувшего

туда оружия, растекающегося через Абхазию по всему региону, охватывая пламенем войны и Кавказ, и Закавказье. На фоне этой войны совершенно беспомощными выглядят усилия президента погасить огонь, поднося воду в стаканах. Но шланг надежно перекрыт заговорщиками.

Готовясь к своему дню, заговорщики организовали даже нечто вроде политической партии, во главе которой в качестве «вице-председателя» находился Руцкой, а за его спиной маячили молчаливые лица Вольского, Владиславлева и Лепицкого — зловещих фигур, выдвинутых на поверхность тектоническими усилиями десятков тысяч бывших освобожденных парторгов секретных заводов и институтов, их, так называемых, партхозактивов, сомкнувшихся с разгромленными структурами некогда всесильных политорганов армии, флота и КГБ.

На эту зловещую организацию был нацеплен ярлык партии «Гражданский союз», без зазрения совести объявившей себя «центристской». И все решили считать ее умеренно «центристской». Никто не возражал, как никто не возражал, когда Хасбулатов объявил себя главой «представительной власти».

Партия Руцкого-Вольского опиралась не только на мощь самого крупного в мире военно-промышленного комплекса, повисшего на стране, как гиря на ногах утопленника, но и на огромные деньги КПСС, которые товарищ Вольский совсем недавно, будучи начальником одного из ведущих отделов ЦК (промышленного), переводил за рубеж через созданное им совместно с полковником КГБ Веселовским совместное предприятие с фирмой «Сиабеко».

Кстати говоря, именно Вольский и познакомил Руцкого с Борисом Бирштейном, не думая, что закладывает под своего «камикадзе» мину замедленного действия.

Как и полагалось, вельможи из бывшего ЦК КПСС не желали рисковать, выдвинув на передний край Руцкого, молчаливо режиссируя его действия в ожидании случая, когда удастся провести эту перспективную пешку в ферзи. А не удастся, так это тоже не беда — всего лишь потеря пешки. Плох тот гроссмейстер, который не рискует пешками, сохраняя в безопасности главные фигуры.

Мартовское разочарование, когда не удалось подвести под импичмент Ельцина, главным образом, благодаря трусости «народных депутатов», смертельно напуганных видом президента и трех силовых министров, митингующих перед огромной толпой на Васильевском спуске и слухами о стягивании к Кремлю спецназа, а потому разбежавшихся по кабинкам для тайного голосования, чтобы, Боже сохрани, никто никогда не узнал сделанного ими выбора, не отрезвило Руцкого.

А должно было, ибо стало ясно, что аналитики заговорщиков, мягко говоря, неправильно оценили положение в стране и раскладку политических сил, а главное — желание народа, несмотря на все просчеты и ляпы правительства, вернуться обратно в коммунистический барак только потому, что там два раза в день выдавали пайку с баландой, правда, не всем.

Последовавший за тем апрельский референдум, подтвердивший не только полномочия президента, но и его курс на реформы, и косвенно показавший Верховному Совету, что его дни сочтены, был для заговорщиков взрывом бомбы на благотворительном балу.

И товарищ Вольский со своим имиджем умного и усталого сановника, и важный, как петух перед соитием, фюрер российских коммунистов, товарищ Зюганов, и порожденный его партией не в меру эмоциональный господин Жириновский — все, пользуясь небывалой никогда на Руси свободой слова, уверяли, что референдум — это конец не только самого Ельцина, но и всего режима. «На что они рассчитывают? — задавались вопросом заговорщики и их подпевалы справа и слева. — Их проигрыш очевиден и предрешен, как говаривал Ленин, неумолимым ходом истории».

Проиграв референдум, Ельцин должен был уйти в отставку, так что Руцкой снова всерьез готовился вскарабкаться на президентское кресло.

Пока все шло почти как задумано. При первом натиске президент вынужден был пожертвовать Гайдаром, а при втором — пасть сам.

Но президент выиграл. И то, что он выиграет, было ясно всем, кроме тех, кто в суматохе собственного крушения совершенно потерял какое-либо ощущение реальности…

Победа президента на референдуме, оглушив заговорщиков, тем не менее, отчетливо показала им, что их время уходит. Необходимо было начать действовать еще более динамично, чтобы вынудить президента на новые ответные меры.

Агрессивный и нетерпеливый Руцкой предложил старый проверенный вариант: быстрый арест президента и примерно дюжины лиц из его команды, объявление президента опасно больным, изоляция его в какой-нибудь «частной» престижной клинике, его быстрая смерть там и последующие умеренно пышные государственные похороны.

Вольский и прочее руководство «Гражданского союза» пытались обуздать закусившего удила генерала. Не то, чтобы им этот план не правился — очень даже нравился, если бы в нем, несмотря на ясно видимые белые нитки, не было изначального пункта: арестовать президента. Это легко сказать, а поди, арестуй.

Не говоря уже о вышколенной охране, не следует забывать, что силовые министры чуть ли не обнимались с президентом на Васильевском спуске, а будучи вызваны в Верховный Совет, осмеливались дерзить даже самому Руслану Имрановичу.

Здесь было, конечно, преувеличение, но для бывших сановников ЦК КПСС нетерпимой была сама мысль о возможности перекочевать из своих квартир «улучшенной планировки» и роскошных дач на тюремные нары, как уже произошло с их предшественниками.

Короче, они дали Руцкому понять, что они в таких играх не участвуют, но и не будут сильно возражать, если Руцкой, как человек военный, предпримет какие-нибудь «нетрадиционные шаги», но не как сопредседатель «Гражданского союза», а как «второе лицо в государстве, облеченное доверием народа и конституционной властью».

«Проститутки!» — охарактеризовал товарищей по партии Руцкой пока про себя, но вскоре ему представится случай повторить это определение на весь мир.

Пока руководители «Гражданского союза», почуяв приближение лихих событий от своего обезумевшего сопредседателя, предпочли юркнуть, до поры, до времени, в тень, сам Руцкой решил довести план заговорщиков до конца тем более, что в конце тоннеля в качестве приза стояло кресло президента.

Сама логика событий неумолимо влекла генерала в объятия Хасбулатова, уже ставшего, в свою очередь заложником Фронта национального спасения, который после провалившегося референдума не менее остро почуял опасность.

На фоне разразившихся в мае беспорядков на улицах Москвы, по столице, а затем и по всему миру, начали распространяться слухи о тяжелой болезни президента, который, как было замечено, долго не появлялся на людях. Если президент тяжело болен, задавались вопросом оппозиционные газеты, то почему Руцкого не приводят к присяге в качестве исполняющего обязанности президента?

Этот важный вопрос был немедленно поставлен в Верховном Совете.

Депутат Исаков, в прошлом один из знаменитой «шестерки», подписавшей антиельцинское письмо, поставивший на минувшем съезде вопрос об импичменте Ельцину и о недоверии Хасбулатову, как прямому ельцинскому агенту (чтобы Руслан Имранович понял, кем он действительно является на этой грешной земле), со всей прямотой провинциального юриста, как его однажды охарактеризовал Анатолий Собчак, неожиданно стал требовать

медицинского освидетельствования президента, предлагая внести в закон, помимо политического, еще и медицинский импичмент.

При этом, подчеркивал Исаков, комиссия врачей должна назначаться (и подчиняться, разумеется) только Верховным Советом.

«Ну, что ж, — задумчиво проговорил спикер, боявшийся медицинских комиссий, как огня, — вызовем и освидетельствуем». И со свойственной ему ловкостью перевел дебаты в другое русло.

Но через некоторое время была поставлена на голосование и принята исаковская поправка к статье конституции 121-11, которая гласила:

«Невозможность осуществления президентских полномочий по состоянию здоровья устанавливается заключением Конституционного суда по представлению государственной медицинской комиссии, назначаемой Верховным Советом».

Руцкой, который теперь большую часть времени проводил в Верховном Совете, также попросил слова и обратился к нардепам с длинной и сбивчивой речью, из которой становилось ясно, какой опасности может подвергнуться страна в случае внезапного ядерного нападения, если «высшее должностное лицо» будет лежать в стельку пьяным.

Итак, основа плана по изоляции и умерщвлению президента где-нибудь в тихой палате бывшего 4-го медицинского управления была не только разработана, но и законодательно закреплена, давая возможность так поступать и впредь, когда заблагорассудится.

Оставалось совсем малое — схватить президента, да так, чтобы никто это не заметил не столько в стране (тут можно всем глотки заткнуть в одну секунду), но и в мире, чтобы не потерять кредиты в валюте, к которым все так успели привыкнуть.

Пока Руцкой проводил тайные совещания с лицами, которые могли бы ему в этом помочь, а командовать ими он готов был «лично», президент нарушил молчание и, появившись в Доме Российской прессы, объявил о своем намерении «при любых обстоятельствах» провести этой осенью парламентские выборы, даже если для этого ему придется назначить их самому.

На вопрос одного корреспондента, чем сейчас занимается вице-президент Руцкой, президент пожал плечами: «Не знаю. Наверное, членские взносы собирает в своем „Гражданском союзе‟.

Таким образом, президент открыто заявил, что нынешний государственный кризис может быть разрешен, говоря казенным языком, только путем выхода за пределы «советского конституционного пространства».

Надо сказать, что никто на это заявление президента никак не отреагировал: не было ни бурного ликования в стане его сторонников, ни яростной вспышки злобы в лагере противников.

Даже «непримиримая оппозиция» не собиралась на очередные хулиганские митинги с красными знаменами и проклятиями в адрес «Бени Элькина».

Даже Валерий Зорькин не появился на экране телевизоров, чтобы заявить о неконституционности президентских высказываний.

Только Хасбулатов, давая интервью журналистам, как бы между прочим, заметил: «…никаких выборов осенью конечно, не будет».

Только у Руцкого неожиданно отобрали его любимый белый «Мерседес» и личного врача. А затем просто не пустили в Кремль, опечатав кабинет.

Руцкой собрал пресс-конференцию и, ерничая в своем духе, заявил, что у него в сейфе лежит граната с вынутой «чекой». Пусть кто-нибудь влезет.

В ответ почти все газеты стали интересоваться, на какие шиши вице-президент строит дачу с подземным гаражом и теннисным кортом? И откуда у него часы марки «Роллекс»?

Руцкой, потеряв самообладание, на заседании Верховного Совета, которое напрямую транслировалось на всю страну, взорвал свои «11 чемоданов компромата», обвиняя все правительство, а в первую очередь, любимца президента вице-премьера Владимира Шумейко в коррупции и антигосударственной деятельности.

Правительство же, создав специальную следственную комиссию, в свою очередь, обвинило Руцкого в мздоимстве, в преступных связях с международным аферистом Бирштейном, которому, по уверению комиссии, Руцкой продал полстраны и заработал на этом 3 миллиона долларов, хранящихся в Швейцарском банке. Демонстрировалась подпись Руцкого под целой серией финансовых документов самого подозрительного вида. Везде речь шла о миллионах долларов.

Скандал разгорался, все более принимая характер грязной кухонной склоки. В разгар этих скандалов Руцкой умудрился два раза выступить по общенациональному телевидению, но ничего не продемонстрировал, кроме своей глупости и того факта, что рыльце у него действительно в пуху.

Многим запомнилась его реакция, когда журналист Караулов упомянул всуе особу Бориса Бирштейна. «О Борисе Иосифовиче, — со всей искренностью объявил Руцкой, — ничего плохого сказать не могу!»

Попутно выяснились различные мелкие делишки, вроде вызова за границу в своей свите во время официального визита крупного мошенника, на арест которого уже был выдан ордер. То вдруг выяснилось, что разрешение на пистолет у Руцкого «липовое». А это обнаружилось при аресте целой банды «чистоделов», подделывающих все что угодно, вплоть до президентских указов.

Все ломали головы: зачем вице-президенту Великой России потребовалось делать себе «липовое» разрешение на пистолет, если ему ничего не стоило зарегистрировать его в обычном порядке? Зачем ему понадобилась лишняя головная боль?

Сухие милицейские сводки все более настойчиво отмечали, что «двор» вице-президента эстетически все больше стал напоминать уголовную «малину», где самыми приличными выглядели мрачноватые ребята в камуфляже, но без погон.

Именно в это время на авансцене возник двадцативосьмилетний Дмитрий Якубовский — личность темная и таинственная. Поговаривали, что он — полковник и чуть ли не генерал, курировавший одно время в администрации президента все правоохранительные органы с подачи Шумейко, а потом, запутавшись в темных делах все с тем же роковым Бирштейном, сбежал за границу, где работает в одном из принадлежащих последнему банков вместе с полковником Веселовским.

Якубовский, доставленный в Россию чуть ли не на личном самолете президента, обнародовал пленки, на которых были якобы записаны телефонные разговоры между ним, Якубовским, министром безопасности Баранниковым, генеральным прокурором Валентином Степанковым и самим Бирштейном.

Разговоры напоминали плохо поставленный фильм из жизни московских уголовников конца 40-х годов, обсуждавших на «малине» варианты введения в заблуждение доблестных работников МУРа.

Руцкой в разговорах фигурировал как «усатый», иногда как «усатое голенище», Ельцин — как «пахан», Шумейко прозрачно назывался «Филиппычем», а Хасбулатов — «черным» или «Хазом». Кроме того, в разговорах назывался какой-то таинственный «лысый», который собирался «замочить» «усатого» и самого Якубовского, если тот не сдаст Филиппыча».

Кроме того, генеральный прокурор Степанков просил Якубовского в виде личного одолжения организовать покушение на известного адвоката Макарова, который якобы нашел документы, убийственные для Руцкого.

Хотя вся эта история была, что говорится, вырублена топором и сшита белыми нитками, а академический спор на тему. «Кто больший вор: Руцкой или Шумейко?» — выглядел несущественным на фоне общего и повального разграбления страны из-за отсутствия какой-либо власти, всем становилось уже достаточно ясно, что война на истощение переходит уже в стадию войны на истребление.

Приняв решение больше не оправдываться, поскольку любое его появление на экране телевизора демонстрировало только беспомощность человека, прижатого в угол уликами, Руцкой начал длинную и долгую поездку по стране, правильно сообразив, что многое, если не все, по русской традиции, будет зависеть от позиции, занятой армией. Именно армия, а не КГБ, который, подобрав под себя свои многочисленные щупальца, сидел настороженно обиженный, отслеживая обстановку с некоторым, ранее ему не свойственным, испугом.

Руцкой мотался по стране, постоянно совещаясь с представителями краевых и областных советов и командующими округами. Он уже имел на руках копию проекта указа президента о роспуске Верховного Совета и назначении новых выборов.

Строго «конфиденциально» он знакомил с этим проектом руководителей областей, состоявших, как правило, из бывших первых и вторых секретарей обкомов, привыкших смотреть на вверенную им территорию как на собственную вотчину. Вопрос ставился прямо: как отреагируют они, когда этот указ Ельцина будет подписан и обнародован?

Бывшие партийные вельможи были осторожны. Они презирали Руцкого как выскочку и перебежчика, подозревая в нем обычного провокатора, которого президент отправил в поход за их головами. Уж они-то знали кремлевские нравы.

Ну, кто такой был Руцкой всего несколько лет назад. Какой-то никому не известный полковник, такой же полковник, как и те, которые дюжинами служат у них шоферами и младшими референтами»

Он ведет какую-то свою интрижку против президента, бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС и кандидата в члены политбюро, могущественного феодала коммунистической эпохи, ныне, по милости Божьей, ставшего королем.

Они уже по своим каналам знали о готовящемся указе, а его содержание не оставляло ни у кого сомнений — президент задумал ни много, ни мало, как ликвидировать в стране советскую власть.

При ликвидации партийных структур они перебрались в Советы, сохранив свою власть и привилегии. И ныне им есть куда перебраться, еще более умножив свою власть и богатство.

Что они выиграют, если этот маленький, не очень уверенный в себе и не очень умный человечек станет на какое-то время президентом?

Отвечали, в подавляющем большинстве, уклончиво. Да, они за конституцию и, разумеется, осудят любого, кто эту конституцию нарушит. Тем более того, кто на этой конституции клялся. В этом не может быть двух мнений.

Лишь немногие, вроде Мухи и Наздратенко, открыто говорили Руцкому, что не только поддержат Руцкого, когда президент подпишет этот указ, но готовы поддержать его прямо сейчас, если тому удастся сбросить Ельцина. И по их злобно горящим глазам было видно, что они предельно искренни. «Если Ельцин подпишет этот указ, то он автоматически отстраняется от должности. А вы, товарищ Руцкой, также автоматически становитесь президентом, и, конечно, мы подчинимся *законной* власти».

С командующими округами было проще. Очень многих Руцкой знал лично и по службе в Афганистане, и по академии Генерального штаба. Встречались в застолье, на военно-контрольных пунктах и в прочих укромных местах, которых в избытке у любой армии. Многие генералы еще с августовского путча ходили в подавленном настроении.

Они несколько перестарались, выполняя приказы ГКЧП. Некоторые лишились из-за этого должностей, как командующий Приволжско-Уральским округом генерал-полковник Макашов, а многие резонно ожидали, что подобное может случиться и с ними.

Руцкой осторожно их шантажировал: «Вот, мол, уже совсем тебя хотели турнуть, да скажи мне спасибо — отмазал. А приказ уже у министра был на столе».

Что уж тут говорить, если сам маршал Язов и командующий сухопутными силами генерал армии Варенников угодили в тюрьму и, считай, весь генштаб вместе с генералом армии Моисеевым был изгнан со службы.

Когда не уцелел даже могущественный начальник ГРУ генерал Владлен Михайлов! Что уж тут говорить о таких маленьких людях, как командующие округами или, скажем, флотами.

Генералы, озабоченно кивая и смущенно улыбаясь, слушали Руцкого, опустошая бутылки армянского коньяка еще советского разлива. Вздыхали: «Какие разговоры, Саша. Поможем, конечно. Поддержим. Только сам понимаешь, раньше времени высовываться резону нет. А как станешь первым, сразу приказ по вооруженным силам в качестве Верховного, так, мол, и так. Когда этот указ ожидается? В сентябре? И отлично, войска вернутся из лагерей, закончатся каникулы в училищах».

В подпитии несколько раз выступал в Домах офицеров перед «активом», ругал последними словами президента, еще пуще — «окружение», внешнюю «проимпериалистическую» и внутреннюю «колониальную» политику.

«Через два месяца я стану президентом, — твердо обещал офицерам Руцкой, — и положу этому конец».

«А куда денется нынешний президент через два месяца?» — как-то поинтересовался кто-то из «актива».

«Выброшу в окно!» — пообещал Руцкой, и сам от души рассмеялся.

Выступления были фактически открытыми. Их снимали на видео, записывали на пленку, отчеты публиковались в местной прессе. И, естественно, информация поступала во все места, где в ней были заинтересованы.

Увы, Руцкой никогда практически не был генералом, а будучи командиром авиаполка, главным образом, только по слухам (не положено!) знал, чем и как живет высший эшелон армейского руководства.

Еще в августе 1991 года, когда вовсю действовали армейские политорганы, парткомитеты и парткомиссии, ГКЧП проиграл, главным образом, из-за трусости и нерешительности генералов, просто игнорировавших приказ министра обороны и директиву Генерального штаба, придерживаясь древнего армейского принципа: «Не торопись выполнять приказ, ибо его отменят». Что и случилось.

И хотя с тех пор не прошло еще и полных двух лет, фактически прошла целая эпоха. Командующие давно превратили вверенные им округа в некое подобие гигантских коммерческих предприятий и анонимных акционерных обществ со смешанными капиталами, процветающими из-за наличия большой и практически бесплатной рабочей силы.

Руцкой со своими планами и идеями восстановления СССР, могучих вооруженных сил и мирового противостояния явился для них чуть ли не призраком из какого-то далекого прошлого, когда чуть ли не ежегодно проводилась всеармейская инвентаризация и прочие страшные вещи, о которых генералы хотели бы забыть навсегда.

Поэтому, наряду со словами «Саша, дорогой, ты ж понимаешь, что я всей душой за…», подробные отчеты о беседах с Руцким с приложением видеокассет и тому подобного неслись, обгоняя вице-президента, с фельдъегерями секретной переписки в Москву и ложились на стол министра обороны генерала армии Павла Грачева, а оттуда — на стол президента.

Что касается бывшего КГБ, то и он, по обыкновению, знал все, но помалкивал, не докладывая ничего даже своему министру Баранникову, обиженно ссылаясь на то, что ему запретили заниматься политическим сыском.

А ничем другим, как известно, бывший комитет заниматься да не то, чтобы не умел, а просто и не любил.

«Он через два месяца будет президентом?» — широко улыбнулся Ельцин, прочитав сводку, принесенную генералом Котенковым, недавно вернувшимся из Кувейта, где, если верить его собственным словам, пробыл двое суток на сорокоградусной жаре в шерстяном костюме, спасая Якубовского от цепких когтей Виктора Баранникова и Валентина Степанкова, чьи подчиненные провели уже обыск в кабинете Полторанина и подбирались к Шумейко.

Президент вытянул руку, сжатую в кулак, посмотрел исподлобья на бывшего генерала КГБ, возглавлявшего ныне его личное правовое управление, и, как всегда медленно произнося слова, сказал: «Через два месяца он у меня будет…» Тут президент запнулся и продолжил: «…в говне по уши».

«Я и так уже по уши в говне», — огрызнулся Руцкой, когда доброжелатели не преминули в тот же день передать ему слова, сказанные президентом.

Вице-президент был зол, поскольку только что вернулся из прокуратуры, где давал показания по наветам комиссии Калмыкова-Макарова по поводу его долларовых счетов в Швейцарском банке.

«Он у меня сам попадет в говно, — пообещал генерал, — когда я ему устрою всеобщую забастовку шахтеров и металлургов». С этой целью вице-президент собирался лететь в Воркуту.

Подобное пламенное сотрудничество президента и вице-президента явно просилось в книгу Гиннеса, как очередное русское чудо.

Ехидные пропрезидентские газеты печатали на первых страницах портреты Бирштейна и Руцкого с подписью «Президент и вице-президент». Борис Бирштейн являлся президентом международной жульнической компании «Сиабеко», владельцем которой являлась покойная КПСС.

Между тем, Ельцин сделал следующий шаг и неожиданно выгнал с должности министра безопасности Виктора Баранникова, туманно обвинив его в «неэтичном поведении». Можно было подумать, что министр не совсем удачно выполнил поворот «кругом», покидая кабинет Ельцина, и огрызнулся на сделанное замечание.

Ходили разные слухи, что проворовалась жена министра, летавшая в Швейцарию на деньги Бирштейна и попалась на какой-то спекуляции двадцатидолларовыми сумочками, что на Баранникова «подвесили» гибель 25 русских пограничников, вырезанных исламистами на афганско-таджикской границе, что на него «крутой» компромат дал Якубовский — чуть ли не о связях с международным наркобизнесом и тому подобное.

Сам Баранников, ссылаясь на предынфарктное состояние, никак свою отставку не комментировал, храня мрачное молчание. А в глазах его светилась дикая тоска.

А выгнал президент Баранникова по очень простой причине. Он спросил министра безопасности впрямую, что ему известно о государственном перевороте, который готовят вице-президент и спикер?

Естественно, Баранников ничего сказать об этом не мог, поскольку ничего не знал. А не знал он этого потому, что интриганы с Лубянки ему ничего не докладывали, ссылаясь, как обычно, на запрещение заниматься политическим сыском, тем более за особами столь высокого ранга, что даже в былые времена расцвета политического сыска не поощрялось, а, напротив, было категорически запрещено.

Но тем не менее, через голову Баранникова, на стол президента легли бумага, где все последние действия Руцкого и Хасбулатова расценивались как подготовка к государственному перевороту.

У президента, как у всякого правителя России, желающего дожить до блаженного восьмидесятилетнего возраста, было несколько собственных служб, дублирующих Лубянку. И не только дублирующих, но и внимательно за ней наблюдающих.

Одна такая служба называлась «Правовым управлением» при администрации президента и возглавлялась генералом Котенковым, другая — нечто вроде «летучих отрядов безопасности» возглавлялась генералом Степашиным, занимающим пост председателя комитета Верховного Совета по обороне и безопасности.

Было еще несколько подобных служб, тихо существовавших под вывесками разных аналитических и исследовательских центров. Именно эти службы и начали в свое время отстрел «гвардейцев Хасбулатова» по подворотням, когда спикеру неожиданно пришло в голову, что он — кардинал Ришелье. Ришелье был умнее.

В сводке, которую получил президент, обстановка суммировалась следующим образом:

«После проведения апрельского референдума, в провале которого Хасбулатов был почему-то твердо уверен, он был явно растерян и подавлен, явно пугаясь перспективы созыва очередного съезда народных депутатов, который откровенно собирался вновь поставить вопрос о снятии спикера с занимаемой должности в связи с, мягко говоря, служебным несоответствием.

И сильным, и, вместе с тем, слабым качеством Хасбулатова является полное отсутствие у него каких-либо твердых принципов и, убеждений, кроме желания любой ценой сохранить за собой свой пост, сосредоточив в своих руках как можно больше власти.

Таким образом, он является человеком, подчиняющимся инстинкту. В данном случае, инстинкту властолюбия, заглушающему в нем даже инстинкт самосохранения. Если еще вчера Хасбулатов считал себя твердым сторонником президента, демократом, борцом против коммунизма и «ненавистного центра», то сегодня открыто смыкается с непримиримой оппозицией, обнимаясь с Зюгановым и ему подобной публикой, начав произносить страстные речи по поводу возрождения Советского Союза и руководящей роли коммунистов.

На последнем съезде коммунисты и националисты преподали Хасбулатову предметный урок, показав, кто на деле является хозяином положения в Верховном Совете. Спикер урок усвоил, после чего резко изменился и тон его публичных высказываний, где он делает все возможное, чтобы угодить коммуно-фашистам, засевшим в Верховном Совете.

Неожиданно в речах Хасбулатова зазвучала тоска о ценностях реального социализма, которые мы «сатанистски пытаемся отбросить», печаль по империи, оценка внутренней и внешней политики страны с позиций ультрапатриотов.

Главные направления ударов и тактические приемы, используемые им, очевидны. Это попытка консолидировать вокруг себя все силы, способные бороться с «нынешним режимом». Прослеживается твердое стремление явочным путем опрокинуть принцип разделения властей, утвердить верховенство советов, не только как законодательной, но и как исполнительной власти, реставрируя, таким образом, старый коммунистический режим в его еще худшем, более коричневом виде.

В последнее время спланирована целая серия ударов по президентской власти, по самому президенту и особенно — по его окружению с первоначальной целью нейтрализации и ослабления деятельности президента, а затем и полной дискредитации президентства как института.

Конечной целью является захват всей полноты власти.

Замеченная в последнее время вспышка агрессивности группировок, входящих в так называемый «Фронт национального спасения», который на своем втором съезде поставил вопрос о необходимости перехода к наступательной тактике борьбы, ликвидации института президентства как такового и начала «народно-освободительной революции», говорит о координации действия Фронта, группировки которого созданы либо непосредственно КПСС, либо на ее деньги, с действиями Верховного Совета.

Таким образом, экстремизм Верховного Совета смыкается с экстремизмом улицы и направляет его. Оппозиция, таким образом, готовится к ожесточенной конфронтации, которая по плану должна перерасти в гражданскую войну. Это желание подогревается безнаказанностью уже имевших место уличных беспорядков с человеческими жертвами, непрекращающимися попытками расколоть армию и, что самое главное, открытым переходом на сторону оппозиции вице-президента Руцкого, человека до мозга костей военного и, вместе с тем, крайне безответственного.

Не умеющий решать никаких вопросов какими-то другими методами, кроме военных, этот человек, имеющий большие связи и известный авторитет в армейской среде, представляет опасность возникновения вооруженного конфликта в ситуации, когда его можно было бы избежать. Подобный конфликт не только может привести к крупным человеческим жертвам, но и стать детонатором междоусобицы, способной перерасти в гражданскую войну — первую войну такого рода в ядерной стране.

Охваченный жаждой власти, вице-президент также уже управляется инстинктом своего властолюбия, который подавил в нем инстинкт самосохранения».

Документ осторожно советовал президенту принять меры, чтобы предотвратить сползание к полному хаосу, порожденному безвластием.

Далее в документе говорилось о двух параллельно развивающихся заговорах: конституционном и военном.

Один заговор предполагал сбросить президента с помощью конституционной удавки, которую будет постепенно затягивать Верховный Совет. Душой заговора был более осторожный Хасбулатов.

Второй — предполагал организацию массовых уличных беспорядков с постепенным втягиванием в них частей внутренних войск и армии, а ля 1917-й год со штурмом кремля, бегством или пленением президента «народом».

К такому плану склонялись Руцкой и уличные вожди, представленные весьма пестро: от отставного генерала Макашова до лидера так называемой «Трудовой Москвы» Анпилова.

Оба плана уже в общих чертах отрепетированы почти в реальной обстановке. Однако быстрое сползание Руцкого в сторону Хасбулатова повлекло за собой необходимость согласования двух планов в один с элементами того и другого. Чем, собственно, сейчас и занимаются заговорщики.

Единственно, что на все это мог ответить министр безопасности генерал Виктор Баранников, это то, что его жена никогда не занималась спекуляцией двадцатидолларовыми сумочками. Возможно, это было и правдой. Но с должности он полетел.

Затем наступила очередь Руцкого.

Пешку, дошедшую до седьмой горизонтали, уже как-то неудобно называть пешкой. Она становится чрезвычайно опасной, и если ее невозможно быстро уничтожить, то нужно нейтрализовать.

Это было необходимо, поскольку в итоге всех планов, а о некоторых из них не знал и сам Руцкой (будем объективны), президентом все равно становился он.

Поэтому президент решил, что заодно уже пора (давно пора!) выгнать с должности и Руцкого, на что он (президент) права по Конституции не имел.

Но поскольку уже несколько последних месяцев Руцкой и Шумейко, бывший зам. Хасбулатова, а ныне фаворит президента, охрипли от взаимных обвинений в казнокрадстве, грозя подать друг на друга в суд за клевету, но упорно этого не делая, Ельцин издал указ об отстранении обоих от должности до окончания следствия, возложенного на прокуратуру.

Владимир Шумейко, фигурирующий в пленках Якубовича для пущей ясности как «Филиппыч», естественно, с готовностью на это согласился, подчеркнув, что сам просил президента о подобной мере.

Руцкой же, фигурирующий в тех же пленках в более зашифрованном виде как «Усатый», о котором так беспокоился «Лысый», напротив, подчиниться этому указу наотрез отказался, назвав его незаконным.

Последовало быстрое разъяснение, что «отстранение» от должности не является «снятием» с должности, а всего лишь временная мера для пользы следствия, после окончания которого вице-президент, коль прокуратура ничего не найдет в его действиях криминального, сможет вернуться на работу. Хотя, впрочем, никаких поручений у президента для него нет. Все кончились.

Но все законно.

Указ застал вице-президента в аэропорту, когда тот готовился лететь в Воркуту, чтобы поднять шахтеров против своего патрона.

Указ президента лишал его возможности пользоваться спецсамолетами правительственного авиаотряда. Но вице-президент всегда смело шел навстречу опасности и заявил, что полетит за свой счет, хотя в недавних теледебатах с Гайдаром утверждал, что получает всего 63 тысячи рублей без налогов.

В Воркуте его встретили примерно так, как некогда в Тушино встречали Лжедмитрия II — Тушинского вора. Без восторга, но с некоторым почтением: может, и вправду царь или станет царем, шут его знает?

Поэтому поднять шахтеров одной матерной руганью в адрес Ельцина не удалось, а ответить на их претензии из-за полного незнания вопроса — тоже.

Вернувшись в Москву, Руцкой, которого, как известно, в Кремль и Совмин было не велено пускать, окончательно поселился в Верховном Совете, в бывшем кабинете Шумейко, что само по себе было очень символично.

Целые дни отстраненный от должности вице-президент проводил со своими двумя братьями и снующими туда-сюда генералами (главным образом, отставными), среди которых выделялся генерал Владислав Ачалов — народный депутат и советник Хасбулатова по военным вопросам.

В прошлом командующий воздушно-десантными войсками и заместитель маршала Язова по «экстремальным ситуациям», Ачалов настолько вляпался в августе 1991 года в историю с ГКЧП, что даже не очень ретивая Российская прокуратура хотела было привлечь его к уголовной ответственности.

Но Верховный Совет отказался снять с Ачалова «парламентский иммунитет», и прокуратура осталась ни с чем. Генерал некоторое время отлеживался в госпитале, а затем снова горячо взялся за дело, стараясь воплотить в жизнь многое из своих смелых задумок, порожденных талантом интригана, которые люди несведущие почему-то принимали за блеск стратегической мысли.

Он так умел сыпать фамилиями своих «лучших корешей», обремененных генеральскими погонами, номерами воинских частей и местами дислокации, что даже старавшийся верить ему депутат, генерал Тарасов, также выгнанный после путча в отставку, как-то осмелился возразить Ачалову: «Вас послушать, так вся армия сразу придет к нам на помощь в случае узурпации Ельциным власти. Что-то мне не очень верится».

«Вы, политработник, — одарив Тарасова выхлопом дорогого коньяка, отрезал Ачалов. — Что вы понимаете в армейских делах? Сидели себе в политотделах и жизни не знаете». Тарасов обиженно замолк и вышел из кабинета, а Руцкой и Ачалов, расстелив на столе карту Москвы и области, а иногда и страны, тыкали в нее пальцами и вилками, а огромного роста охранник (из бывшего рижского ОМОНа) молча выносил бутылки.

С некоторыми генералами Руцкой встречался в частном порядке. Командующий Военно-воздушными силами генерал-полковник Петр Дейнекин встречал его, по старой дружбе, радушно. Патетики не было. Все, как обычно, поможем, если надо будет. Черт его знает, может, станет президентом? Потом глазами моргай.

Генерал-полковник Громов, заместитель министра обороны, был более угрюм. Некогда Руцкой служил под его командованием в Афганистане, где Громов командовал всем «ограниченным контингентом» советских войск, сведенных в 40-ю армию. «Боря, — вещал Руцкой. — Ты помнишь, как я тебя отмазал в 91-м?»

Громов занимал тогда пост заместителя министра внутренних дел — знаменитого Пуго, у которого у одного хватило духа застрелиться, когда стало ясно, что путч провалился.

Отмазал Громова совсем не Руцкой, а также бывший подчиненный — генерал Грачев, командовавший тогда воздушно-десантными войсками, ныне ставший министром обороны. Да и отмазывать было не от чего.

Генерал армии Варенников дал тогда им с Грачевым соответствующие инструкции, которые Громов, по совету Грачева, выполнять отказался. «Ладно, — уходил от прямого ответа генерал. — Ты, Александр Владимирович, политику толкай, а за нами дело не станет».

Верхушка армии всегда была немногословной и хорошо чуяла, откуда дует ветер. Долгие годы службы создают хороший инстинкт самосохранения, который, как хорошо отметили аналитики из службы безопасности, был совершенно подавлен у Руцкого инстинктом властолюбия.

С офицерами более низкого ранга говорить было проще. Как-то подполковник Терехов, лидер полуподпольного «Союза офицеров», привел к нему молодого полковника авиации, представившегося исполняющим обязанности командира авиадивизии, расквартированной в Тверской области.

Фамилия полковника была Фомичев. Он признался Руцкому, что весь кадровый состав дивизии, включая прапорщиков и сержантов-сверхсрочников, уже готовы на все, чтобы свергнуть «оккупационный еврейский режим».

Если понадобится, то по сигналу Руцкого, переданному на волнах открытого радио, дивизия поднимется в воздух и «обработает» цели, указанные вице-президентом.

Эту дивизию и ее командира Руцкой хорошо знал, но полковника Фомичева не мог припомнить. Обычно исполняет обязанности командира один из его заместителей (главным образом, по летной подготовке) или начальник штаба. Обоих Руцкой тоже знал.

Он поинтересовался у Фомичева, кто тот по должности. Оказалось, что заместитель командира дивизии по воспитанию личного состава. Другими словами, бывший начальник политотдела. Значит, хорошая дивизия, которой в отсутствие командира командует замполит. Кто лучше замполита знает настроение личного состава?

В преддверии указа президента проводились совещания с так называемым «президиумом Верховного Совета» — самозванным органом, не предусмотренным Конституцией, но существующим по традиции. В России, по большому счету, оказалось, что труднее всего отказаться от разных «президиумов». Все равные неудержимо хотят все-таки быть «равнее» других…

Обсуждалось несколько вариантов реакции на действия президента, которому решили (отчаянно труся) отдать инициативу действий, чтобы «он сам себя подставил».

Большая надежда возлагалась на Соединенные Штаты и страны Европейского сообщества, где Конституция почиталась наравне с Иисусом Христом, а иногда и выше. Увидев столь наглое попрание президентом Конституции, мировые демократы публично вынуждены будут его осудить, поскольку в противном случае будут смешно и жалко выглядеть перед собственными народами. Так уверял советник Хасбулатова по вопросам международных отношений Иона Андронов.

Кто-то вспомнил, что совсем недавно Маргарет Тэтчер находясь с неофициальным визитом в Москве, с недоумением воскликнула: «Как? Разве вы еще живете по старой коммунистической Конституции?» И заявила, что ключ к разрешению российских проблем лежит, в первую очередь в принятии новой Конституции. Это дало повод Хасбулатову раздраженно отреагировать: «Всякая заезжая бабенка еще будет нас учить!»

Один из заместителей Хасбулатова, Агафонов, робко предложил, если президент разгонит «парламент», подчиниться силе, покинуть Белый Дом и включиться в досрочные выборы, которые после подобного указа президента можно будет легко выиграть и, таким образом, завершить переворот совершенно легальным путем. Досрочные выборы парламента и президента в итоге обернутся тем, что в стране будет новый президент, скорее всего — Руцкой, а непобежденный, но беззаконно разогнанный парламент останется почти на 100% старым. Почти, потому что новые выборы выкинут из него все остатки демократической шелухи, вроде Якунина, Молоствова или Шейниса.

Конечно, останься у кого-нибудь в «президиуме» хоть капля здравого смысла, не подавленная инстинктом, план Агафонова был оптимальным и вел к желаемому результату наиболее коротким и прямым путем с минимальной долей возможности шумного скандала.

Первым, естественно, запротестовал Руцкой. Он офицер, и само понятие «капитуляция» для него хуже смерти. В конце концов, у него есть пистолет, и он скорее пустит себе пулю в лоб, чем подчинится хоть какому-либо указу этого подонка.

Подумайте, о чем вы говорите? Как можно выполнять указ человека, который этим самым указом сам ставит себя вне закона! Нет! Нужно открыто призвать к сопротивлению, выводить на улицы народ и наконец покончить с этим преступным режимом.

Он сам испарится куда-нибудь в Израиль, когда увидит марширующие колонны верных нам полков, спешащих на защиту Конституции и Верховного Совета!

Он, Руцкой, уверен, что произойдет именно так. Но даже если произойдет не так, он не намерен униженно покидать парламент по первому окрику человека, которого он считает преступником, погубившим СССР и все завоевания советского народа, сделавшим Россию посмешищем в глазах всего мира!

Все остальные, зараженные пафосом речи отстраненного от должности вице-президента, склонялись также к решительному сопротивлению…

Несмотря на всю готовность, прослушав речь президента, Руцкой почувствовал сильное волнение. Это не было столь знакомое ему волнение перед боевым вылетом. Скорее, это была растерянность человека, захваченного врасплох, несмотря на все предупреждения. Где-то в глубине души он надеялся, что у Ельцина все-таки не хватит духа подписать этот указ.

Он вышел из шумейковского кабинета и поспешил к Хасбулатову. По всему Белому Дому, как по огромному боевому кораблю, звучал металлический голос принудительной трансляции: «Всем народным депутатам срочно собраться в зале заседаний на чрезвычайную сессию! Повторяю…»

Этот голос, как сигнал боевой тревоги, взбодрил Руцкого. Навстречу ему по коридору, улыбаясь в бороду, шел сопредседатель «Фронта национального спасения», народный депутат Илья Константинов, никогда не отличавшийся изысканностью манер. Увидев Руцкого, он радостно закричал: «У твоего бывшего начальника крыша поехала, что ли? Он же сам себе делает импичмент!»

Подобное панибратство от всякого мелкого хулиганья коробило генерала Руцкого. Многие нардепы имели к нему старые счеты, а ныне относились как к перебежчику. А к перебежчику, пусть даже очень полезному, всегда относятся как к перебежчику. Приходилось терпеть.

«Всем народным депутатам немедленно собраться на чрезвычайную сессию!» — сиреной тревоги продолжала вещать трансляция.

22:30

Отставной генерал-полковник Альберт Макашов находился в помещении главного информационного центра Верховного Совета, пытаясь по информации, потоком бьющей с телевизионных и компьютерных экранов, составить впечатление о складывающейся в столице обстановке.

Внутренняя телесеть Белого Дома передавала пресс-конференцию Хасбулатова, который был бледен, но внешне спокоен и даже пытался шутить.

У него большой опыт подавления путчей, криво улыбаясь, уверял журналистов спикер. Заявление президента, с одной стороны, нельзя рассматривать иначе как попытку государственного переворота, но, с другой стороны, это же заявление фактически является сообщением Ельцина о том, что он слагает с себя свою должность. Такова реальность. Впрочем, заявил Хасбулатов, сейчас мы соберем сессию и все решим. Не волнуйтесь, все будет в рамках закона и конституции.

По каналу Российского телевидения и «Останкино» передавали еще раз, в записи, заявление президента.

На других экранах, как ни в чем ни бывало, мелькали рекламы, завывали космато-бородатые рокеры, мелькали герои бесчисленных западных телесериалов.

Уголком глаза генерал поймал на одном из экранов зеленеющие слова «Оплата за наличные в долларах США» и громко, не стесняясь присутствия женщин-операторов, выругался матом.

Страна оккупирована и гибнет. Вернее, уже погибла.

Вся эта сволочь во главе с Хасбулатовым и Руцким сначала с энтузиазмом разваливала страну, а потом спохватилась — выход только в восстановлении СССР! Умники!

Если у него был бы в подчинении хоть один полк, которому можно доверять, на который можно было положиться!

Он, не колеблясь, арестовал бы весь этот сброд депутатов (кое-кого и расстрелял бы на месте), а затем повел войска на Кремль и навел бы, наконец, настоящий порядок в стране.

Макашов был решительным и агрессивным генералом, хотя проявить себя в реальных боевых условиях ему за долгие годы военной службы возможности так и не представилось.

За плечами Макашова были высшее военное училище и две академии: бронетанковая и генерального штаба, о военных кругах он считался признанным авторитетом по широкомасштабным операциям с применением крупных танковых и механизированных соединений.

Продолжительное время генерал служил в Западной Группе войск на линии самой острой конфронтации с Западом. Красные стрелы на секретных оперативных картах стремящиеся к океану и разрезающие Европу на шесть неравных частей, долгое время были главным стимулом его жизни. Но нацеленные на советские города ядерные ракеты с американских подводных лодок лучше любых других аргументов охлаждали пыл танковых

генералов, заставив самую мощную в мире бронетанковую группировку в течение более 40 лет топтаться на месте и разваливаться без всякой пользы, если не считать денежной компенсации добрых немцев.

К этому времени Макашов уже командовал Приволжско-Уральским военным округом, территория которого была больше всей Европы. Из своего штаба в Самаре (тогда — Куйбышеве) генерал Макашов в бессильной ярости наблюдал, как сначала рухнула и развалилась Южная группа войск, дамокловым мечом висевшая над левым флангом НАТО, как начала разваливаться ЗГВ, как, терпя одно поражение за другим, убралась из Афганистана 40-я армия, как юлила и темнила родная КПСС, скрывая свое желание поскорее юркнуть в какую-нибудь щель с награбленной добычей.

Как молниеносно был разгромлен Саддам Хусейн, на которого было столько надежд, тем более, что генерал Макашов был одним из разработчиков плана блицкрига против Кувейта, плана, будь он выполнен вовремя и без идиотских иракских импровизаций, мог нанести такой удар по престижу Соединенных Штатов, в сравнении с которым померк бы даже позор Вьетнамской войны. Но ничего не получилось!

Не получилось благодаря предателям, засевшим тогда и в Верховном Совете СССР, депутатом которого был и сам Макашов, и в партийном руководстве во главе с самим генсеком Михаилом Горбачевым.

Макашов еще тогда с трибуны партконференции призывал взять штурмом здание Верховного Совета СССР и СФСР и установить партийно-военную диктатуру.

Никто не слушал. Все обделывали какие-то свои делишки и посмеивались. Обнаглевшая пресса открыто издевалась над генеральскими речами, намекая на возможность судебного преследования за призывы к открытому мятежу.

В июне 1990 года на учредительном съезде Российской компартии почуявший демократию Макашов разразился проклятиями в адрес самого Генерального секретаря КПСС обвиняя его в предательстве и «сдаче Восточной Европы»

В отчаянии он пытался пробиться в президенты России, но с треском проиграл выборы, поскольку ничего не мог предложить народу, кроме публичных телесных наказаний которые, по его мнению, «являются прекрасной воспитательной мерой».

И, разумеется, именно генерал Макашов был одним из немногих командующих округами, которые не только выполнили все приказы ГКЧП в августе 1991 года, но сделали даже больше, чем это требовали заговорщики в Москве.

Накопленный богатейший опыт в планировании стратегических операций генералу Макашову пришлось впервые применить на практике в своей родной Самаре. Придя в восторг от известия о создании ГКЧП, Макашов немедленно привел вверенный ему округ в состояние полной боевой готовности, отдав приказ «быть готовыми к ведению боевых действий» и приведя авиацию округа в 15-минутную готовность — с летчиками в кабинах.

Кого генерал собирался бомбить с воздуха, так и осталось неизвестным, но на земле Макашов развернул действия во всем блеске своего оперативного таланта. Армейские части, получив ясный приказ «задерживать демократов и космополитов», быстро захватили контроль над областным центром, оккупировав телецентр и захватив областной издательский центр, разгромив по ходу дела ненавистную местную независимую телестудию «Скат».

Радиостанции округа по всем правилам ведения электронной войны заглушили все местные радиостанции, чтобы до граждан не доходили «подрывные и провокационные» известия из Москвы, оставив свободный канал только для передачи приказов своего командующего. Но поскольку тот произносить речи не горазд, свободное между боевыми приказами эфирное время было заполнено круглосуточным непрерывным чтением записи «Слова к народу», незадолго до этого опубликованного газетой «Советская Россия», которое генерал повелел считать теоретическим руководством к действиям.

20 августа Макашов даже осмелился дать в Кремль телеграмму, где говорилось: «Военный Совет и войска округа обеспокоены нерешительностью по отношению к Ельцину и его окружению. Промедление смерти подобно…»

Генералу повезло, что «августовский путч» был, по большому счету, внутрипартийным конфликтом, а потому никто не собирался особо сводить счеты даже с главными московскими «путчистами», не говоря уже об исполнителях из провинции.

Макашова без лишнего шума выкинули в отставку, и с тех пор генерал постоянно украшал своими тремя генеральскими звездами всевозможные коммунистические и национал-демократические митинги и тусовки, где его постоянно прочили в будущие премьеры «патриотического правительства».

Вместе со своими немногочисленными соратниками, Макашов упорно отказывался признать распад Советского Союза и роспуск съезда народных депутатов СССР. Он стал одним из организаторов так называемого «VI чрезвычайного съезда народных депутатов СССР», мистически проходившего при свечах (мстительные власти отключили свет) в колхозном клубе подмосковной деревни Вороново, на котором председателем президиума Верховного Совета СССР была единогласно выбрана Сажи Умалатова (к женщине меньше будут приставать). Та самая Умалатова, которая считала, что президента Ельцина нужно не просто повесить, а непременно вниз головой.

Пользуясь безнаказанностью со стороны впавшей в летаргию власти, Макашов, как призрак прошлого царствования, появился в Приднестровье, чтобы, по его собственным словам, «организовать оборону». Приднестровскую «республику» совершенно несправедливо называли и называют самопровозглашенной. В действительности, «республику» провозгласил КГБ, сделав ее президентом своего платного провокатора Игоря Смирнова, дав ему в помощники своего кадрового костолома Антифеева, ставшего при Смирнове министром госбезопасности под фамилией Шевцов, так как находился в розыске за преступления на территории Прибалтики.

Устами другого своего агента, Александра Невзорова, КГБ объявил Приднестровскую «республику» «первой, освобожденной от оккупантов, территорией Советского Союза» и попросил Макашова убедить заинтересованных лиц продолжить дело освобождения.

По плану, командование расквартированной в Молдове российской 14-й армии должно было «во имя защиты русского населения» двинуть танки на Кишинев, а затем обратиться к Москве с просьбой о включении Молдовы в состав России. Этот план с разными вариациями должен был затем осуществиться во всех бывших республиках бывшего СССР, где постоянно нагнеталась напряженность по поводу положения «русского меньшинства», которое иногда более дипломатично называлось «русскоязычным».

Единственное, что могло ответить командование 14-й армией на элегантное предложение начать на развалинах бывшего Союза крупномасштабную гражданскую войну, — это показать Макашову на дверь, что оно и сделало, причем даже в не очень учтивой форме.

Взбешенный Макашов стал собирать собственную армию, состоявшую из осколков всяческих прибалтийских омонов, любителей приключений и разного рода уголовных элементов. Делая смотр своему воинству, Макашов обратился к ним с речью, где сказал: «Дай Бог, если я когда-нибудь буду командовать частями… чтобы у меня были такие солдаты, как в Приднестровье. Их не надо агитировать!»,

Бог, на которого сослался в своей речи Макашов, услышал его желание, и вскоре предоставил генералу покомандовать приднестровскими ребятами, которых «не надо агитировать». Сегодня, 21 сентября, генерал Макашов уже говорил с Тирасполем. Батальон «Днестр» готов вылететь в Москву по первому зову.

Тогда же покомандовать не удалось. Москва, обеспокоенная возней в Приднестровье, сменила командование 14-й армией. Новый командарм, генерал Лебедь, чьи десантники в августе 91-го отбили у всех охоту лезть на штурм Белого Дома, не любил, когда по подразделениям вверенных ему войск шастали беспризорные генералы, не имеющие, к тому же, никаких официальных полномочий.

Макашову пришлось покинуть Приднестровье и, надо сказать, вовремя. Когда началась стрельба, налаженная им оборона Бендер рухнула в одночасье, и только твердая позиция генерала Лебедя предотвратила взаимную резню, которая, наверняка, продолжалась бы бесконечно, как и в других районах межнациональных конфликтов.

Макашов вернулся в Москву и стал ждать своего часа. Нельзя сказать, чтобы генералу нечего было терять. На волне демократического хаоса он приватизировал квартиры в Москве и Самаре, входил в совет директоров нескольких акционерных компаний, а его каменная трехэтажная дача со встроенной колокольней домовой церкви, украшенной барельефом православного креста, поражала воображение даже его коллег-генералов, чьи особняки, построенные за счет щедрот Министерства обороны, хотя и были добротными, но от них за версту веяло казарменной безвкусицей.

Час Макашова настал. Шестым чувством старого солдата он понимал, что на этот раз без стрельбы не обойдется, и ноздри его раздувались, как перед командой, которую он сотни раз отдавал на учениях и маневрах разного уровня: «Танки, вперед!».

Пока эту команду отдавать было некому. Да и сам вид генерала был совсем не воинственный. Сутулый, в старомодном синем плаще с пояском и старческом берете, он устало ходил по информационному центру, ожидая возвращения Ачалова, пытавшегося связаться с Министерством обороны, Генштабом и с командующими округами.

Информация продолжала литься потоком. Уже председатель Моссовета Николай Гончар сообщил, что на 23:00 запланировано срочное заседание президиума Моссовета, а завтра, с утра, начнется сессия, которая выскажет свою точку зрения на указ президента. Гончар отметил, что нужно предотвратить обострение ситуации и тем более пресечь провокации, которые могут привести к кровопролитию.

Уже председатель Конституционного суда Зорькин объявил о срочном созыве Конституционного суда, а один из судей, Лучин, поспешил заявить, что «в соответствии со статьей 121-6 Конституции Российской Федерации в нынешней редакции президент лишил сам себя властных функций».

Информационные агентства, перебивая друг друга, сообщали новости:

«В 21:40 началось экстренное заседание Конституционного суда. Собран полный кворум. На улице перед зданием суда находятся несколько автомашин с милицией. В здание суда прошли четверо гражданских лиц с автоматами…»

«В 21:00 состоялось заседание президиума совета министров. По его окончании премьер Виктор Черномырдин подчеркнул, что „прежде всего нужно спокойствие", государственные учреждения должны работать в нормальном режиме. На вопрос корреспондента о возможном давлении на депутатов Верховного Совета премьер воскрикнул: „Боже упаси! Никаких „чрезвычаек"! Это исключено!"

«Штаб Московского военного округа официально сообщил, что округ находится в обычном режиме. Никаких дополнительных приказов о повышении готовности не поступало».

«Пресс-центр МВД заявил, что „никаких дополнительных приказов не было".

«Министерство безопасности ответило, что „оно вообще ничего не знает о каком-то указе президента".

«В пресс-службе президента сообщили, что Ельцин в настоящее время находится в своей загородной резиденции, а сама пресс-служба работает в обычном режиме»…

В помещение центра быстрыми шагами вошел генерал Ачалов. Вид у него был несколько возбужденный. Все средства правительственной, высокочастотной и дальней связи, имеющиеся в распоряжении Белого Дома, были отключены.

Он пытался дозвониться в Министерство обороны и в Генштаб. Ни один из известных ему телефонов, а знал он их почти все, не отвечал, включая многоканальные телефоны оперативных дежурных по направлениям.

Это означало, что в компьютер центра военной связи дана команда на полное изменение телефонных кодов. Такие команды поступают в целях защиты связи от проникновения противника только в канун неизбежной войны, либо когда но всей стране объявлено чрезвычайное положение. Но чрезвычайного положения никто не объявлял.

А ВОЕВАТЬ БЫЛО ПРОСТО НЕ С КЕМ.

22:45

Василий Липицкий не то что вошел, а просто ворвался в кабинет Руцкого. Если Вольского и Руцкого звали знаменем партии «Гражданский Союз», то Липицкого вполне можно было назвать его движущей пружиной.

Липицкий в свое время окончил исторический факультет МГУ по курсу «Истории КПСС», был комсомольским «вожаком» факультета, где и вступил в КПСС. На факультете заметили энергичного и «идейного» юношу и «бросили» его в филиал ЦК ВЛКСМ — так называемый Центральный штаб студенческих отрядов, откуда открывалась прямая дорога в ЦК. Но в ЦК Липицкий не попал, а вернулся Университет, где занимался исследовательской работой в русле своей самой перспективной в СССР науки.

Видимо, на этом поприще он добился-таки заметных успехов, поскольку в 1983 году был приглашен на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, который слыл кузницей кадров последнего, снабжая ЦК родной партии беспощадными интриганами, прожженными циниками и беспринципными карьеристами.

Отдел, в котором работал Липицкий, выполняя заказ ЦК, был озабочен проблемой, как заставить население коммунистической империи лучше работать на родную партию и не воровать.

Решая эту проблему, Липицкий в разгар перестройки, в 1989 году, умудрился защитить докторскую диссертацию на тему «Проблемы стимулирования созидательной деятельности», в которой цветными графиками было отмечено повышение производительности труда при правильно поставленном процессе идейно-политического воспитания трудовых коллективов.

Производительность труда находилась в прямопропорционалыюй зависимости от авторитета и силы парторганизаций.

Идеологически диссертация была безупречной, но в ЦК Липицкого так и не взяли. Ему удалось осуществить свою мечту только при рождении партии Ивана Полозкова, в ЦК которой он и повстречался с Руцким.

Если ты собираешься делать свою карьеру в коридорах Института марксизма-ленинизма, то должен обладать интуицией и нюхом немецкой овчарки и гибкостью кобры, вспоминал недавно один из президентов молодых среднеазиатских республик, познавший эту науку на собственной шкуре.

Но как бы то ни было, Липицкий сразу почуял, что паровозом его грядущей карьеры станет не «добрейший» Иван Кузьмич Полозков, а прямой, как бульдозер, и напористый

авиационный полковник. И Липицкий стал его ведомым, особенно после того, как провалился на выборах в Верховный Совет в 1990 году.

Совершая виражи вслед за своим «ведущим», Липицкий перелетел в блок «Коммунисты за демократию», затем — в Демократическую партию коммунистов России, которая после августовского путча была скромно переименована в Народную партию свободной России.

6 августа 1991 года Липицкого вместе с Руцким выгнали из КПСС «за деятельность, направленную на раскол КПСС». На короткое время Липицкий пропал из поля зрения, а затем вынырнул вместе с Руцким в «Гражданском Союзе», где вскоре стал председателем исполкома, оставаясь, на всякий случай, и председателем правления своей любимой НПСР, которая в свое время объявила себя наследницей КПСС, чтобы «через суд, на законных основаниях, вернуть народу партийные деньги».

Но вопрос о наследстве КПСС, как известно, тихонько замяли, и кто-то быстро отбил у Липицкого охоту судиться за наследство покойной родительницы двух его новых партий, где ему регулярно за счет той же «родительницы» выплачивали зарплату и содержали автомобиль с шофером.

И вот час настал. Пройдет еще немного времени и Руцкой станет президентом, открывая дорогу к власти «Гражданскому Союзу» — своей родной партии. Однако, следует заметить, что руководство «Гражданского Союза» оценивало реальную обстановку несколько иначе, чем это делал Руцкой, имея все основания полагать, что лихой «вице» может наломать таких «дров», и половины которых будет достаточно, чтобы отправить все руководство партии за решетку.

Едва заявление Ельцина было передано средствами массовой информации, как руководство «Гражданского Союза» отправило в Белый Дом Липицкого, дабы напомнить Руцкому, чтобы тот вспомнил, что является сопредседателем партии, о чем опальный вице-президент, судя по его недавним высказываниям в адрес партийных коллег, видимо, слегка забыл.

Руцкой встретил Липицкого без особого энтузиазма. Без ожидаемого: «Вася! Как я рад! Иди ко мне в вице-президенты!»

У Липицкого, конечно, в данной ситуации хватило бы ума отказаться от этой чести, но приятно было бы такое выслушать и напомнить позднее, когда станет ясен исход нового кризиса. Но говорили долго.

Руцкой просил, чтобы партия развернула мощную пропаганду в его пользу, связалась с оборонными заводами, готовя всероссийскую забастовку, чтобы Вольский публично и как можно скорее осудил Ельцина за предпринятый тем государственный переворот. Липицкий, отлично зная, что Вольский никогда этого не сделает, пока Ельцина, по меньшей мере, не упрячут в тюрьму или вынудят бежать за границу, тем не менее, пообещал Руцкому, что все будет сделано.

В этот момент по внутренней трансляции объявили, что закончилось заседание президиума Верховного Совета, на котором решили, что президент Ельцин должен быть отрешен от должности за совершение государственного переворота, и его полномочия переходят к Руцкому. Через час, как только наберется достаточное для кворума количество депутатов, откроется внеочередная сессия для принятия исторических решений «во имя спасения Отечества и демократии»…

Липицкий от души пожал руку Руцкому и хотел что-то еще сказать, но снова был прерван громкоговорителями, объявившими, что буфеты и прочие службы Белого Дома переходят на круглосуточный режим работы.

Руцкой нервно посмотрел на часы и наклонился к селектору, поинтересовавшись, прибыли ли генералы Громов и Родионов. Ему ответили, что нет, не прибыли. «А Тулеев? — спросил Руцкой. — Звонили в Кемерово?» Ему ответили, что Тулеев уже здесь. Впустить?

Пусть подождет, приказал Руцкой и что-то хотел сказать Липицкому, но в этот момент в кабинет вошел Виталий Уражцев, бывший полковник из Главпура, юрист и журналист, председатель всероссийского общества «Щит», основанного еще во времена перестройки для защиты прав военнослужащих.

Уражцев, личность весьма одиозная, был одним из немногих, кого арестовали и отправили в Балашиху еще во времена августовского путча. При аресте он отмахивался от «чекистов» топором и, по его версии, был зверски избит, связан и брошен в кузов грузовика, что, однако, не помешало ему ровно через сутки снова появиться в Белом Доме свежим и здоровым, одетым в свежевыглаженный костюм к белую рубашку с галстуком.

Тогда же, в эйфории одержанной победы, Уражцев, отвечая на вопрос корреспондента «возможен ли, но его мнению, еще один путч?», ответил: «Какой еще путч? Когда президентом — Ельцин, вице-президентом — Руцкой, мэры Москвы и Ленинграда — Попов и Собчак, говорить о каком-то новом путче может только очень обиженный Богом человек!»

Неизвестно, чем Бог так уж сильно обидел Уражцева. Возможно, что Творец не очень жалует людей, раздираемых гордыней и тщеславием.

В свое время Уражцев явно метил в замы министра обороны, но военное ведомство, как в коммунистические времена, так и после, очень прохладно относилось к каким угодно общественным организациям в своей системе. Поэтому никакого официального статуса обществу «Щит» давать не желало, очень косо на него поглядывая.

Из окружения Ельцина Уражцева очень быстро оттеснили, поскольку искусством интриги он, как и Руцкой, владел на уровне полковника, что было явно недостаточно.

Разочарованный полковник выбрал единственный путь, который оставался, чтобы кое-как сохраниться на политической поверхности, — путь уличного вождя. Да и тут он был не очень заметен, поскольку у него хватило ума все-таки как-то дистанцироваться от таких митинговых звезд, как Анпилов и Константинов.

Не хватало у него нахальства, чтобы строить из себя теоретика, как, скажем, Проханов или Стерлигов, и сидеть в президиумах «Фронта национального спасения» между ними. Его выступления были более-менее взвешенными, а потому плохо доходили до сознания толпы, любившей простые, щелкающие бичом призывы.

Тем не менее, а может быть и именно поэтому, в случае кризиса противостояния властей Уражцеву было на первом этапе поручено окружить Белый Дом толпами людей, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать народную поддержку заговорщикам, а с другой, — сбить охоту у властей исполнительных, сломя голову, кинуться на штурм оплота законодательной власти.

Уражцев не терял ни минуты. Подобная задача была по плечу любому офицеру, а тем более — такому прирожденному организатору, как он.

К Белому Дому уже подтянулось достаточно людей, чтобы их могли заметить, хотя еще не настолько, чтобы имитировать всенародную поддержку.

Несколько десятков разновозрастных мужчин, главным образом, пенсионеров и отставников, уже встали у входа в Верховный Совет, размахивая красными знаменами, выставив самодельные лозунги: «Вся власть Советам!», «Да здравствует КПСС!», «Диктатора под суд»! и тому подобное.

Несколько парней помоложе, сваливая в кучу турникеты и таская откуда-то доски, начали сооружать у входа какое-то подобие баррикады.

«Людей! Побольше людей! — приказал Руцкой, выслушав сообщение Уражцева.

— Действуй, Виталий! Сейчас многое от тебя зависит». Уражцев вышел, и в кабинет с некоторой робостью вошел генеральный прокурор Валентин Степанков.

Нынешний генеральный прокурор разительно отличался от своих предшественников, Вышинского, Руденко и даже недавнего Сухарева — крайней несолидностью и почти детским выражением лица. Эдакий губошлеп.

Взлетевший на послепутчевой волне в кресло генерального прокурора прямо из прокуратуры какого-то забытого Богом сибирского райцентра, Степанков, надо отдать ему должное, отлично понимал, что это кресло могут из-под него выбить в любую следующую минуту, а потому и вел себя соответственно.

За интервью брал деньги в валюте, погубил, с юридической точки зрения, процесс над членами ГКЧП, славы и денег ради опубликовав книгу о путче 91-го года, не обращал внимание ни на какие нарушения законов, фактически культивируя в стране «правовой нигилизм», как интеллигентно выражались некоторые газеты, или «уголовный беспредел», как выражались те, кто не любил использовать иностранных слов.

«С приходом Степанкова на должность генерального прокурора, — сказала одна, острая на язык, московская публицистка, — наша страна, которая 70 лет являлась „политической зоной", превратилась в зону уголовную».

Степанков вел свою тихую и довольно мелкую игру, не желая ни с кем ссориться или прослыть чьим-то сторонником, поставив себе довольно скромную цель, хотя в России с учетом занимаемого им поста эта цель выглядела трудно достижимой: уйти со своего поста без особо громкого скандала, минуя Лефортово.

Услышав об указе Ельцина, Степанков почувствовал себя плохо, как и любой человек, очутившийся, подобно барону Мюнхаузену, между лязгающими пастями льва и крокодила, которые, желая сожрать друг друга, могли мимоходом проглотить и его, даже не заметив этого.

Косо взглянув на Липицкого, Степанков уселся в кресло напротив мятежного вице-президента, всем своим видом демонстрируя готовность благожелательно выслушать все, что тот ему захочет сказать.

«Вот что, Валентин, — начал Руцкой, глядя на полированную поверхность своего стола. — Значит, так. Надо уголовное дело возбудить против гражданина Ельцина за попытку совершения государственного переворота с целью… — Руцкой посмотрел на лежащую перед ним бумагу: — …с целью свержения существующего конституционного строя. Как ты?»

У Степанкова засосало в животе. Хорошенькое дело! Возбудить уголовное дело против президента страны! А как у этих все провалится? Затопчут сапогами. А если эти выиграют? Никак не представить точного расклада сил в стране. Кто за кого? Попадешь в сообщники…

«Александр Владимирович, — сглотнув слюну, ответил генеральный прокурор. — Тут главное, чтобы все было законно, юридически безупречно. Не нужно спешить. Во-первых, необходимо решение Конституционного суда о незаконности указа. Во-вторых, решение съезда об отстранении главы исполнительной власти от…».

«Какой съезд? — удивился Руцкой. — Когда есть поправка к 121-й статье…»

Все эти поправки к Конституции, которые последнее время Верховный Совет лепил, как пирожки, юридически в стране не действовали, а многим правовым структурам вообще не были известны.

«Нужно, чтобы все было по закону, — продолжал настаивать Степанков. — Съезд должен обязательно вынести свое решение. Если и вы начнете беззакония чинить, то отправьте в Кремль наряд и…».

Руцкой проникновенно посмотрел на генерального.

«Валя, — вздохнул он. — Сдается мне, что ты чего-то крутишь. Понимаешь, как важно, чтобы ты нас официально поддержал в борьбе с захватившими власть преступниками…»

«Я всей душой, — согласился генеральный. — Но мне нужны юридические, повторяю, юридические обоснования для возбуждения уголовного дела. Я не могу возбуждать никаких дел, кроме проверочных, на основании телевизионной передачи, кто бы ее ни вел. Получу решение съезда, заключение Конституционного суда, текст указа и тогда — пожалуйста: соберу коллегию, и все, что надо, возбудим. А то попадем впросак, как в марте. Шум подняли, а выяснилось, что никакого указа и не было…»

Руцкой мгновение помолчал, по-прежнему глядя в стол.

«Хорошо, — сказал он. — Ты, наверное, прав, Валентин. Все, что надо, получишь очень скоро. Иди в зал. Скоро начнется сессия».

На выходе генеральный прокурор столкнулся с входящим в кабинет из жужжащей, как улей, приемной народным депутатом Сергеем Бабуриным, напоминающим, благодаря фасону бороды и усов, что-то среднее между Мефистофелем, каким его изображали на русских провинциальных подмостках начала века, и персонажем порнографических открыток того времени.

Он был намеренно медлителен и важен, как петух перед соитием. Небрежно кивнув Липицкому, он обратился к вице-президенту: «Александр Владимирович, юридический комитет считает, что…».

Но в этот момент в кабинет ворвался запыхавшийся заместитель Хасбулатова Юрий Воронин — в прошлом ответственный работник ЦК Компартии Татарстана и руководитель Госплана республики: «Давайте в зал. Все уже собрались. Надо действовать быстрее».

Липицкий встал и направился к дверям вместе с остальными.

«Или вы будете со мной, здесь, — неожиданно сказал ему Руцкой, — или… Как хотите».

Недалекий, обманутый авиационный полковник наивно предполагал, что он может ставить какие-то условия прожженным в интригах партаппаратчикам, у которых таких полковников, которыми можно пожертвовать в экстремальных ситуациях, была целая армия.

Липицкий промолчал. Для себя он уже решил, что чем дальше он будет в ближайшее время находиться от Белого Дома, тем лучше будет и для него и для тех двух партий, которыми ему выпала честь руководить.

Хотя охрана и пыталась оттеснить толпу корреспондентов из приемной и прилегающего коридора, сделать это, как водится, не удалось.

Руцкой вышел на целый лес телекамер и микрофонов, взмахом руки приветствуя журналистов и давая понять, что не намерен никак комментировать события.

Только одна девчушка умудрилась сунуть ему почти под нос микрофон и с теплотой в голосе спросить: «Как вы себя чувствуете, Александр Владимирович?»

«Прекрасно!» — ответил Руцкой и упругими шагами пошел дальше.

22 сентября, среда, 00:04

Сергей Бабурин, сидя на своем месте в зале заседаний, видел и чувствовал, что Руслан Хасбулатов сильно нервничает, хотя и хочет изо всех сил казаться совершенно спокойным. Объявив об открытии внеочередной чрезвычайной сессии Верховного Совета, спикер обратился к Руцкому: «Александр Владимирович, прошу на ваше место».

«Ваше место» — это пустующее кресло президента Российской Федерации.

Стараясь не глядеть по сторонам, Руцкой поднялся в президиум и занял кресло президента. Так сбываются мечты.

Бабурин усмехнулся. Впрочем, сардоническая усмешка всегда была как бы приклеена к его лицу, выдавая, если верить Фрейду, сильную закомплексованность, вызванную какими-то нарушениями в органах внутренней секреции.

Сергею Бабурину было едва за тридцать, но это был человек, известный не только по всей стране, но и в мире. Особенно в Ираке, куда он несколько раз ездил, чтобы утешить Саддама Хусейна после поражения в Кувейтской авантюре, намекая ему, что еще далеко не все потеряно, и прося в долг до лучших времен. Саддам охотно давал. Тем более, что деньги в свое время были получены от КПСС, о которой иракский диктатор сохранил самые лучшие воспоминания.

Сергей Бабурин по образованию был юристом, закончив совсем недавно Омский Университет. Короткое время проработал в парткоме, а затем был назначен деканом юридического факультета, явно обозначив себя в качестве напористого и стремительного карьериста, идущего к цели самыми короткими и оптимальными курсами подобно управляемой по проводу торпеде.

Для этого были все основания. Еще в студенческие годы Сережа был завербован местным КГБ, и его «куратор», майор Горбунов из 5-го отдела тамошнего Управления КГБ присвоил ему оперативный псевдоним (а в просторечьи кличку) «Николай».

Юридические факультеты, как отмечалось, — это вотчины КГБ, так что в самом этом факте нет ничего удивительного и даже, учитывая специфику СССР, пожалуй, и ничего особо предосудительного. Сколько таких «Николаев» работало и училось бок о бок с Бабуриным — известно одному Богу, ибо даже в КГБ никто не имеет права знать обо всей агентуре.

Но одно дело — информатор секретной полиции, без которых ни одна спецслужба существовать не может, другое дело — провокатор политической полиции. Тут нужны другие качества, и ими Сергей Николаевич Бабурин был наделен с избытком. А поскольку пути секретной службы неисповедимы, неисповедимы и пути провокаторов.

Бабурин был внедрен в демократическое движение Омска, ибо КГБ, естественно, был заинтересован в освещении этого движения изнутри, чтобы знать, кого брать в первую очередь, а кого — во вторую, когда придет время. Таланты Бабурина настолько раскрылись в «тылу врага», что его через «Демократическую Россию» решено было пропихнуть на выборах 1990-го года в Верховный Совет. Что и было сделано.

Попав в Верховный Совет, Бабурин почти сразу заявил, что был и навсегда останется коммунистом. Его передали в центральный аппарат 5-го управления в Москве, а там, прочитав сопроводительные документы, составленные их коллегами из Омска, решили, что лучшей кандидатуры на роль председателя Верховного Совета просто нельзя придумать.

В итоге два разных управления КГБ попали в патовую ситуацию, когда одно пропихивало на высокий пост Бабурина, а второе — Хасбулатова.

Но тут случился августовский путч, который сбил с нахального Бабурина и его перетрусивших «кураторов» немного спеси.

Быстро придя в себя, Бабурин организовал в Верховном Совете фракцию «Россия», снова подтвердив, что является коммунистом и продолжает жить в СССР. Некоторое время спустя на скандальном вечере газеты «День» в Центральном Доме литераторов Бабурин впервые всенародно обозвал Ельцина преступником, обвинив его в развале Советского Союза.

Разумеется, у КГБ были все основания скорбеть о крушении империи и вещать об этом голосом Бабурина. Но ради справедливости следует заметить, что именно КГБ, на котором лежала главная ответственность за обеспечение безопасности и целостности СССР, и пальцем не пошевелил в свое время, чтобы предотвратить развал и гибель страны а, напротив, весьма этому способствовал.

Теперь же, размахивая кулаками после драки, причем за кулисами, КГБ начал дирижировать целым хором своих провокаторов, громко и навзрыд оплакивающих покойную империю.

Бурные аплодисменты, которые прозвучали на заявление Бабурина, свидетельствовали о том, что новый спектакль приближается к стадии генеральной репетиции, и главные роли в нем поручены актерам, претендующим на постоянную роль героев.

Бабурин быстро вошел в эту роль, быстро выдвинувшись в лидеры гак называемой «непримиримой оппозиции», которая, не имея не только какой-нибудь четкой экономической программы, но даже и идеологической, занималась под мудрым водительством своих вождей-«героев» только тем, что от души поносила последними словами президента Ельцина, денно и нощно боролась с сионизмом, разоблачая последний как в кремлевском правительстве, так и по всему миру.

Было ясно, что на такой платформе далеко не уедешь. Движению необходимо было срочно создать прочную идеологическую основу.

Накануне VII съезда «куратор» Бабурина из КГБ (или МБР, как ныне невнятно называлась эта организация) срочно вызвал своего подопечного на явочную квартиру. Вместе с «куратором» пришли еще двое, которые, судя по гладким, с некоторым налетом интеллекта лицам и дорогим костюмам, представляли собой чинов, близких к руководству.

Они поздравили Бабурина с политическими успехами, заявив, что очень рады выходу своего агента на национальную арену и передали ему ряд материалов с просьбой их обработать и опубликовать под своим именем в одной из оппозиционных газет более умеренного толка, чем, скажем, «День» или «Русское Воскресенье».

Что же это были за материалы, вышедшие из недр организации, неоднократно хвастающейся, что собрала под своей крышей всю элиту аналитической и исследовательской мысли нации. КГБ, как известно, был устойчивым гибридом политической полиции и идеологической инквизиции, главной задачей которого было обеспечение покоя и процветания царствующей партийной элиты-номенклатуры, наслаждающейся «самым передовым в мире общественным строем» под защитой своего «боевого отряда», надежно изолировавшего элиту от народа, а народ — от элиты.

Народ же нужно было не только держать в вечном страхе, истреблять, гноить в лагерях и учить работать за вымпел или грамоту с профилем Ильича, но и чем-то занять. Поэтому в течение 70 лет многомиллионный народ занимался поиском шпионов и диверсантов.

Сначала, что говорится, всем миром выискивали агентов Антанты, саботажников, шпионов, диверсантов, кулаков, подкулачников, троцкистов, бухаринцев, фашистов, наемников империализма, уклонистов, оппортунистов, космополитов, врагов народа, агентов ЦРУ, сионистов, диссидентов.

Уже на последнем вздохе «развитого социализма», перед самым крушением СССР, шеф КГБ Владимир Крючков придумал новый термин «агент влияния» и пытался мобилизировать на поиск «агентов влияния» все отбившееся от рук население страны. Крючков, как известно, отправился за решетку, даже не успев приступить к осуществлению своего гениального изобретения, поскольку и дураку ясно, что «агентом влияния» можно было объявить кого угодно, как когда-то «врагом народа». Над выдумкой Крючкова посмеялись и забыли.

А совершенно напрасно, как говаривал вождь мирового пролетариата.

Через некоторое время в газете «Советская Россия», где собрались публицисты так называемой «Чикинской школы», стремительно сбежавшие из социализма в национал-социализм, появилась огромная статья «Агенты влияния». Автором статьи был Бабурин, хотя для видимости он прикрылся еще тремя соавторами, никогда до этого не грешивших пером.

Прошло всего полтора года с момента августовского путча, и 33-летний «баловень Российского парламента» Сергей Бабурин подхватил жупел «агент влияния», выпавший из ослабевших рук узника «Матросской тишины» Владимира Крючкова.

«Агентами влияния», по мысли, почерпнутой Бабуриным из аналитических шедевров Министерства безопасности, являлись Бурбулис, Гайдар, Полторанин и прочие негодяи из ельцинского окружения.

«Агентами влияния, — смело утверждал Бабурин, — являются „целые группы и движения. Например, „Демократическая Россия‟, — подчеркивал Бабурин, видимо, забыв что именно на платформе «Демроссии‟ он и пробрался в Верховный Совет.

В статье делался намек, что «шпионами» руководит сам Ельцин. Иначе как объяснить недавний визит в Москву директора ЦРУ Гейтса и его встречу с Ельциным, если не тем фактом, что «дупло» оборудовано прямо в Кремле. Так американскому империализму удобнее.

«Гласность, демократия, права человека, — объяснял читателям Бабурин, — всего лишь словесная мишура… цели, поставленные „хозяином‟… Приверженность к демократии, общечеловеческим ценностям, достижениям мировой цивилизации являются характерными признаками, присущими всем агентам влияния».

Это было, без сомнения, очень смелое заявление, если вспомнить, что оно было сделано в стране, где около 100 миллионов человек были безжалостно истреблены под яркие публикации и заявления именно такого рода.

Статья об «Агентах влияния» была призывом прекратить сезон всяких там демократических дискуссий и открыть новый сезон посадок. Ибо с «агентами влияния» не следует ни спорить, ни церемониться. Их надо выявлять и истреблять.

Если бы об этом вещал и мечтал сам Бабурин, то это можно было отвести на счет явной малограмотности провинциального карьериста, одуревшего от возможностей, предоставляемых демократией.

Но это был крик мечты той самой «аналитической элиты», которая, перестав истреблять миллионами собственный народ, задыхалась, корчилась и пыталась всеми способами отсрочить свой неизбежный конец. Все, кому надо, поняли, а некоторые знали, кто вещает со страниц «Советской России» бабуринским голосом.

А потому статья стала программной. Ее призыв сомкнуться в борьбе с «агентами влияния» на почве русского патриотизма и идеологии национал-социализма был услышан.

Стремительность, с которой растерявшиеся было бывшие функционеры КПСС, КГБ, ХОЗУ, ВПК и прочих номенклатурных подворий коммунистического режима ринулись в новую идеологию, обгоняемые разномастными новыми карьеристами, невольно наводила на мысль, что автор известного афоризма о патриотизме как последнем прибежище негодяев был абсолютно прав.

На обломках коммунизма «славные чекисты», оставшись без родной хозяйки-партии, возмечтали своими силами построить нацистско-православное царство. И в качестве одного из первых апостолов не нашли никого лучше Бабурина.

Его пухлые щечки, усы и бородка эспаньолкой продолжали мелькать на красно-коричневых митингах разной интенсивности, в президиумах, на тайных квартирах и официальных приемах, на встречах с писателями, где блистал эрудицией, сравнивая съезды народных депутатов с «Бородинской битвой, где не будет победителей», предсказывая «летом пожар Москвы», а осенью — «бегство Наполеона». Мартовский съезд, на котором Бабурин сражался, как гладиатор, чтобы одним ударом смести с арены и Ельцина, и своего старого соперника Хасбулатова, действительно, не выявил победителей.

Организованные ФНС весенне-летние беспорядки в Москве, хотя и не обошлись без человеческих жертв, к пожару столицы, слава Богу, не привели.

И вот наступила осень — назначенное Бабуриным время «бегства Наполеона»…

Бабурин слушал, как Хасбулатов, в голосе которого звучала скорбь, информировал собравшихся народных депутатов о том, что в стране произошел государственный переворот, подчеркнув, что кроме народных депутатов, Россию спасти некому.

Спикер сообщил об уже принятых мерах: территориям дано указание провести сессии, установить контроль над прессой, радио и телевидением, в Москву вызваны на внеочередной съезд все депутаты. Организована и оборона Белого Дома. Ее возглавил генерал Ачалов, также народный депутат, — человек опытный, бывавший в переделках и похлеще.

Еще более скорбным голосом Хасбулатов сообщил коллегам, что в здании отключена правительственная связь — это очень затрудняет руководство страной — и ставит на голосование решение Верховного Совета о «немедленном включении правительственной связи».

Бабурин автоматически нажал кнопку «За».

Все присутствующие проголосовали единогласно.

Затем Хасбулатов огласил распоряжение Центральному банку — прекратить финансирование исполнительной власти. Это вызвало бурные аплодисменты.

Бабурин не хлопал, но его приклеенная усмешка стала несколько зловещей.

Все шло как-то медленно и томительно. Началась новая тягомотина. Хасбулатов стал зачитывать длинную телеграмму о том, что депутаты Октябрьского, Краснопресненского и Пролетарского райсовета Москвы признали указ президента на своей территории недействительным.

Снова бурные аплодисменты. И, наконец, переход к главному.

Ставится на голосование вопрос о лишении полномочий нынешнего президента Российской Федерации Ельцина Бориса Николаевича, посягнувшего на Конституцию страны и органы представительной власти.

В зале устанавливается напряженная тишина, отвечающая важности момента, взорванная громом почти истерической овации.

144-мя голосами при шести воздержавшихся президент Ельцин объявляется низложенным.

Тут же депутатам представляется новый президент России — Руцкой Александр Владимирович.

Переждав оглушительные аплодисменты, Руцкой занимает трибуну.

«Уважаемые сограждане! Довожу до вашего сведения, что с сегодняшнего дня в строгом соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации я, Александр Руцкой, принимаю на себя исполнение обязанностей президента России…»

С этим заявлением Руцкой уже выступил два часа назад. Заявление было записано на кассету, которую предстояло размножить, отправив затем во все концы страны и мира.

Держа в руке брошюру с Конституцией РСФСР, Руцкой, пытаясь (тщетно) придать своему голосу какое-то подобие торжественности, приносит президентскую присягу.

Если Бабурин и умел что-то делать профессионально (или, но крайней мере, гораздо лучше других) — это появляться у микрофонов в зале, что он демонстрировал на всех заседаниях Верховного Совета и съезда.

Вот и сейчас, не успели прозвучать последние слова присяги Руцкого, а Бабурин уже стоял у микрофона.

Не скрывая некоторого превосходства в тоне, Бабурин посоветовал новому «президенту» немедленно назначить своих министров во все ключевые Министерства, в первую очередь, конечно, в так называемые «силовые», то есть своих министров обороны, госбезопасности и внутренних дел — три опоры, на которых, как на трех китах, веками восседали все российские режимы.

«Очень дельное предложение», — соглашается Хасбулатов.

Руцкой с готовностью кивает и что-то записывает в книжечку.

Вид у него какой-то суетливый, что и понятно. После долгих месяцев гонений и опалы к роли президента надо привыкнуть. Нужно время. Хотя бы месяц.

Следующим от микрофона выступает народный депутат Михаил Челноков — тоже большой мастер захватывать микрофоны и закатывать внутрипарламентские истерики.

Именно Челноков бросил якобы свои «ваучеры» в лицо вице-премьера Чубайса, хотя позднее выяснилось, что это были листки чистой нарезанной бумаги. Последние три месяца, несколько выбитый из колеи результатами мартовского съезда и апрельского референдума, Челноков, пробиваясь к микрофону, постоянно возмущал спокойствие в зале, пробуждая даже вечно дремлющее «болото» воплями о точной информации, что к Белому Дому стягиваются бронетранспортеры со спецпазом, ОМОНом, альфами и дельтами, что подписаны уже списки депутатов, подлежащих расстрелу на месте, аресту, интернированию, ссылке. Это случалось так часто, что даже его сторонники тихонько посмеивались.

Нет, эта власть слаба. Она не способна защищаться. Гнилая демократия.

Челноков предлагает немедленно снять с должности министра внутренних дел Виктора Ерина и назначить на его место его заместителя, генерала Дунаева, недавно снятого с должности указом президента. На этот раз закивали головами синхронно и Хасбулатов, и Руцкой.

01:30

Виктор Анпилов появился около Белого Дома во главе относительно небольшой колонны своих сторонников из организованной им партии «Трудовая Москва». У здания Верховного Совета шел непрекращающийся митинг.

С балкона, меняя друг друга, выступали неизменные митинговые ораторы, вроде лидера коммунистов Зюганова и неистовой Умалатовой. Но как митинговые ораторы они и в подметки не годились Виктору Анпилову.

Если верно, что Всевышний создает каждого человека для выполнения какой-то конкретной задачи, то Анпилов можно с уверенностью сказать, был создан специально для митингов. Никто лучше него не умел завести толпу простыми криками: «Смерть оккупационному правительству!», «На виселицу всех, кто поднимет руку на нашу социалистическую Конституцию!», «Мы уничтожим любого, кто…» и тому подобное.

В прошлом третьеразрядный радиожурналист и мелкий стукач-провокатор КГБ, работающий с диктофоном в кармане и провоцирующий своих друзей и сослуживцев на «рискованные высказывания», а затем передающий эти пленки «куда следует», Анпилов нашел применение своим талантам только в эпоху демократии, получив, наконец, задание, достойное его.

Крики «кровавый палач Ельцин», которые так любили реветь в микрофоны большие и малые лидеры «Фронта национального спасения», не влекли за собой никакой

ответственности, — ни юридической, ни моральной, ибо в условиях российского варианта демократии от клеветы и оскорблений не был огражден даже глава государства.

В России всегда, когда перестают вырывать языки за «хулиганские слова в адрес верховной власти и особенно ее представляющих», начинается нечто совершенно невообразимое.

Как-то первый секретарь одного из московских райкомов партии выразил сомнение, что товарищу Сталину так уж к лицу тот френч, в котором «вождь всех народов» постоянно появлялся на людях. Секретарь пропал в тот же день, до сих пор не реабилитирован, и его семья не получает никакой пенсии.

Немного позднее один из аппаратчиков ЦК поделился с каким-то дружком своим впечатлением о том, что «товарищ Брежнев что-то последнее время неважно выглядит». Времена уже были до неприличия либеральными, поэтому аппаратчика просто выгнали с работы за «распространение клеветнических измышлений», затем нагрянули с обыском домой и на дачу, нашли довольно большую сумму в долларах, начали следствие и довели до инфаркта.

Теперь же на эти крики о «кровавом палаче» никто никак не реагировал. Ну, может быть, какая-нибудь либеральная газетка и задавала вопрос: как же так можно оскорблять впервые в истории России всенародно избранного президента? Но эту газету можно было разыскать разве что в какой-нибудь Центральной библиотеке.

Все было бы ничего, но подобная индифферентность действовала на нервы крикунам, и, что самое главное, сами крики не приносили им желаемого удовлетворения, а потому и звучали весьма фальшива

Уж очень хотелось, чтобы власти постреляли кого-нибудь, хотя бы из пулемета. Но кого? Тем, кто кричал, естественно, не то что под пулеметы, но даже и под милицейские дубинки лезть совершенно не хотелось.

Даже товарищ Зюганов, заявивший как-то, что «не пожалеет жизни» во имя светлых идей, не мог четко ответить на вопрос одного наглого журналиста: о чьей жизни идет речь — его собственной или кого-то другого? Стал заикаться и что-то путанно объяснять о «социальной справедливости».

Поэтому задание, возложенное на Анпилова, выглядело грандиозным и заложило основу одного из самых гнусных преступлений в послевоенной истории.

В Москве, как, впрочем, и во всех крупных городах, имелось огромное количество бездомных и бродяг, официально именуемых в криминальных и социологических сводках как лица категории БОМЖ и З, что означало Без Определенного Места Жительства и Занятий. Ибо само слово «бродяга» или «бездомный» до недавнего времени было категорически запрещено употреблять, да и в наши времена эти слова употребляются сквозь зубы и с неохотой.

В одной Москве «бомжей» было, если верить милицейским сводкам, более ста тысяч. Крушение СССР и экономический кризис, обрушившийся на Россию, почти удвоил их число за счет беженцев, бежавших из так называемых «горячих точек» бывшего Союза, где русское население неожиданно превратилось либо в «оккупантов», либо в «нежелательных иностранцев без гражданства». Спасаясь от резни, тысячи семей, бросая дома и нажитое за многие годы имущество, стремились в Москву, надеясь, что Родина-мать окажет им хоть какую-то помощь. И, как всегда, ошибались

Бомжи жили на вокзалах, в подвалах домов и на чердаках, в заброшенных «долгостроях» и бомбоубежищах в палаточных городках, разбитых прямо на центральных улицах столицы, крутились на многочисленных рынках и барахолках, стихийно возникающих во многих районах гигантского города, чье население, в который уже раз в истории, думало не о жизни, а о выживании.

Бомжи, как и все бродяги в мире, менее всего уважали какие-либо законы, а в сегодняшней Москве, где вал уголовной преступности грозил сокрушить все правоохранительные структуры и затопить город, огромное количество бродяг можно навербовать для совершения любых преступлений. Тем более, что основной процент бомжей составляли молодые и крепкие мужчины. Другие бы просто не выдержали подобной жизни.

Именно из них Виктор Анпилов и предложил создать партию, которую, со свойственным ему удалым цинизмом, назвал «Трудовая Москва», а позднее — «Трудовая Россия». В самом деле, навербованный на вокзалах и толкучках контингент очень напоминал пролетариев в их классическом изображении на полотнах времен социалистического режима.

Но как ни подходи к этому вопросу, необходимо признать, что хотя эти люди и не представляли рабочий класс, в новые вожди которого метил Анпилов, они, безусловно, являлись обездоленными и выброшенными из общества по миллиону различных причин.

Работать с подобными людьми было достаточно легко. Бомжи рады любому заработку и, в принципе, готовы на любую самую грязную и тяжелую работу, если кто-нибудь рискнет эту работу им предложить.

Имея огромные фонды, Анпилов мог навербовать подобных людей на «многотысячные народные демонстрации» под любыми флагами и лозунгами. В начале каждому платили от 25 до 50 рублей. Как обычно, из толпы быстро выделились прирожденные лидеры и «особопонятливые», которые сразу стали получать больше.

По мере инфляции «гонорар» повышался, и к маю 1993 года некоторые активисты уже за разовую акцию получали до 20 тысяч рублей. В толпе бомжей можно было растворить небольшие, но хорошо обученные группы профессиональных уличных бойцов, которых особо отбирала специальная служба, открытая при Фронте национального спасения и напечатавшая по этому случаю даже специальные анкеты для лучшего отбора.

Все бродяги имеют склонность к спиртному. Водка помогает выжить в тех нечеловеческих условиях, в которых приходилось им существовать. Это требовало дополнительных расходов, но позволяло, в случае необходимости, использовать специальные наркотики, превращающие людей в запрограммированных на сокрушение злобных роботов.

Однако была необходима и какая-то идеология. Для бродяг их главным врагом, а, вместе с тем, и воплощением наивысшей власти, всегда был участковый, а то и просто постовой милиционер.

Вид милицейской формы вызывал в них смешанное чувство страха и ярости. Милиция, как правило, с ними никогда не церемонилась, но и им приходилось порой отводить душу в рукопашных схватках, проходящих чуть ли не ежедневно в темноте паутины подвалов, переходов и проходных дворов гигантского загаженного, кишащего крысами и дико уголовной шпаной, лабиринта, в который была превращена «столица мира, сердце всей России».

Другими словами, это был замечательный контингент, генетически настроенный на столкновение с органами правопорядка.

Но этого было мало. Просто натравливать толпу на милицию, да еще за собственный счет, было бы и глупо, и вульгарно. Необходима была еще и какая-то политическая подоплека.

Рассказывать бомжам сказки о социальной справедливости, царящей повсеместно в годы коммунистического режима, было бы самоубийством. Кто-кто, а они то познали эту самую «коммунистическую справедливость» лучше других на собственных шкурах.

Объяснять им бесперспективность рыночной экономики в реальных условиях России? Объяснять им все преимущества парламентской республики перед президентской? Доказывать ненужность в России самого института президентства? Плакать о превращении

России в сырьевой придаток Запада? Звать их в поход к теплым водам Индийского океана и разъяснять, что Кувейт является законной провинцией Ирака? Доказывать, что именно конверсия ВПК погубит Россию?

Нет. Все это было от них настолько далеко, что явно не произвело бы ни малейшего впечатления.

«С массами, — учил Ленин, — надо говорить на языке им попятном». А потому великий вождь и выиграл дебют своей смелой игры, когда зажег сознание масс гениальным лозунгом «Грабь награбленное!».

Новый вождь пролетариата ничего нового, естественно, придумать не мог, а потому пустил в дело пусть старый, но вполне отработанный и редко дающий осечку метод, хотя и несколько затасканный от частого употребления.

Было доходчиво объяснено, что в данный момент в России власть захватило жидовское правительство во главе с Беней Элцером. Фамилия варьировалась па разных политзанятиях: Элькин, Эльцман и тому подобное.

Выбор простой: или ты за жидов, или — против. Если против, вступай в наши ряды и иди бить тех, кто не с нами.

От ста до четырехсот бродяг по разным причинам гибнут в Москве ежедневно. Даже при наличии явных признаков насильственной смерти и даже зверского убийства правоохранительные органы никогда не снисходят до проведения какого-либо следствия. «Убит в очередной разборке», и все. Никто не ищет пропавших, никому они не нужны. А вчерашние собутыльники молча помянут приятеля, имени которого они зачастую просто не знали. Помянут, если найдут, что выпить.

Это был идеальный контингент, которым решили пожертвовать во имя светлого будущего оставшихся без власти партийных функционеров всех мастей.

НО ВЛАСТЬ УПОРНО ОТКАЗЫВАЛАСЬ СТРЕЛЯТЬ.

В июне 1992 года Анпилов испытал свое воинство в условиях, максимально приближенных к боевым, если выражаться военным языком.

Он повел толпу па штурм телестудии «Останкино» под нехитрым лозунгом «Бей жидов!», «Смерть жидам!», «Долой жидовское телевидение!», «Убирайтесь в Израиль!» и тому подобное.

Таким способом подохшая партия пыталась восстановить потерянный контроль над электронными средствами массовой информации.

Надо отметить, что навербованные Анпиловым бомжи и их прошедший политминимум «актив» оправдали каждую копейку из денег КПСС, которую Анпилов вынужден был на них истратить.

Лихие лозунги анпиловского войска мирно уживались с немногочисленными красными флагами и портретами общепризнанных классиков марксизма Ленина и Сталина. Еще Гитлер заметил, что самые лучшие нацисты получаются из бывших перековавшихся коммунистов. И был совершенно прав.

Лихие «анпиловцы» с упоением лупили своими лозунгами и фанерными портретами великих вождей милиционеров и работников телевидения. Хором ревели: «Смерть жидам!» Плевали в лица проходящим на работу дикторшам и ведущим, чьи миловидные облики знала вся страна. Стекла студии сыпались под градом камней. НО ВЛАСТИ НЕ СТРЕЛЯЛИ.

Несколько дней продолжалась оргия у главной телестудии страны.

На крытых, армейского типа, грузовиках беснующейся толпе подвозили водку. По этой причине и по причине полной безнаказанности ряды «анпиловцев» росли, формируясь у Рижского вокзала в колонны и двигаясь нестройными рядами к месту «боя».

Власти не только не стреляли, но и пошли на переговоры с Анпиловым, рядом с которым во всем блеске своей формы генерал-полковника находился и Макашов. Держа перед собой громкоговоритель, Анпилов ревел простые и ясные лозунги: «Пусть оккупационное, антирусское (ему приходилось в публичных заявлениях несколько ограничивать себя и эпитетах) правительство услышит могучий голос трудового народа!» — «Бей жидов!» — ревела пьяная толпа.

На переговорах выяснилось, что оппозиция всего-навсего требует фиксированного времени на телевидении, чтобы донести помыслы и чаяния «Трудовой Москвы» до всей России. На это требовалось столько эфирного времени, что переговоры зашли в тупик. Анпилов заявил, что в противном случае ему не удастся удержать «пролетариат» от разгрома телестудии, на которую его питомцы смотрели уже как на еврейскую лавочку где-нибудь в Кишиневе в начале 90-х годов.

НАКОНЕЦ, У ВЛАСТЕЙ ЛОПНУЛО ТЕРПЕНИЕ.

22 июня 1992 года, в 51-ю годовщину нападения Германии на СССР, также на рассвете, милиция разогнала пикеты и палаточные лагеря «анпиловцев», окруживших «Останкино». У Рижского вокзала была рассеяна спешащая на помощь толпа.

Привыкшие к безнаказанности «пролетарии» пытались оказать сопротивление, но у милиции был большой опыт обращения с подобной публикой.

Несколькими ударами резиновых дубинок толпа была приведена в чувство, а вид подъехавших «воронков» побудил ее оставить поле боя.

Сам Анпилов, как водится, в это время отсутствовал, но в тот же день собрал летучий митинг у одной из станций метрополитена и объявил, что при разгоне трудового народа были зверски убиты 7 человек, чьи трупы тайно увезли на грузовике в неизвестном направлении.

Ни фамилий погибших, ни места их работы Анпилов назвать не мог. Работать никто из «Трудовой Москвы» никогда не работал, а фамилий их Анпилов, скорее всего, и сам не знал. Очень многие в его войске были «однодневками». При разгоне этого сборища при «Останкино» обнаружилась некая тактическая новинка: десятка два старушек с лицами добрых бабушек из народных сказок подбегали к милиционерам, вопрошая: «Сынок, ты что, за жидов?».

Милиционеры зверели, но не отвечали, продолжая выполнять приказ. В России очень трудно отвечать на подобные вопросы.

Но все, кому надо, заметили, что они сильно смущены, и приняли это к сведению. Старое оружие, подобное топору, к которому постоянно звали Русь «анпиловцы», надежно в своей примитивности.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что в «Трудовой Москве» собрались одни бродяги и бомжи.

В партии, разумеется, был и «актив», в который, помимо самого Анпилова, входили еще человек 20, главным образом, оставшиеся без работы молодые партработники на уровне заводских партбюро, чье безделье средней сытости и возможность гадить всем подряд в рамках родного предприятия закончились, что было обидно и вызывало вполне понятную пролетарскую ярость. Это был замечательный «актив», для которого даже банда Геннадия Зюганова считалась «гнездом оппортунистов», не говоря уже о всех остальных.

Когда во время осады «Останкино» власти, чтобы избежать беспорядков и кровопролития, пошли на переговоры с Анпиловым, тогдашний руководитель «Останкино» Егор Яковлев спросил у пламенного борца за народное счастье: «Вы говорите, что оппозиционерам времени не дают. Да, посмотрите, кто у меня с экрана не сходит — Павлов, Бабурин, Константинов».

Перебивая руководителя телевидения, Анпилов неожиданно заорал: «Они не оппозиция, а дерьмо!».

С этим определением указанных господ никто спорить не решился, но было совершенно очевидно, что Анпилов действительно не пожалеет ничьих жизней, кроме, конечно, собственной, для оправдания того высокого доверия, которое ему так неожиданно оказали.

Между тем, в Москве уже начали огромным тиражом распространяться листовки с портретом «народного героя», под которым были начертаны пламенные слова:

«Товарищ Анпилов,

Раздайте патроны,

И в бой нас веди,

Генерал Макашов!».

Подобные призывы требовали соответствующей отдачи, а нерешительное поведение властей, столь ярко продемонстрированное при великой осаде «Останкино», вдохновляло на новые подвиги.

Перед первомайскими праздниками 1993 года колонна «Трудовой Москвы» была перемешана с так называемыми «офицерами» из тереховского «Союза офицеров» и примерно десятком-другим хорошо обученных уличных бойцов, натасканных различными группировками «Фронта национального спасения». Удалось спровоцировать мощные, давно не виданные в столице уличные беспорядки, в результате которых многие получили ранения, а один милиционер был убит.

Сам Анпилов в «сражении» с милицией, естественно, не участвовал, но на многолюдном митинге перед шествием хрипло орал: «Вперед! Сметем… Уничтожим!», что даже у совершенно безразличной московской прокуратуры возникло желание его допросить. Это было сложно сделать, поскольку Анпилов, будучи депутатом Моссовета, имел «парламентский иммунитет».

А между тем, надвигалось празднование 9 Мая, во время которого Анпилов пообещал продемонстрировать такое шоу, что первомайские события покажутся «елочным праздником» в детском саду.

Власти, задерганные и озверевшие от недавних событий, разъяренная милиция, потерявшая своего бойца убитым и многих — ранеными, — все пообещали принять «меры», от которых никому не поздоровится.

Мэр Москвы Юрий Лужков запретил все несанкционированные митинги и шествия на День Победы, на что «Трудовая Москва» и «Союз офицеров» хором ответили, что им на все запреты наплевать. Они проведут задуманные мероприятия в любом случае.

В Москву стали срочно стягивать подразделения ОМОНа из области и соседних городов. Командиры спецназа давали короткие интервью телевизионным программам, где обещали разделаться со смутьянами какими-то новыми, еще не применяемыми методами.

В итоге наиболее буйные руководители «оппозиционных» массовок — Проханов, Лимонов, Астафьев, Павлов и Филатов, во главе с генералом Макашовым — неожиданно укатили в Севастополь поднимать народ на борьбу против украинских оккупантов, оставив Москву полностью в распоряжении Анпилова и Терехова. И в этот момент Анпилов… исчез.

8 мая Анпилов был вызван в городскую прокуратуру, где должен был дать показания о кровавых беспорядках 1 Мая. Анпилов доказывал, что первомайские события были спровоцированы оккупационными властями, вызвавшими стихийное возмущение трудового народа. Поскольку переубедить его не удалось, а задержать в связи с неприкосновенностью было нельзя, Анпилова отпустили. После чего он и исчез.

Как выяснилось позднее, Анпилов шел на встречу со своим «активом» из бомжей, которые, помятуя о первомайских днях, когда многим из них пришлось отведать милицейских дубинок и кулаков, потребовали на 9 Мая, то есть на завтра, деньги вперед.

В итоге Анпилов, забыв главную заповедь вождя о том, что трудовой народ никогда не должен лицезреть своего фюрера иначе, как на трибуне, напился с «активом» до такого состояния, что был обнаружен только через сутки избитым и в состоянии глубочайшей похмелюги. От нового вождя мирового пролетариата несло, как от ликеро-водочного завода.

Анпилов пытался отделаться от «актива» водкой, а выделенные для них средства, триста тысяч рублей, положить себе в карман, поскольку у вождя всегда больше трат, чем у народа.

Когда-то это удавалось. Но, как указывал еще Ленин, сознательность пролетариата очень быстро растет в условиях революционной борьбы. «Актив», не отказавшись от халявной выпивки, забыв, что им была оказана великая честь пить вместе с вождем, потребовал и «бабок». А поскольку вождь попытался возражать, то быстро получил «в глаз», был обобран и выброшен на улицу протрезвиться.

Поскольку неявка Анпилова на митинг была замечена всей страной и могла только сравниться с неявкой Андропова на ноябрьские торжества 1983 года, все ждали объяснений. Андропов, как известно, умирал (и вскоре умер), поэтому многие решили, что только смерть могла помешать Анпилову явиться на митинг. Было также замечено, что и многие «активисты» «Трудовой Москвы» равным образом проигнорировали мероприятие, которое, руководимое нерешительным Тереховым, прошло на редкость скучно и тихо.

Анпилову пришлось срочно сочинять легенду, которая для выпускника факультета журналистики МГУ выглядела жалкой и примитивной. Впрочем, знавшие Анпилова по журналистской работе утверждали, что все публикации вождя всегда отличались примитивизмом и были шиты белыми нитками.

По версии Анпилова, когда он вышел из городской прокуратуры, имея при себе триста тысяч партийных денег (якобы членских взносов рабочих, состоявших в «Трудовой Москве»), сразу же обнаружил за собой слежку. Поэтому, чтобы сбить «хвост», он, Анпилов, направился с Пушкинской улицы в центре Москвы, где располагалась прокуратура, петлять по столичным переулкам и, в итоге, оказался аж в Бутово — на дальней и весьма подозрительной окраине, которую и Москвой-то нельзя было назвать. Бутово известно как район наиболее кишащий бомжами.

По версии Анпилова, именно в Бутове его и схватили неизвестные, одетые в «камуфляж» без знаков различия. Ему сунули в рот кляп, надели наручники, завязали глаза и повезли куда-то «в подмосковный лес».

Там вождя мирового пролетариата, по его словам «профессионально избили». Избить профессионально — это значит не оставить на теле избиваемого никаких следов. «Партийный актив», разумеется, подобным искусством не владел, а разбитый лик вождя и огромный лиловый фонарь под глазом говорили совершенно обратное — били от души, но не профессионально. Затем в Анпилова «силой влили бутылку водки», отняли триста тысяч партвзносов и выкинули из машины в какую-то канаву, как и положено коварным классовым врагам.

Был у Анпилова очень тяжелый разговор с «куратором», полковником Воробьевым. Врал и извивался, но в итоге все рассказал, как на духу.

Полковник посочувствовал: «Тяжелая у тебя работа, Виктор Иванович, с таким контингентом надо всегда ухо держать востро. Еще хорошо отделался, могли убить запросто. Я эту публику знаю».

Вместе придумывали версию, дабы обвинить во всем «оккупационное правительство». Версию кое-как состряпали, но долго не могли придумать: на кой ляд это все понадобилось «клике Ельцина»?

Порешили так: власти-де решили, что похищение Анпилова «спровоцирует массовые столкновения трудового народа с ОМОНом, которые перейдут в бойню с объявлением по всей стране чрезвычайного положения и установления кровавой диктатуры Ельцина».

Подобные слова, правда, сам Анпилов сказать не решился. Сложновато. Так что произнести их пришлось лично товарищу Зюганову на пленуме ЦК своих, по словам Анпилова, «дерьмовых оппортунистов». Благо, что «куратор» был общий.

От себя Зюганов добавил, что власти вообще задумали убийство Анпилова, и это ужасное злодеяние было сорвано только мощной «трехсоттысячной демонстрацией рабочей Москвы», которой, естественно, никогда не было. Но коммунисты уж таковы: они считают, что навеки себя опозорят, если хоть раз скажут правду…

Несмотря на полную нелепость анпиловской версии, а, может быть, именно благодаря этой нелепости, соратники Анпилова решили превратить его майские приключения в пролетарский подвиг, очень, кстати говоря, напоминающий «подвиг» Хорста Весселя с той лишь разницей, что Вессель все-таки погиб в пьяной драке, а Виктор Иванович уцелел.

Сажи Умалатова, единственный оставшийся в стране человек, имеющий право присваивать звание Героя Советского Союза, предложила удостоить этим званием Анпилова по представлению «трудового народа».

Пока сообщники Анпилова собирали подписи для представления, события в стране развивались столь стремительно, что вскоре забылись почти все анпиловские подвиги, а галопирующая инфляция превратила 300 тысяч пропавших партийных рублей в сумму, о которой даже было стыдно вспоминать…

Неблагодарных бомжей в «Трудовой Москве» несколько разбавили пенсионерами и ветеранами, считая, что они окажут благодетельное влияние друг на друга. Набрать их было нетрудно, ибо гайдаровские реформы больнее всего ударили именно по пенсионерам, фактически уполовинив всем реальный жизненный уровень и превратив в пыль те накопления, которые люди собирали всю жизнь в надежде на обеспеченную старость.

Выступая перед сбитыми с толку и выбитыми из привычной жизни стариками, Анпилов, с проникновенным лицом, говорил мягким голосом: «Как у нас было в старые времена, товарищи? И хлеба горбушку — и ту пополам… Справедливо было». Старики молча слушали и кивали.

Хитрил коммунист Анпилов, а прекрасно знал, что если бы покойная КПСС не стала на народной крови столь неуемно жадной, которая не то что «пополам», а и тысячной долей не желала делиться с населением и сбежала, обобрав это население до нитки, вызвав сегодняшний кризис, то процарствовала бы родная партия еще тысячу лет, держа Виктора Ивановича в мелких провокаторах.

А ныне перед его воспаленным взором открывалась дорога чуть ли не в вожди. Хотя те, кто направлял Виктора Ивановича, посмеивались над его амбициями, поскольку по варианту одного из планов (в случае его удачной реализации) самого Анпилова предусматривалось ликвидировать с целью превращения его образа в воспитательную легенду по образцу Павлика Морозова.

Но пока его «армия» была нужна. И не только для дестабилизации обстановки в Москве (за пределами столицы «трудороссы», как их иногда называли, были практически неизвестны. Даже «Трудовой Ленинград» в подметки не годился московскому, поскольку там не связывались с бродягами, а пытались навербовать людей на заводах. Это было ошибкой, поскольку между настоящим рабочим и люмпеном — бездонная пропасть). Главной же задачей, неизвестной даже самому Анпилову до конца, было стремление подставить его

«армию» под пули потерявшего терпение правительства, и тем самым подтвердить тезис о кровавости и бесчеловечности.

Если бы этого, удалось добиться, то, при известных обстоятельствах, в этом можно было обвинить либо власти, либо самого Анпилова, либо их вместе, но в любом случае подобное событие могло дать в нынешней нестабильной ситуации хорошие политические дивиденды всем, кто привык их высасывать вместе с кровью…

Едва узнав об указе президента и получив дружеское напутствие: «Давай, Витя, не подкачай!», — Анпилов стал собирать «актив». К его удивлению, «актив» встретил это известие без всякого энтузиазма. Жизнь в экстремальных условиях, а другими словами — нечеловеческая жизнь воспитала у бродяг шестое чувство, своего рода инстинкт, показывающий им предел, ту самую «красную черту», которую лучше не переступать.

Даже «ветераны» осады «Останкино», почуяв неладное, отказывались, отнекивались, требуя повышенной оплаты, обещая подойти позднее, но по их глазам Анпилов видел, что к Белому Дому они не пойдут, по крайней мере, сегодня ни за какие деньги. Поэтому вместо огромной толпы, которая по плану должна была запрудить центральные улицы столицы, Анпилов подошел к зданию Верховного Совета примерно с сотней сторонников, половину которых составляли пенсионеры.

Наоравшись с балкона и прослушав скандирование старческими голосами: «Савецкий Саюз! Савецкий Саюз!», Анпилов прошел в здание и направился в столовую. Во-первых, нужно было перекусить. Он выскочил из дома сразу после речи президента, и уже проголодался. А во-вторых, он знал, что в чрезвычайной сессии объявлен перерыв, и большинство депутатов находятся в столовой.

Однако, войдя в столовую, где нардепы, сидя по двое, трое за столиками, что-то оживленно обсуждали, жуя «таганские» сосиски и ковыряясь вилками в тарелках со шпротами, Анпилов решил не стоять в буфетной очереди, а сразу перейти к делу.

Идя между столиками, как ходили застрельщики на Новгородском вече, Анпилов стал громко призывать депутатов, чтобы те потребовали выдачи «народу» оружия. «Вооружить народ!» — это именно то, к чему, по легенде, призывал некогда Ленин. «Народ, — орал на всю столовую Анпилов, — должен получить оружие, чтобы иметь возможность защищаться от диктатуры до последней капли крови. Смерть диктатору!»

За одними столиками неприлично захохотали, восприняв появление коммунистического вождя как появление коврового клоуна на арене. Другие, сосредоточив все внимание на еде, делали вид, что вообще не заметили появления Анпилова. Лишь немногие, готовые защищаться до «последней капли крови анпиловских бомжей», встретили появление Виктора Ивановича криками восторга и хлопанием в ладоши.

Вошедший в этот момент в буфетную генерал Макашов, увидев Анпилова, поморщился. Он не любил этого, вечно размахивающего руками, фигляра и шпака, и не скрывал этого, хотя им часто за последнее время приходилось действовать совместно. Кроме того, побывав на балконе, Макашов мог убедиться, что на защиту Белого Дома пришли не более полутора тысяч человек, в основном, «профессионалов», для которых митинги и крики стали в последнее время не только образом жизни, но и единственным источником дохода (кроме пенсий, у кого они были). Генерал хотел было перекусить на скорую руку, но ожившая трансляция призвала всех депутатов срочно собраться в зале.

02:15

Александр Руцкой, стоя на трибуне, переждал бурные аплодисменты, призывая присутствующих поднятием руки успокоиться. Он собрал всех в зале, чтобы огласить свои первые указы, подписанные им в качестве президента страны. Зал затих.

Согласно представлению избранников народа (кивок в сторону Сергея Бабурина) он, пользуясь властью президента Российской Федерации, отстраняет своим приказом от должности нынешнего министра обороны генерала Грачева и министра государственной безопасности генерала Голушко. На их места назначены: министром обороны — генерал Ачалов, министром безопасности — генерал (Руцкой сделал паузу) Баранников.

Легкий шумок прокатился над залом. Все обернулись в сторону новых министров, сидящих в зале.

Генерал Ачалов улыбчиво поклонился представителям народа. Его круглое лицо дышало, если так можно выразиться, лихим оптимизмом.

Генерал Баранников, напротив, сидел с невозмутимым видом, даже несколько печальным. Совсем недавно, в марте, когда на Васильевском спуске президент обращался к толпе народа, явно давая понять, что не намерен подчиняться никаким решениям Верховного Совета, поставившим на голосование вопрос об «импичменте», Баранников, вкупе с другими силовыми министрами Грачевым и Ериным, стоял рядом с Ельциным, демонстрируя безусловную преданность.

Его поведение в те дни вызвало даже раздраженную реплику Хасбулатова: «Баранников — это кто? Министр или адъютант?» Но не прошло и нескольких месяцев, как президент выгнал его как несоответствующего должности, и тут же на него начали вешать всех собак. Он молчал, поскольку знал, что на это у президента были все основания. Ведомство, которое он был поставлен возглавлять, не приняло его как чужака и отторгло из-за абсолютной несовместимости элитарного монстра с бывшим участковым инспектором. В короткий период его деятельности сотрудники КГБ, ухмыляясь, стали называть себя «чекаментами». И это в министерстве, где платили головами и за менее ехидные штучки в адрес руководства.

Если при карабканьи по служебной лестнице нужны только азарт и наглость в сочетании с острым эгоцентризмом, то для тихого ухода из большой политики, минуя тюремную камеру, в России всегда требовались большое мужество и ум.

Мужество у Баранникова было и ум, вроде, тоже, но последнее время он настолько запутался в своих делах с Руцким, что понимал: падение, окончательное падение вице-президента приведет к таким разоблачениям их совместной коммерческой деятельности, что ему навсегда придется забыть о спокойной старости на приватизированной даче. Что он сломает жизнь и себе, и своей семье, которую нежно любил.

Увидев, что чаша политических весов вдруг резко качнулась в пользу Руцкого, он сам пришел в Белый Дом и предложил свои услуги. Надо сказать, что кандидатов на место «параллельного» министра госбезопасности было много, особенно из бывших генералов КГБ, выгнанных из системы еще после «августовского путча», но Руцкой, сохранив менталитет рядового полковника, как и всякий советский человек, смертельно их боялся.

А Баранникова, как-никак, он хорошо знал и знал нечто такое о нем, что позволяло надеяться, что бывший участковый инспектор именно его, Руцкого, не сдаст, хотя бы из любви к самому себе. Все-таки опыта у Руцкого было недостаточно, чтобы понять: при кажущейся надежности круговой поруки — это самая ненадежная из основ любого фундаментального строительства.

Что касается самого Баранникова, то он, веря в счастливую звезду лихого вице-президента, многим напоминающего кинообраз Чапаева, логикой юриста увидел, что президент Ельцин своим последним указом поставил себя с точки зрения права, в безнадежное положение.

Поэтому у бывшего министра, к которому, помимо всего прочего, неожиданно еще потянулись ниточки по поводу недавнего убийства на северном Кавказе Виктора Поляничко, просто не было другого выбора, как явиться в Белый Дом, попытавшись одним махом сбросить с себя все старые грехи и «проколы».

Хасбулатова Баранников недолюбливал, считая его выскочкой. Кроме того, подобно очень многим, воспитанным и Духе коммунистического «интернационализма», который фактически всегда был, а в конце своего существования и открыто превратился в одну из форм расизма, Баранников очень настороженно относился ко всем представителям так называемых «нацменов», особенно после долгой службы в Баку под руководством знаменитого Гейдара Алиева.

Сам Хасбулатов, как и всякий выскочка, а также и по известным причинам, также побаивался всего, что связано с КГБ, а уж тем более — самого министра, кем бы он ни был и как бы его ведомство ныне ни называлось. А потому всячески пытался установить с ним наиболее хорошие отношения. Он даже подарил от имени Верховного Совета Баранникову на день рождения символ его профессии — пистолет с именной надписью.

Справедливости ради надо сказать, что Виктор Баранников был предан президенту Ельцину уже хотя бы потому, что долгая служба на высших должностях в советских правоохранительных органах научила его, что путь наверх и, что самое главное, служба наверху зависят исключительно от проявления преданности тому или иному владыке персонально. Главное — правильно поставить на кон, то есть выбрать такого властелина.

В свое время он ставил на Алиева, потом — на Ельцина. Ельцину он понравился настолько, что, вопреки логике, президент послал его реформировать под себя КГБ, надеясь на то, что человек, не варившийся до этого во внутренностях монстра, сумеет его приучить. Это была не первая и не последняя ошибка президента Ельцина. Да, Баранников ничего не знал о «Барнаульском заговоре». Потому что ему не докладывали. Но против него был выдвинут ряд и других обвинений.

В последнее время Министерство безопасности стало фактически смыкаться с наиболее оголтелым и непримиримым крылом Верховного Совета и Генеральной прокуратуры, пытаясь всеми силами сорвать преобразования в стране и повернуть ее на старый проверенный путь военно-феодальной империи. Баранников был в этом не виноват лично.

Старый КГБ, у которого не было мозгов, но был инстинкт самосохранения, именно благодаря этому инстинкту тянулся к чему угодно, что могло продлить его существование. И никакие министры не могли заставить его поступать иначе. В лучшем случае монстра можно было заставить сидеть тихо, подобрав под себя большую часть щупальцев. Но это было Баранникову явно не под силу.

Отторгая его как постороннее тело в собственном организме, монстр заставил его работать на себя. Подпись Баранникова красовалась на секретных приказах по возбуждению уголовного преследования последней горстки народных депутатов, не разделяющих позицию взбесившегося Верховного Совета: Льва Пономарева, Глеба Якунина и Виктора Миронова, которого хотели уж было взять под стражу по печально знаменитой 70-й статье УК РСФСР, которую многие считали уже упраздненной. И напрасно. Она не была упразднена, а была всего лишь приостановлена. Это был такой, чисто советский, юридический трюк — приостановление действия наиболее одиозных статей уголовного кодекса. Пустить их в ход было делом шести секунд.

И, конечно, монстр желал продолжать заниматься своим любимым делом — политическим сыском, а поскольку Баранников был министром, то обязан был подавать в этом пример. Тогда бы он имел шансы стать своим.

Это устраивало Баранникова, но не устраивало президента, понимающего, что монстр, дай ему волю, проглотит и его самого со всем окружением в один присест.

Он выгнал Баранникова, и пресса все правильно поняла, объявив об этой новости под забавным заголовком: «Министр Баранников наступил на грабли».

Ставка на Ельцина оказалась битой. До этого все желания монстра совпадали с желаниями владык, и работать было проще.

Все, что осталось от его былого капитала-авторитета, генерал Баранников решил поставить на Руцкого, оценивая выигрыш как 60 против 40.

Пикантным было то, что он, будучи министром безопасности около двух лет, так и не сумел толком узнать, чем занимается Управление безопасности по Москве и Московской области, возглавляемое бородатым диссидентом генералом Савостьяновым.

Пришельцу, попавшему внутрь монстра, а не выросшему в нем, почти невозможно разобраться во всех хитросплетениях нервной системы чудовища, откуда идут сигналы в тысячи щупалец в условиях сверхконспирации и совершенно запутанной, особенно за последнее время, подчиненности.

Савостьянов, еще более чужеродный пришелец, чем он, тем не менее, так вписался в самое чудовищное и хищное Управление, как будто не вылезал из него со времен Лаврентия Павловича. Он был исключительно вежлив, улыбчив и полон, выражаясь несколько старомодно, почтительности. Но чем он занимается в условиях запрещения политического сыска, толком не знал и сам министр. Торговцы наркотиками, торговцы оружием, торговцы государственными секретами и все такое прочее — победно укладывались в сводки и отчеты, съедали почти все время на оперативных заседаниях коллегии, но оставляли чувство какого-то неудовлетворения.

Баранников-то знал, сколько человек из Московского Управления занимаются этими вопросами, а что делают остальные, то есть 70%? Чем занята огромная армия столичных осведомителей, сведенная еще Андроповым в придаток к Московскому Управлению и продолжающая получать жалование?

Все происходящее ныне в Белом Доме Баранникова совсем не приводило в восторг. Он был мрачен и молчалив, как игрок, который пришел в казино, чтобы сделать последнюю ставку, отлично сознавая, что он теперь — на милости судьбы. И предстоящая ему работа его совсем не вдохновляла.

Короткий разговор с Руцким показал ему, что от него ждут, по крайней мере, на первом этапе: надо подписать большое количество ордеров на арест. Говорить об этом было невозможно, да и не хотелось. Поэтому на лице генерала не было никакой радости от нового назначения… Притихшие нардепы ждали: кого Руцкой назначит министром внутренних дел? Оказывается, что новый президент еще не решил, поскольку у него две основные кандидатуры: бывший министр внутренних дел еще СССР Власов и бывший замминистра генерал Дунаев, выгнанный с должности вместе с Баранниковым указом президента по представлению генерал-полковника Ерина, нынешнего министра внутренних дел.

Со времен министерства Власова прошла целая эпоха, и вряд ли он ныне, с его методами руководства, сможет правильно контролировать ситуацию. Да и в самом МВД почти уже не осталось людей, на которых бывший первый секретарь Ростовского обкома КПСС, продвинутый в свое время Андроповым на должность министра, мог бы по-настоящему давить.

Другое дело — Андрей Дунаев, 53-летний генерал, совсем недавно занимавший пост первого заместителя министра внутренних дел, оставивший после своего отстранения от должности целую армию своих сторонников на Огарева, 6. Дунаев несколько месяцев успел побывать и министром внутренних дел, назначенный на этот пост Ельциным в сентябре 1991 года в благодарность за помощь, оказанную в дни «августовского путча».

Тогда Дунаев, занимая должность заместителя министра внутренних дел РСФСР, принял сторону Ельцина, поднял по тревоге курсантов милицейских школ и ввел их в Москву для

защиты Белого Дома. За это покойный министр внутренних дел СССР Пуго пообещал застрелять Дунаева первым, но не успел выполнить свою угрозу, став единственным из «путчистов», у кого хватило духу застрелиться после провала авантюры. Тот же Дунаев руководил группой офицеров при освобождении Михаила Горбачева из «форосского плена». Но и тут он был оттеснен на задний план более фотогеничным и нахальным Руцким.

Но в благодарность Дунаев получил должность министра — первого министра внутренних дел свободной и суверенной России.

Кадровый офицер, прослуживший к тому времени в милиции 34 года, прошедший по служебной лестнице все посты, начиная с оперуполномоченного, Дунаев задумал полную реорганизацию структуры МВД, обдумывая планы создания муниципальной милиции, а также мобильной и хорошо технически оснащенной криминальной милиции, готовой к борьбе с преступностью в условиях, как тогда думали, быстрого вхождения в рыночную экономику.

Все было хорошо, но в январе 1992 года президент Ельцин подписал указ, по которому МВД России и бывшего СССР, а также два ведомства, образованных при первой попытке ликвидации КГБ, — Агентство федеральной безопасности и Межреспубликанская служба безопасности, — сливались в одно чудовищное ведомство, получившее название МБВД (Министерство Безопасности и Внутренних Дел). Во главе этого сказочного чудовища был поставлен генерал Баранников, бывший до этого министром внутренних дел.

Если даже дисциплинированный Дунаев тогда сказал весьма осторожно, что в подобном слиянии «есть нюансы, которые не позволяют говорить сегодня о том, что найден идеальный вариант», то в КГБ просто пришли в ужас от подобного решения президента и подняли на всю страну один из тех знаменитых «чекистских плачей», которые, если к ним вовремя не прислушаться, приводят либо к очередному путчу, либо к событиям вроде вторжения в Афганистан.

Впрочем, слияние всех карательных органов в одно ведомство не привело в восторг никого, ибо создание столь мощного репрессивного органа очень напоминало о временах Сталина и его непревзойденной карательной системе.

«Чекисты» быстро втянули в дело своего старого друга, который некогда читал им курс советского права в Академии КГБ, а ныне занимал несменяемый пост председателя Конституционного суда, Валерия Зорькина, и тот быстро признал указ президента «неконституционным».

В результате чудовище было снова разделено пополам: МГБ и МВД. Возглавлять МГБ оставили Баранникова, а на пост министра внутренних дел неожиданно назначили генерала Виктора Ерина, которого Ельцин знал еще в бытность свою кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В известных кругах Москвы ходил даже слух, что все это слияние и последующее размежевание были проделаны именно для того, чтобы убрать Дунаева с поста министра и освободить место для Ерина.

Ходил также слух, что Дунаева сгубили идеи создания муниципальной полиции, а также запрещение личному составу работать по совместительству в коммерческих структурах.

Как бы то ни было, но всякому ясно, что вчерашний министр — плохой зам у нового министра, своего вчерашнего подчиненного. В такой ситуации трудно найти место на земле, где бы мгновенно не начались самые беспощадные интриги. Интриги и внутриведомственная борьба стали буквально разрывать Министерство внутренних дел на части.

При этом новый министр апеллировал к президенту, а бывший министр, естественно, — к Хасбулатову. А к кому еще можно было апеллировать, если старый единый аппарат вдруг, благодаря нелепой буржуазной выдумке о демократическом разделении властей, разделился на две части?

В итоге случились две весьма печальные вещи: преступность в Москве и по всей России достигла уровня, небывалого со времен Смутного времени в XVII веке, а за Дунаевым прочно укрепилась репутация «человека Хасбулатова». Поэтому, когда кризис между «двумя ветвями власти» начал приближаться к своему пику, Дунаева выгнали с должности и уволили со службы. Куда ему было податься? Естественно, в Верховный Совет, где опальный генерал сразу рассказал захватывающую историю о том, как его шеф, генерал Ерин, приказал ему, Дунаеву, «нейтрализовать Анпилова», отчего тот якобы отказался в связи с депутатской неприкосновенностью последнего.

Впрочем, о чем бы ни зашел разговор, Дунаев упорно переводил его на своего начальника, генерал-полковника Ерина, рассказывая о нем столь забавные истории, половины которых было в свое время достаточно, чтобы устроить Дунаеву автомобильную катастрофу. Он был искренне уверен, что, по меньшей мере, половина руководящего состава Министерства придерживается его, Дунаева, взглядов, а вторая половина просто помалкивает, но готова оказать поддержку именно ему. В этом он убедил не только себя, но и Руцкого с Хасбулатовым.

04:00

В поддержке армии был уверен и вновь назначенный министр обороны генерал Владислав Ачалов. Злые языки поговаривали, что всей своей быстрой карьерой Ачалов был обязан удачной женитьбе на дочери начальника Академии бронетанковых войск, в которой он некогда учился.

Конечно, хлопоты тестя повлияли на продвижение Ачалова по службе, но не в такой степени, как это хотели бы видеть его многочисленные недруги. Особенно после провала «августовского путча».

Ну, что такое начальник академии, и на что он способен ради любимого зятя? Да самое большое — оставить его на какой-нибудь академической кафедре адъюнктом, помочь в написании и в защите диссертации, а затем пробить ему место доцента и ввести в профессоры.

Ничего подобного в карьере Ачалова не было. Вся его служба прошла в строю. Если все сейчас любуются лихостью и техническим оснащением элитных воздушно-десантных частей, знаменитых «голубых беретов», то мало кто знает, что фактическим создателем этих частей был именно генерал Владислав Ачалов.

Смелый и рисковый офицер, агрессивный и талантливый генерал, он лично испытывал все новые парашютные системы как для людей, так и для боевой техники, неоднократно рискуя жизнью и подавая пример своим подчиненным.

Именно он сделал из воздушно-десантных частей, малочисленных, плохо оснащенных, не имеющих даже одной общей методики боевой подготовки, мощный и грозный вид вооруженных сил, нацеленный в русле государственной политики СССР на Запад.

Именно Ачалов добился создания специального десантного снаряжения от укороченного автомата до танка-амфибии, который можно было уверенно сбрасывать на парашютах вместе с экипажем, а значит, и сходу вводить в бой. Взаимодействуя со знаменитыми спецназами ГРУ, десантники знали каждый блиндаж, каждый КП в Западной Европе, и плохо пришлось бы войскам НАТО в случае неядерного конфликта, если бы им на голову посыпалась крылатая пехота генерала Ачалова.

Никто в мире не умел десантировать людей и технику с высоты, не превышающей ста метров. Мощные соединения транспортной авиации готовы были доставить десант хоть на крышу европейского парламента в Люксембурге.

Конечно, Ачалов был резок, требователен, ругался матом, но пусть кто-нибудь найдет десантного генерала, говорящего на языке великосветских салонов. Любил он и выпить, поохотиться, попариться в бане. Суровая жизнь предполагает простые развлечения.

Увы, созданным им первоклассным войскам не суждено было опробовать себя на том театре военных действий, к действиям на котором их готовили в течение двух десятилетий. Брошенные вместо этого в дикие горы и ущелья Афганистана, не готовые к этой бессмысленной войне ни морально, ни материально, десантники оказались, тем не менее единственным родом войск, который не дал перерасти неизбежному поражению в сокрушительный разгром с совершенно непредсказуемыми последствиями.

Ачалов, переведенный в Министерство обороны, видел, как рушится все, чему он посвятил свою жизнь.

Сначала рассыпался Варшавский пакт. Части, нацеленные в сердце Европы, пришлось срочно отводить на территорию Союза, где не было ни жилья, ни учебных центров и, что самое главное, не было стимула существования любого боевого подразделения — четко поставленной боевой задачи. Все это само по себе было равносильно тяжелейшему военному поражению, которое разрывает сердце любого профессионала. Но это было только начало.

Вслед за армией стала трещать и разламываться последняя из великих военных империй. Ачалов, ставший к этому времени замом министра обороны по экстремальным ситуациям, метался с неполной воздушно-десантной бригадой по окраинам Союза, стараясь предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Как всякий военный, не посвященный в планы высшего партийного руководства, да и не понимающий ничего из того, что ему становилось известным, он стремился к одному: не позволить сепаратистам развалить страну. Он шел по огромной кровавой дуге от Баку до Вильнюса, везде терпя неудачи, уже не зная, кто ему отдает приказы, и должен ли он вообще чьи-то приказы выполнять, поскольку, как он правильно понял, уже не стало людей, которые бы имели право отдавать какие-либо приказы.

Логика событий повернула огненно-кровавую дугу в Москву, разрушив затаенную надежду на то, что в столице ядерной сверхдержавы ничего подобного произойти не может.

Произошло. Увидев бронетехнику, забившую улицы Москвы, Ачалов сломался. Он понял, что все уже пошло прахом. Все ориентиры жизни были сметены.

Он отказался тогда заниматься штурмом Белого Дома, хотя, по его словам, там было «работы на 10 минут». Он уехал домой и предался тому, к чему у него уже давно были позывы — запил горькую, пытаясь погасить бушующий в душе пожар.

Тем не менее, его хотели арестовать. И точно запихнули бы его в так называемое «дело ГКЧП» одним из обвиняемых, да спасли друзья-депутаты, не продали, как Анатолия Лукьянова. Но из армии все-таки выпихнули. Он особенно не расстраивался. Что ему делать в нынешней армии, если даже министр обороны и почти все его замы в разное время были его, Ачалова, подчиненными?

Он лег в госпиталь, и вовсе не потому, что таким образом хотел избежать ареста (да и какой госпиталь в нашей стране может спасти от ареста?), а потому, что у чего от всех стрессов последнего времени, усугубленных порой беспробудным пьянством, обострилась гипертония.

Газеты шельмовали его, как могли. Его, генерала-десантника, впервые продемонстрировавшего прыжок с высоты 100 метров, первым выпрыгнувшим внутри десантируемого танка с теоретическими шансами 30 к 70, что разобьется, стали

преподносить в средствах массовой информации как паркетного интригана, сделавшего себе имя исключительно потому, что повезло жениться на генеральской дочке. И способного, естественно, только на интриги. Главным образом, на интриги политические. «Генерал для переворотов», — повесила ему ярлык пресса.

Разумеется, когда одним махом изгоняют из армии таких людей, как Ачалов, как генерал армии Моисеев, как генерал армии Варенников и многих других, при этом не только их не уничтожая, но и предоставляя очень большую свободу демократического общества, то, даже не желая этого, создаются все условия для военного заговора.

Он начинает формироваться сам, порой даже вопреки желанию его участников. Обрезать связи таких людей с армией невозможно. Военный истеблишмент носит типичные признаки кастовости, как, впрочем, и всякий другой. А внутри касты всегда существовали и будут существовать отношения, слабо поддающиеся каким-либо внешним влияниям.

Поэтому, как прекрасно понимал товарищ Сталин, отстраненного от должности крупного военачальника надо расстреливать в тот же день, чтобы ни о чем потом не болела голова.

Наследникам Сталина оказалась не по плечу простая методика вождя всех народов (нет человека — нет проблемы), но шагнувшая вперед наука позволила устраивать опальным генералам инфаркты и инсульты почти сразу после отстранения от должности, а иногда и вместо этого мероприятия.

Ныне же простая методика далекого и не очень далекого прошлого была не то что забыта, а просто уже невозможно было обратиться к еще оставшимся специалистам без риска, что все это завтра же не появится в печати из-за того, что «специалисту» вовремя не дали квартиру или он не совсем доволен своей пенсией.

А в таких условиях, в условиях отчаянного прыжка из средневековья в современный мир, изолировать опальных военных от общества, а пуще того, — друг от друга и от армии было совершенно невозможно.

И если у кого-нибудь возникло ощущение, что армия была в восторге от происходящих в стране радикальных перемен, то он здорово ошибся.

Армия, по образному выражению полковника Уражцева, представляла собой в настоящий момент ворох сухих листьев, перемешанных с опилками, готовых вспыхнуть от любой искры, упавшей с сигареты какого угодно авантюриста.

Полковник Уражцев несколько, как всегда, преувеличивал, забыв добавить, что этот самый авантюрист должен был носить генеральские погоны, потому что на всех нынешних политиков армия смотрела со смешанным чувством недоумения и откровенного презрения. При этом было совершенно безразлично, ратовал ли этот политик за армию или против нее.

Главным было то, что поворот в государственной политике и развал СССР фактически нанес армии такое сокрушительное поражение, в сравнении с которым все вместе взятые катастрофы первой и второй Мировых войн могли показаться детскими забавами.

И никакой политик, каким бы «соловьем генерального штаба» он ни заливался, не мог уже восстановить всего того, что рухнуло, сметено и перестало существовать.

А все они были виноваты в том, что произошло. И не в последнюю очередь те, кто ныне составил руководство мятежного Верховного Совета, почти единогласно ратифицировавшего так называемые Беловежские соглашения, которые больней всего ударили по армии.

Подобные настроения царили в Вооруженных силах, пронизывая их и по вертикали, и по горизонтали. От призывника, не желающего служить в армии и предпочитающего тюремную зону армейской казарме, до командующего, распродающего направо и налево военное имущество (и оружие, естественно) по принципу «пропади оно все пропадом», — все носило следы небывалой в истории военной катастрофы.

Ачалов прекрасно знал настроения в армии. Прошло совсем немного времени после «августовского путча», и он уже получил возможность почти свободно разъезжать по частям и военным учебным заведениям, искренне и сердечно беседовать со многими своими бывшими сослуживцами и подчиненными.

Никто и не думал скрывать от него своих настроений. Всем хотелось выть от неслыханного унижения, которому подверглись Вооруженные силы, еще недавно державшие в страхе весь мир.

Но что делать? Взять Кремль и подавить гусеницами всех этих жидо-демократов — дело пяти минут. А что дальше? Дальше — восстанавливать СССР, утверждал Ачалов. Это дело двух недель, с учетом самых отдаленных уголков страны. Что такое все эти независимые идиотские государства, начиная с Украины? Армия-то там наша, советская, которая еще лет на сто останется советской.

Просто по телетайпу Министерства обороны или Генштаба передать им соответствующие приказы, и дело с концом. Все боялись гражданской войны. С кем гражданская война, удивлялся Ачалов. С кем вести эту войну, если армия одна! Надо только, чтобы никто не пошел друг против друга, а все объединились. Или, в крайнем случае, не мешали бы нам, если уж им так страшно.

Помимо всех унижений и катастроф, которым армия беспрерывно подвергалась со времени афганской авантюры, повлекшей за собой целую серию необратимых событий, включая развал Варшавского пакта и разгром армии товарища Хуссейна в Персидском заливе, ей грозила еще одна катастрофа — по большому счету, не менее унизительная, чем все предыдущие.

В правительственных кругах постоянно обсуждался вопрос о резком, сокращении вооруженных сил, что любая армия всегда воспринимает крайне болезненно, а бывшая советская армия, учитывая ее специфику и традицию воевать «числом и неумением», — тем более. Другими словами, армия и слова не сказала бы, если бы кто-то нашел волшебный способ восстановить «статус-кво», существовавшее на 1978 год.

Однако, как всем этого ни хотелось бы, многие понимали, что это уже невозможно. Если, конечно, не произойдет какого-либо чуда. Скажем, Соединенные Штаты в одно мгновение провалятся в океан или что-нибудь в этом духе. Конечно, можно договориться, в принципе, со многими командующими, сохранившими свои посты на обломках погибшей империи. По получении условного сигнала они, в принципе, довольно легко могут арестовать или разогнать разные там суверенные правительства и объявить о воссоздании СССР с временным введением на его территории военного положения.

Но тут же возникла куча вопросов. А кто в Москве возьмет на себя бремя военного диктатора? Нет личностей. Все мелковаты для подобной ответственности. Руцкой? Несерьезно. Варенников? Судя по его последним высказываниям, ему уже место в богадельне.

Тут, недавно выступая перед школьниками старших классов, генерал, выпущенный из тюрьмы до суда, рассказывал им об афганской войне, снова слово в слово повторяя идиотскую версию, составленную некогда умниками из ГЛАВПУРа для информации населению.

«Ограниченный контингент», по словам генерала, только тем и занимался в Кабуле, что сажал деревья, а иногда, по просьбе местных жителей, оказывал помощь в проведении сельскохозяйственных работ. Закончив посадку деревьев и наладив стране сельское хозяйство, «ограниченный контингент» вернулся на Родину.

Было ясно, что генерал живет вне времени и пространства, поскольку на вопрос одного из школьников, как же, выполняя указанные задачи, «контингент» умудрился потерять 15

тысяч человек убитыми и 60 тысяч — искалеченными, истребив при этом примерно миллион местных жителей, генерал заявил, что это все — империалистическая пропаганда.

А, казалось бы, боевой генерал, участник знаменитого парада победы 1945 года, бывший совсем недавно главкомом сухопутных войск. Всего-то прошло два года, а как быстро все военные (да, и не только военные) деятели эпохи «развитого социализма» превратились в динозавров из какого-то, уже казавшегося доисторическим, прошлого.

Ачалов скромно, намеками, предлагал себя в будущие диктаторы. Все делали вид, что намеков не понимают, уклонялись, но никто не сказал: «Да, Слава. Кроме тебя никто этот пост не осилит!» Обидно было. Но никто не хотел видеть Ачалова диктатором, равно как никто не хотел им становиться сам. За одно подобное неосторожное слово можно при очередной «разборке» и головой заплатить.

За 70 лет строительства коммунистического общества самыми умными стали именно военные. Самое большое, на что решались самые рисковые — это на слова: «Давай, Слава! Действуй! Ежели чего — поможем, конечно». Но ничего конкретного. И генералы стали втягиваться в прелести рынка, а в прошлом вроде бы тоже было хорошо, но не так вольготно.

«По крайней мере, — уверил Ачалова командующий сухопутными войсками генерал Семенов, — ты можешь быть уверен, что мы не выступим против. Только не наделай глупостей». Главком не стал уточнять, что он имел в виду, говоря о «глупостях», да и Ачалов не стал расспрашивать.

Между тем, он начал появляться в Верховном Совете, на что имел полное право как народный депутат. А когда Хасбулатов предложил ему пост своего личного военного советника, он, ненавидя спикера всеми фибрами своей израненной души, не отказался и был даже рад. Сблизившись с руководством Верховного Совета, Ачалов понял, что они, в сущности, планируют то же самое, что и он, если не считать мелких деталей.

Прошло немного времени, и Хасбулатов назначил опального генерала руководителем аналитической группы Верховного Совета по «прогнозированию и изучению положения в регионах Российской Федерации».

Теперь Ачалов мог совершенно легально разъезжать по России, подбивая на мятеж своих бывших коллег и подчиненных. Впрочем, с таким же успехом, что и раньше.

Однако у него почему-то сложилось мнение, что стоит только начать, как вся армия в едином порыве встанет под его знамена сразу по получении условного сигнала. Психологически это объяснить можно просто.

Тот факт, что его никто не пытался задержать на многочисленных КПП, а генералы не только не уклонялись от встреч с ним, по, напротив, принимали его с искренним радушием, беседуя с ним за коньяком в саунах, на охоте и в некоторых других местах, известных только военному руководству, породило у Ачалова иллюзию, что все они разделяют не только его взгляды, но и его убежденность в необходимости силовых действий.

Честно говоря, ему было противно работать с Руцким и Хасбулатовым, которых он искренне считал чуть ли не самыми главными виновниками крушения страны, которые хотя и опомнились с некоторым опозданием и готовы частично свою вину искупить, но, тем не менее, вполне заслуживают, чтобы после победы оценку их гнусным действиям в 90 и 91 годах дал военный трибунал. А будь его, Ачалова, воля, он их расстрелял бы прямо сейчас, прервав их мышиные интриги, которыми они продолжают заниматься вместо того, чтобы действовать быстро и решительно.

Сам Ачалов всегда был готов к действиям и немедленно, после назначения министром обороны пытался к этим действиям перейти, что оказалось совсем нелегким делом. Правительственная связь была отключена, чрезвычайная линия прямой связи — тоже. В

пресс-центре еще работали телетайпы информационных агентств, но передавать свои приказы и замыслы через прессу совсем не хотелось.

Что же касается простых телефонов московской автоматической сети, — то они работали, но все попытки Ачалова дозвониться до ключевых управлений Министерства обороны были тщетными: либо никто не снимал трубки, либо было наглухо занято. В нескольких академиях удалось дозвониться до дежурных. Те молча выслушивали приказ: всем слушателям и командному составу с табельным оружием следовать на защиту Белого Дома, — отвечали, что все доложат командованию и вешали трубку. Ачалов слишком долго служил в армии, чтобы не знать, что не так реагируют на приказ, отданный лично министром обороны.

Получив такой приказ, дежурный имеет полное право сам поднять академию «в ружье», а начальник академии, где бы он ни находился, обязан в течение 15 минут доложить о выполнении приказа непосредственно министру обороны. Но никто ничего не докладывал и никто не маршировал к Белому Дому с оркестром и табельным оружием. Было досадно, поскольку у Ачалова был собственный план, который он даже в принципе не желал согласовывать с «президентом» Руцким, которого презирал не меньше, чем Хасбулатова.

План заключался в быстром захвате Кремля, Генштаба, ГРУ и государственного телевидения. Далее должен был следовать арест Руцкого и Хасбулатова, проведение через остатки Верховного Совета (или без него) закона о чрезвычайном положении с «временной» передачей ему, Ачалову, диктаторских полномочий. А далее, как ему казалось, все уже было бы делом техники. Все, вплоть до воссоздания Варшавского пакта и Берлинской степы.

Деятельность Ачалова на посту руководителя аналитической группы по «прогнозированию и изучению положения в регионах Российской Федерации» не ограничивалась территорией России. Он побывал почти во всех странах бывшего Варшавского пакта и говорил с нужными людьми, которые хотя и находились не удел и без пенсий, а порой — и под следствием, тем не менее, заверили генерала, что стоит России начать, бывшие сателлиты сдетонируют мгновенно и вернут власть «трудовому народу», как поэтически любили называть однопартийную тоталитарную диктатуру.

В марте Ачалов посетил и своего давнего знакомца, Саддама Хусейна. После «Бури в пустыне», где Саддама по-черному подставили советские дружки, иракский диктатор выслушал планы Ачалова мрачно и холодно. Ачалов снова просил помощи у старого друга. Сущий пустяк: не мог ли тот после начала событий в России куда-нибудь снова вторгнуться, чтобы отвлечь внимание Запада (в первую очередь конечно, американцев) от событий на территории бывшего СССР? Куда вторгнуться? Скажем, еще раз в Кувейт. Или в Иорданию, якобы для выхода на израильскую границу. Или, в крайнем случае, еще раз зафитилить парочкой «Скадов» по Тель-Авиву?

Хусейн слушал благожелательно, как и положено в разговоре с гостем по исламской традиции, даже если после разговора гостя придется зарезать. Кивал. Но влезать в какие-то дела с русскими больше не захотел. Может быть, генерал не знает, во что ему, Хусейну, обошлась остановка американских танков на полпути к Багдаду? Нет, все. Сами нападайте на Кувейт и на кого угодно, а он посмотрит на это из Багдада и, если все кончится хорошо, то прикажет эту операцию разобрать на научной конференции в Военной академии.

Помочь деньгами? Это — пожалуйста. Оружием? У вас что, свое оружие кончилось? Его безопаснее возить из Ирака, нежели, скажем, из Теплого стана, где проходила стажировку президентская гвардия Саддама? Сошлись на 10 миллионах долларов.

Сам Ачалов, надо отдать ему должное, к большим деньгам особого пристрастия не имел и, в отличие от многих своих коллег, казнокрадством не занимался. За что его, кстати, многие не любили. Полученные от Хусейна деньги сдал Хасбулатову. Тот поднял на генерала свои умные глаза. «Чрезвычайный фонд, — пояснил Ачалов. — Держите до случая».

Хасбулатов деньги любил, и очень. Зарплату получал в пятнадцати местах и с большим удовольствием, но к этим деньгам даже не притронулся. В серо-голубых глазах десантного генерала поблескивали такие льдинки, что Руслан Имранович шестым чувством прожженного авантюриста понял: случись что, пристрелит его Ачалов, и слова не скажет.

Сейчас, убедившись в том, что никто совсем не спешит выполнять его приказы и свои обещания, Ачалов, стремясь к активным действиям всей своей динамичной натурой, решил начать эти действия с помощью тех ничтожных сил, которые уже находились в его распоряжении. Правда, чисто теоретически, поскольку он даже не знал их точного состава, а также и того, насколько на эти «силы» можно было положиться.

Речь шла о «Союзе офицеров» подполковника Терехова, а у того никак нельзя было толком узнать, каков состав этого «Союза», хотя бы в Москве. Терехов талантливо темнил, давая понять, что под его знаменами собралась чуть ли не целая армия, но на многочисленных собраниях «Союза» Ачалов видел только престарелых ветеранов, сидевших, опершись на стариковские палки, в мешковато сидящей форме старого образца. Последние участники Великой войны, на которых обрушилась очередная национальная, по их мнению, катастрофа, готовые на все во имя возвращения старых времен. Готовы-то они были на все, но сделать уже, увы, могли очень мало. Говорили, и то с трудом, символизируя навсегда уходящую эпоху великого безумия.

А молодежи почти не было. «Они же на службе, — многозначительно говорил подполковник Терехов. — Не хотят „светиться“. Порядки-то ныне какие? Выгонят из армии в шесть секунд».

05:30

Подполковник Терехов знал, что говорил. Его самого уже разок турнули из армии. Но времена были такими, что подполковник подал в суд на министра обороны генерала армии Павла Грачева… и выиграл процесс. Случай для России невероятный, даже если обозреть всю тысячу лет ее фиксированной истории. Такие вот настали времена в период «диктатуры» президента Ельцина.

Слегка запыхавшись, подполковник влетел в кабинет Ачалова. Его привез из дома специально посланный рассыльный. Лидер «Союза офицеров» был обременен женой и тремя дочками, но несмотря на это, а может быть, именно поэтому, рвался в бой, как никто. Он всех призывал к решительным действиям, яростно критикуя все течения и группы, слившиеся во «Фронт национального спасения», за любовь к говорильне и нерешительность в действиях.

Он презирал Макашова за то, что тот слишком много времени уделяет своей даче. Он недолюбливал бывшего генерала КГБ Стерлигова, считая, что тот, довольно неумело и неохотно играя навязанную ему «конторой» роль всероссийского лидера, просто под шумок обделывает свои делишки. Даже к «Пламенному трибуну оппозиции», бывшему генералу Филатову, который в обстановке полной безнаказанности открыто требовал со страниц «Дня» убийства президента, Терехов относился без должного уважения.

В газете писать легко, а ты сам возьми автомат и шлепни президента. Тогда ты будешь человек дела. «Нужно не разглагольствовать, а действовать», — мрачно заметил Терехов, прочтя филатовскую статью.

Уважал Терехов только генерала Ачалова, от которого шла мощная энергия действия, хотя, ради справедливости, нужно заметить, что генерал Ачалов до сих пор «действовал» не

больше, чем остальные. Но он тоже входил в «Союз офицеров» кем-то вроде почетного председателя.

Ачалову тоже не резон было сильно «светиться»: как-никак — народный депутат. При любом его неосторожном поступке пресса поднимала дикий вой, задавая один и тот же академический вопрос: действует ли генерал-десантник по собственному почину или выполняет приказ Хасбулатова, чьим подчиненным ныне является?

А с Терехова все было, как с гуся вода. Человеком он был стремительным и безответственным, да и склочным, к тому же, со склонностью к примитивной интриге, как и положено бывшему политработнику. Если кто-нибудь, видя лихой вид и удаль подполковника Терехова, решил, что он заработал две подполковничьи звезды в каком-либо крутом «спецназе» в диких и мрачных ущельях Афганистана или джунглях Анголы, то он жестоко ошибался бы. Ибо свои звезды жаждавший действий подполковник заслужил на ниве политработы.

В юности он окончил военно-политическое училище, снабжавшее замполитами и освобожденными комсомольскими секретарями войска ПВО. Кто служил в советской армии, очень хорошо знает, что политработники делали карьеру методами обратного естественного отбора. Трескучая демагогия, звонкое произношение никому не понятных марксистско-ленинских заклинаний, умение врать с лучезарным взглядом и все это в сочетании с доносами на строевых офицеров, вплоть: кто что сказал и кто с кем спит — предопределяло быструю карьеру политработников, которые всегда быстро обгоняли в чинах строевых трудяг.

Видимо, все эти качества в избытке были у Терехова, поскольку он сказочно быстро сумел поступить в Военно-политическую академию имени Ленина и даже закончить ее с отличием. Для знающего человека это означает, что мозги у него уже окончательно были вывихнуты наизнанку настолько, что его даже побоялись отправить в какую-нибудь часть, а оставили в очной адъюнктуре на кафедре военного права.

В бесправовом обществе везде были натыканы кафедры права. Теме диссертации Терехова мог бы позавидовать сам Арамис, который, будучи иезуитом, оказался фактически прародителем всей политической чернухи коммунистических вооруженных сил.

В 1989 году, при поддержке Главного политического управления Вооруженных сил, Терехов даже попытался баллотироваться в Верховный Совет, но поскольку человеческим языком говорить давно разучился, а марксистские заклинания в том году уже работали плохо, то выборы он проиграл.

Тем временем рухнул Советский Союз, армия раздробилась по республикам, были упразднены политические органы, а Военно-политическую академию кто-то не без чувства юмора переименовал в Гуманитарную. Другими словами, из-под 38-летнего подполковника Терехова выдернули привычный мир и отняли непыльную работу по оболваниванию личного состава, что было невыносимо для человека, у которого вся жизнь была четко расписана вплоть до получения третьей генеральской звезды генерал-полковника.

Академическая деятельность потеряла всякий смысл, а задатки бывшего «политрука» очень пригодились в сладкой отраве митингов, где можно было с пафосом произносить любые подстрекательные и провокационные лозунги под пьянящий рев сторонников.

В 1991 году Терехов зарегистрировал созданный им «Союз офицеров» как «общественный клуб, занимающийся социальной защитой военнослужащих». Но никакого клуба, конечно, не получилось, да и никто его не собирался создавать.

Идея создания «Союза» заключалась в том, что через него Терехов обязался поставлять «Фронту национального спасения» профессиональных боевиков, главным образом, из офицеров, недовольных крушением коммунистического режима и происходящими в стране переменами. Из этой идеи, возможно, что-либо и получилось бы, будь подполковник Терехов

действительно военным. Но политработник, да еще с академическим образованием, единственное, на что способен в реальных условиях нашего сегодняшнего бытия — либо пригреться в тени Зюганова, либо стать профессиональным провокатором, поскольку такой человек больше просто ни на что не способен.

Это увидело и командование. В итоге, в ноябре 1992 года Терехов, приказом министра обороны, был уволен в запас по причине «полного служебного несоответствия», хотя никто ему не объяснил, что он, с его образованием и подготовкой, должен делать, чтобы «соответствовать»? Учить солдат основам православия? Прививать им любовь к так называемым «общечеловеческим ценностям», которых он не знал и не желал знать? От одного этого слова с явным сионистским душком тянуло блевать…

Казалось бы, Терехову следовало плюнуть в министерский приказ и уйти в профессиональные народные вожди. Тем более, что бывшие структуры ГЛАВПУРа без денег не сидели, получив солидный куш от покойной КПСС и с готовностью финансируя любую нестабильность в стране.

Ан, нет. Увольняться со службы лихой политрук не желал. Тоскуя по старым временам, когда его и за меньшие шалости сгноили бы в какой-нибудь отдаленной зоне вместе с семьей, Терехов, отлично понимая, что старые времена ушли, просто рисуясь своей наглостью и безнаказанностью, подал в суд на министра обороны Грачева с иском о «незаконности его приказа», увольняющего его, Терехова, из армии. Терехов обратился в суд Московского гарнизона и, поскольку формулировки приказа министра были, как водится, расплывчатыми и неубедительными, суд, в условиях демократии, признал увольнение Терехова незаконным, и в апреле 1993 года генерал армии Грачев был вынужден отменить свой приказ.

Победа над министром обороны принесла Терехову новую волну скандальной известности и избыток уверенности в собственных силах. Он немедленно подал новый иск на министра обороны, требуя возместить ему моральные и материальные издержки, связанные с увольнением, которые лихой политрук определил в миллион рублей наличными по ценам 1992 года, а также путевки себе и семье в правительственный санаторий «с целью восстановления здоровья».

Если юридическое наступление на запуганное демократией военное ведомство в целом развивалось успешно, то с «Союзом офицеров» дела шли плохо. Контингент состоял из пенсионеров (что, в принципе, приятно, но не в таком количестве!) и, как следовало ожидать, из таких же бывших политработников, как и сам Терехов. Даже еще хуже.

В основном, это были выпускники знаменитого на всю армию Львовского политического училища, кующего кадры политпросветработы в частях: начальников клубов и редакторов армейских многотиражек. Все были лихими говорунами, но «боевики», конечно, из них были никудышные. Были, разумеется, и другие, готовые к уличным боям и вроде бы умевшие их вести, но было их до смешного мало.

В целях консолидации сил Терехов, как истый политработник, придумал для членов своего «Союза» нагрудный знак, в рисунке которого была отдана дань новым веяниям: на переднем плане восседал орел, а пятиконечная звезда непонятного цвета была оттерта на задний план. Причем орел был не имперско-православным, двухглавым, а одноголовым, удивительно напоминающим американского орлана-белохвоста, важно восседающего на всей символике Соединенных Штатов.

Так что «Орел и звезда» тереховского «Союза офицеров» удивительно напоминали знак американских волонтеров времен войны США и Испании. Какой агент международного сионизма подсунул не шибко грамотному политработнику этот эскиз — неизвестно, ибо американский империализм Терехов, как его и учили в училище и академии, естественно, не

мог терпеть, видя, возможно, и не без оснований, именно в нем источник всех бед, так неожиданно свалившихся на СССР и родную партию.

Желая показать международному империализму, дабы он не возомнил о себе, что с ним еще есть кому бороться, Терехов, собрав в январе 93-го года Всеармейское офицерское собрание, объявил о создании «структур управления армии народного спасения» вместе с «предостережением правительствам недружественных стран и претендентам на мировое господство». Чтобы все выглядело яснее и конкретнее, Терехов, краснея, как девушка (видимо, от своего незначительного звания), подбодрил сидящих в зале отставных генералов (служивших, естественно, не было) боевой тирадой: «Мы не станем мириться с теми, кто тянет свои руки к нашим богатствам. Эти руки мы отобьем! Мы знаем о ваших планах. Всей авиации мира не хватит, чтобы вывозить с нашей земли трупы ваших солдат».

Картина вереницы огромных американских транспортных самолетов, которые, доставив в Россию гуманитарную помощь, активно потребляемую почти всеми сидящими в зале отставниками, грузит на обратный рейс трупы своих солдат, штабелями сложенных у взлетных полос, была столь грандиозной и так подействовала на упитанных старичков, что они устроили Терехову бурную овацию, которую сменили торжественные аккорды гимна Советского Союза. «Мы в битвах решали судьбу поколений, захватчиков подлых с дороги сметем!» Естественно, что участники Всеармейского собрания обвинили генерала Грачева в измене Родине, потребовали его отдачи под суд по подрасстрельной, 64-й статье уголовного кодекса, а на его место постановили назначить генерал-полковника Ачалова.

Надо сказать, что сам Ачалов смотрел на все эти сборища все с меньшим и меньшим удовольствием, хотя и числился в «Союзе офицеров». Он видел, что с этим «Союзом» далеко не уедешь. Как всякий строевой офицер, а тем более — десантник, Ачалов имел собственное мнение об огромной когорте бывших политработников. И мнение это было не очень высоким, чтобы не сказать большего. Если ему когда-нибудь и приходилось пользоваться связями своего тестя, то только раз, когда в него, тогда командовавшего дивизией, вцепился армейский политотдел, усмотревший в ачаловской дивизии нехватку наглядной агитации на тему «Ленин жил, Ленин жив, Ленин вечно будет жить!»

Скептическая ухмылка, постоянно блуждающая на широком красивом лице генерала Ачалова, от которой он никак не мог избавиться, заседая на собраниях «Союза офицеров», членом которого он имел честь состоять, не давала Терехову покоя. Генералы вообще говорят мало, и младшие офицеры отлично умеют понять все, что нужно, по движению генеральских губ. В данном случае было совершенно очевидно, что Ачалов не очень доволен тереховским воинством, состоявшим из пенсионеров и «балалаечников», как называли в армии выпускников Львовского политического училища.

Чтобы немного поднять боевую подготовку своего «Союза», Ачалов передал Терехову свой, если так можно выразиться, стратегический резерв: 15 лично ему преданных офицеров-десантников, в число которых, главным образом, входили капитаны и майоры из экспериментальной части по испытанию десантного вооружения.

Нечего и говорить, насколько это были лихие ребята, презирающие любую опасность и саму смерть. Ачалов набирал в свое время команду испытателей из курсантов-добровольцев и с гордостью мог сказать, что практически не ошибся ни в одном кандидате. Но и как всякие военные профессионалы, а тем более, столь молодые (самому старшему едва минуло 30 лет), они слабо разбирались в политике, но привыкли доверять своему генералу и идти за ним, куда бы он ни приказал.

На этот раз он приказал идти в «Союз офицеров». Будучи представителями очень элитарной части, эти офицеры с презрением смотрели на трусливых львовских «балалаечников», снисходительно — на старичков в старомодных мундирах, и без всякого восторга — на самого Терехова.

От их взглядов у Терехова развился острый комплекс неполноценности. Ему очень хотелось доказать этим молчаливым людям, что он тоже кое-что может, кроме как болтать речи-лозунги на патриотических митингах.

Комплекс неполноценности, особенно испытываемый постоянно, — очень опасная штука. В свое время он погубил Гитлера — простого солдата, пытавшегося доказать чванливым кайзеровским генералам, что он тоже кое-чего стоит. Чем это кончилось — известно. Так же трудно было Терехову доказать боевым офицерам, прошедшим и Афганистан, и чертовы трубы, что он достоин ими руководить…

Первомай 1993 года предоставил «жаждущему действий» подполковнику Терехову возможность продемонстрировать свою удаль. Поскольку власть никак не реагировала на любые слова в свой адрес, настала пора «прощупать эту власть штыком», как любил говаривать Ленин. Было решено организовать уличные беспорядки, которые, по замыслу Терехова и Анпилова, должны охватить весь город, привести к общенародному восстанию с последующим взятием Кремля и захватом «оккупационного правительства». И его свержением, разумеется.

Ачалову этот план не понравился. Он хорошо знал, что из хаоса уличных беспорядков может родиться чудовище, которое пожрет всех: и правых, и виноватых. Он еще хорошо помнил Вильнюс в январе 1991 года, когда одержанная им военная победа над местным телеинформационным комплексом как раз и явилась тем поводом, который фактически навсегда вырвал Прибалтику из двухсотлетнего, относительно спокойного, сожительства с Россией и бросил ее в неохотные объятия Запада.

Генерал пожал плечами. Только не переусердствуйте. Но своим десантникам приказал держаться на втором плане, за спинами анпиловских бомжей и разных «идейных» волонтеров и больше пока присматриваться, чем действовать.

Как обычно, накануне праздника различные «общественные группы» подали в правительство Москвы, как важно называлась столичная мэрия, заявки на проведение митингов и шествий. Правительство, уже наученное горьким предыдущим опытом, когда после патриотических митингов и шествий приходилось месяц приводить эти районы города в жилой вид, выгребая мусор и разбитые стекла, спиливая сломанные от ненависти к жидам деревья и заново застилая асфальт, отчаянно пыталось выделить на эти сборища места подальше от центра, чтобы не перекрывать уличное движение. Оно разрешило первомайский митинг непримиримой оппозиции, четко указав место сбора и маршрут шествия.

1 Мая 1993 года колонны, составленные из «трудовиков» Анпилова, «балалаечников» Терехова и разного сброда Ильи Константинова, подогрев себя на митинге захватывающими речами своих «вождей», неожиданно сменили маршрут и пошли к станции «Аэрофлот», где высились кварталы домов так называемой «улучшенной планировки», служившие годами местом проживания номенклатуры среднего пошиба, то есть самой многочисленной, а следовательно, и могущественной.

Поскольку запрудившая проспект толпа уже в течение нескольких лет подстрекалась к грандиозному еврейскому погрому, а за неимением в городе еврейского квартала постоянно натаскивалась на дома номенклатуры, на которых чья-то многоопытная рука время от времени рисовала шестиконечные звезды Давида с незатейливым призывом «Смерть жидам!», то неудивительно, что пройдя несколько сот метров в этом направлении, толпа наткнулась на выстроенную поперек проспекта милицейскую цепь.

Милиция была без оружия, но в полной экипировке: в касках, бронежилетах, со щитами и дубинками. В старые времена при виде столь грозной демонстрации властями своего недовольства толпа обычно останавливалась, агрессивно выслушивала увещевания, которые через громкоговоритель на нее изливал какой-нибудь милицейский полковник, а в конце концов расходилась, в глубине души радуясь, что обошлось без столкновения.

Даже во время знаменитой осады «Останкино», когда водка и речи вождей накалили толпу до предела, она, тем не менее, избегала открытой конфронтации с милицией, а когда у последней лопнуло терпение, оказала лишь символическое сопротивление. Фактически никакого, кроме мата в адрес правоохранительных органов.

На этот раз, не останавливаясь, толпа с ходу врезалась в милицейскую цепь. Началась свалка. Замелькали дубинки, под которые заблаговременно подставили несколько старичков-ветеранов. Казалось бы, мирно шествующая под красными и желто-черно-белыми старыми имперскими знаменами толпа немедленно ощетинилась железными прутьями и заточками, пробивающими милицейские щиты. В итоге один милиционер был убит, несколько ранено, сотни получили травмы. Но поле боя осталось за милицией, несколько дюжин «демонстрантов» были арестованы, а по телевизору показывали окровавленные лица ветеранов. У стариков тряслись губы от потрясения и возмущения. Сколько первомайских демонстраций было в их жизни, но ничего подобного они даже в страшном сне представить не могли.

Между тем, милиция стала создавать фоторобот человека, который, по словам многочисленных свидетелей, руководил побоищем и подгонял к месту «боя» автомашины, из которых всем желающим выдавались железные прутья.

Если бы лучший портретист в мире взялся бы писать образ подполковника Терехова, то у него, наверняка было бы меньше сходства с оригиналом, чем на милицейском фотороботе.

По фотороботу Терехова узнала почти вся страна, но передающее этот фоторобот телевидение вещало за кадром левитановскими интонациями: «В связи с первомайскими беспорядками органами внутренних дел разыскивается гражданин, соответствующий указанному фотороботу. По показаниям свидетелей: волосы и усы русые…».

Пока гудел всероссийский розыск, а пресса строила догадки по поводу таинственного исчезновения Анпилова, сам Терехов подал заявку в мэрию на митинг и шествие, посвященные Дню Победы 9 Мая. Мэрия немедленно ответила запретом.

Тогда подполковник Терехов ответил, что митинг и шествие пройдут в любом случае: хочет того мэрия или нет. И никакие указы ему — не указы.

В Москву стали стягиваться подкрепления милиции и ОМОНа из близлежащих городов. Высокие милицейские чины раздавали интервью, давая понять, что готовы жесточайше отомстить за гибель своего товарища 1 Мая.

Напряжение росло. Перетрусившие анпиловские бомжи присущим им шестым чувством поняли, что исчезновение их лидера дает им прекрасную возможность воздержаться от политической деятельности 9 Мая. Присмирели и другие группы и группки. А мудрый товарищ Зюганов призвал коммунистов воздержаться от каких-либо действий, связанных с нарушением законности и порядка. Хотя неделю назад сам орал на митинге, что законы оккупационного правительства никак не могут быть обязательными для народа, который борется за свое освобождение.

В итоге право на шествие было предоставлено только Терехову и его «Союзу офицеров». Под вывеской «Союза», который получил официальное разрешение на митинг и марш, собрались все перетрусившие группы оппозиционеров, создавая впечатление, что «Союз офицеров» охватывает чуть ли не весь офицерский корпус не только России, но и СНГ.

Сам Терехов, вынырнувший на первый план в связи с исчезновением Анпилова, охотно красовался перед камерой, рассказывая, не стесняясь, как он сражался с милицией в первомайские праздники, получив в день пролетарской солидарности «пять ударов дубинкой по горбу и два — по голове».

Впрочем, нельзя сказать, чтобы первомайские события прошли для Терехова совершенно безнаказанными. Начальник академии генерал Омеличев за участие и провоцирование уличных беспорядков объявил восстановленному в судебном порядке

адъюнкту выговор, видимо, надеясь еще раз избавиться от него старым бюрократическим методом — путем трех выговоров.

Терехов обиделся. Выслушав «разнос» старшего по званию, которого никак нельзя было объявить демократом или сионистом, Терехов, покраснев, не без вызова сказал: «Не торопитесь меня увольнять. Меня еще орденом наградят!»

Но вышел от генерала злой, на душе кипело. Кто такой генерал Бронислав Омеличев? Один из высших руководителей бывшего ГЛАВПУРа, партноменклатурщик, напяливший на себя по приказу партии военный мундир!

Даже не думая о возможных для себя последствиях, расстроенный Терехов чуть ли не публично сделал заявление: «Генерал Омеличев сам раньше был партократом. А теперь все они переделались, пристроились к новой власти…»

Обида Терехова была непонятной. Неясно было: хорошо или плохо было числиться раньше партократом.

Но расстройство быстро прошло, поскольку журналисты просто не отходили от новой знаменитости, вдохновляя его на новые речи:

«Правительство скоро уйдет или будет свергнуто, все совершенные им преступления будут наказаны в судебном порядке. Мы контролируем ситуацию. Если возникнет опасность переворота, мы примем крайние меры!»

— Вы и ваши боевики? — осторожно поинтересовался журналист.

— У нас нет боевиков, — резко ответил Терехов. — Мы мирная организация. И если мы чем-то и сильны, то своей массовостью.

На праздновании 9 Мая Терехов выкинул лозунг, с восторгом подхваченный всеми крыльями оппозиции: «Дошли до рейхстага, дойдем и до Кремля!» Этот бы лозунг, да в 1945 году!

Но времена уже явно были другие. У многих, даже тех, кому посчастливилось некогда расписаться на стен рейхстага, ныне чесались руки расписаться при подобны же обстоятельствах и на стенах Кремля. Но руки были пока коротки.

Поэтому Терехова услышали очень быстро и после майских событий сразу сделали заместителем председателя «Общественного комитета по защите Конституции и конституционного строя», возглавляемого скандальным депутатом Владимиром Исаковым. Чтобы освободить столь высокое место для новичка, пришлось подвинуться. Но в этом был особый смысл. Присутствие в рядах непримиримой оппозиции офицера действительной службы, за которым, по его словам, стоит чуть ли не весь офицерский корпус армии, придал особый вес оппозиции, которая, как ей казалось, теперь могла разговаривать с правительством, если не с позиции силы, то, по крайней мере, на равных.

Таким образом, политрука-подполковника захлестнул водоворот динамичной жизни принца-фрондера: митинги, пресс-конференции, разборки с милицией, явки в суд по обвинению то в хулиганстве, то в разжигании «межнациональных раздоров» вместе с благоприобретенным другом — профессиональным антисемитом Николаем Лысенко, то в подстрекательстве к мятежу. Заседания «Союза офицеров» стали закрытыми и интригующе секретными.

29 мая у здания Пролетарского райсовета Москвы собрались делегаты, прибывшие на межреспубликанское заседание совета «Союза офицеров», представляющие, по их словам, тридцать официальных российских отделений «Союза» и одного подпольного, из Приднестровья. Но и среди делегатов, если не считать приднестровцев, преобладали седовласые старцы с остатками былой военной выправки. Отставники-комиссары.

Они ждали автобуса, который должен был отвезти их на конспиративную квартиру — подальше от любопытных глаз «охранки» оккупационного режима. Конспиративной

квартирой оказался Дом культуры завода ЗИЛ в другом районе столицы. Старичкам нравилось играть по методике «Марксизм и вооруженное восстание», а подполковнику Терехову, казалось бы, никакой нужды играть не было. Тем не менее, он был заводилой игры. Это бывает только в двух случаях: когда хорошо платят и когда очень строго приказывают. Редко, но иногда эти два стимулирующих фактора сливаются в один. Тогда очень часто игра перерастает в драку…

И вот час настал. Стараясь не смотреть в холодные льдинки глаз генерала Ачалова, подполковник Станислав Терехов, переведя дух, доложил новому министру обороны о своем прибытии.

— Без приказа ничего не предпринимать, — приказал Ачалов. — Стягивай своих людей к зданию. Распредели между ними посты внешней и внутренней охраны, — генерал помолчал и добавил. — И никакой самодеятельности.

Перед глазами Ачалова еще стояло многотысячное шествие «Союза офицеров» в День Победы 9 Мая. Он уже представлял, что если хотя бы половина придет сейчас к Белому Дому, то дело можно считать выигранным. Но глаза генерала оставались холодными и пустыми.

06:00

Холодные и пустые глаза генерала Ачалова стояли перед мысленным взором Александра Руцкого, когда он, нервно нажимая кнопки итальянского телефонного аппарата, пытался дозвониться до штаба 14-й армии, дислоцированной в Приднестровье. Штаб находился в Тирасполе, и Руцкому срочно нужно было переговорить с командующим армией генерал-лейтенантом Александром Лебедем.

Если генерал-полковник Ачалов люто ненавидел Руцкого, то справедливо будет заметить, что и Руцкой не сильно любил советника Хасбулатова по военным вопросам и прогнозированию региональной политики. И не столько не любил, сколько побаивался.

Во-первых, это был тот генетический страх, который любой полковник, кем бы он ни был, всегда должен испытывать перед генерал-полковником, а не следует забывать, что, когда Руцкой был еще никому не известным полковником, генерал Ачалов уже был заместителем министра обороны.

Во-вторых, Руцкой и Ачалов в памятные августовские дни 1991 года оказались по разные стороны баррикад, и попадись тогда Руцкой в лапы Ачалова, то даже не хочется думать, что тогда могло бы произойти с несчастным авиационным полковником, вздумавшим поиграть в большую политику. Вынужденный сейчас назначить Ачалова министром обороны, Руцкой действовал не по своей воле, а как бы выполнял волю Хасбулатова и его ближайшего окружения, для которых Ачалов был свой брат-депутат.

Руцкой, тем не менее, когда решался вопрос о назначении, обратил внимание президиума Верховного Совета на ряд недостатков товарища Ачалова, среди которых, по мнению Руцкого, было слишком сильное пристрастие бывшего десантника к крепким напиткам. Это вызвало кривые улыбки всех, даже самого Руслана Имрановича. В России подобная слабость никогда не считалась недостатком — кто пьян да умен, два достоинства в нем. И кроме того, что также было всем хорошо известно, сам новый президент (равно как «параллельный» президент в Кремле) тоже был совсем не дурак выпить. Чтобы не сказать большего.

Но Руцкой хотел сказать совсем не об этом. Обостренным инстинктом авантюриста он чувствовал, что со всеми, включая и его, и президиум, и самого Руслана Имрановича, сделает

Ачалов, если они победят. А если проиграют, то все на них и свалит. Но о проигрыше думать совсем не хотелось, а выигрыш во главе с Ачаловым сулил очень мрачные перспективы. Виделось что-то совсем ужасное, вроде расстрела во дворе при свете автомобильных фар…

Поэтому Руцкой постоянно думал о том, чтобы заменить Ачалова кем-нибудь, кто был бы ему ближе по статусу и не так люто его ненавидел. И, конечно, первым приходил на ум генерал Лебедь. Именно он в августе 1991 года, вопреки приказу Ачалова, повел своих десантников не на штурм, а на защиту Белого Дома. По этому поводу по столице ходили самые темные слухи, но именно боевые машины десанта, которыми Лебедь окружил здание Верховного Совета, отбили охоту у генерала Ачалова это здание штурмовать.

В отличие от других, активно сделавших себе карьеру на августовских событиях, генералу Лебедю эти события особой славы и пользы не принесли. Более того, генерала тихонько выпихнули из Москвы якобы с повышением: на пост командующего 14-й армией в Молдове. Назначение, прямо скажем, было не из веселых, и, видимо, кое-кто в Москве надеялся, что генерал Лебедь либо сложит в Молдове свою буйную голову, либо будет настолько скомпрометирован, что ему останется только завывать на митингах, как генералам Макашову и Стерлигову. Однако не произошло ни того, ни другого, а скорее, наоборот.

Молдова — бывшая Молдавская Социалистическая Республика, как и многое другое в нашей стране, была создана гением товарища Сталина, который, в свойственной ему грубой манере отнял летом 1940 года у Румынии Бессарабию и присоединил к ней кусочек Украины. Вождь всех народов все делал на века, и сломать сделанное им оказалось чрезвычайно трудно, требуя новых потоков крови. Когда рухнул Советский Союз, и его бывшие республики одна за другой объявили о своей государственном суверенитете, в Молдове сразу же открыто заговорили о воссоединении с Румынией, хотя ни Бухарест, ни Кишинев не были готовы к такому шагу.

Более того, саму идею объединения сравнительно обеспеченной Молдовы с Румынией, ограбленной до нитки коммунистическим режимом Чаушеску, никто особенно серьезно не воспринимал. Однако подобные разговоры, а также принятый в Кишиневе закон о государственном языке (касавшийся только руководящих работников и занятых в сфере обслуживания, что составляло менее 3% населения) послужили поводом для бывшей партноменклатуры и активных агентов КГБ объявить русскоязычную полоску земли, зажатую между левым берегом Днестра и украинской границей, независимым государством.

Все это было сотворено под незатейливым лозунгом «Нам грозит румынизация» и «Не хотим в Румынию!» Захватившие власть в Тирасполе авантюристы, во главе с бывшим агентом КГБ Игорем Смирновым, развернули, как и положено бывшим коммунистам, трескучую и демагогическую кампанию по обработке левобережного населения, где народу с происками мирового сионизма и намеками на то, что румыны — это итальянские евреи, изгнанные в свое время из страны за пристрастие к ритуальным убийствам христианских младенцев, использовались и более утонченные приемы: всех незнающих румынского языка вышлют в Россию или на Украину с конфискацией имущества, а то и расстреляют. В Кишиневе уже подготовлены соответствующие списки.

Начались митинги протеста, забастовки, организация отрядов самообороны. Затем появились параллельные органы власти, которые в обстановке нагнетания истерии провели незаконный референдум об отделении от Молдовы, создав территорию, объявленную «первой освобожденной территорией СССР».

Но на этом подобные истории никогда не заканчиваются, ибо любой идее сепаратизма, особенно если за этой идеей стоит страстное желание коммунистической номенклатуры сохранить в новых условиях свою власть и привилегии, обязательно нужны жертвы, ибо, как еще указывал Ленин, «кровь и разъединяет навсегда, и спаивает навсегда»,

Попытки молдавских властей навести порядок в левобережье привели к открытому сопротивлению, быстро переросшему в спорадические военные действия с ежедневной их эскалацией. Назначенный командовать «силами самообороны» кровавый психопат Костенко, контуженный в Афганистане, получив от новых тираспольских властей людей и оружие, действуя по проверенной в Афганистане методике, начал с того, что стал вырезать молдаван, имевших несчастье жить на левом берегу Днестра. Это быстро привело к известной бендерской трагедии.

В этих условиях 14-ая армия, попав в самое пекло, пыталась соблюсти хоть видимость нейтралитета. Армейские военные склады осаждали истеричные женщины, руководимые некой Андреевой — обладательницы громового голоса, которая появлялась на людях не иначе, как с кобурой на боку. Со складов 14-ой армии исчезали не только автоматы и пулеметы, но гранатометы, ракетные установки «Алазань», а позднее — и боевые машины пехоты и десантные танки.

Постепенно нейтралитет 14-ой российской армии во внутреннем конфликте Молдовы становился все более призрачным: ее оружием оснащались группы людей, называвших себя казаками, хотя, в большинстве случаев, это были искатели приключений с уголовным прошлым, с нарушенной психикой, одержимые желаниями стрелять, грабить и убивать.

В разгар этих событий Лебедь был назначен командующим 14-ой армией. Своей главной задачей он считал остановить военное безумие и кровопролитие, от которого по специфике такого рода конфликтов, страдало почти исключительно мирное население. И он остановил войну, сделав при этом несколько очень резких заявлений в адрес трусливых и бесхребетных московских политиков. Но защищая жителей Приднестровья от военного безумия, генерал Лебедь — хотел он этого или нет — вместе с ними защитил и самозванный режим в Тирасполе, который он сам, несколько разобравшись в обстановке, назовет «бандитским».

Сущность «тираспольского режима» обнажилась в первые же месяцы затишья. Самозванные лидеры Приднестровья не спешили вести переговоры с Кишиневом о своем статусе в рамках Молдовы. Зато лихорадочно создавали свои погранвойска, таможенные пункты и министерства, каковых было создано семнадцать. Новоявленные вожди быстро пересели в новенькие «мерседесы», обзавелись особняками, роскошными кабинетами и личной охраной.

Разведка 14-ой армии быстро представила командарму материалы, приоткрывающие Александру Лебедю закулисную жизнь тираспольской верхушки. Оказалось, что они отнюдь не были уверены в победе и заблаговременно заготовили себе пути для отступления — валютные счета в иностранных банках, заграничные паспорта и теплые места в различных «темных» фирмах Европы, что самое интересное — в Румынии! Источником же их доходов была спекуляция оружием и бензином, которые они по бешеным ценам перепродавали… правобережным националистам в Кишиневе! Причем все это делалось и в ходе боевых действий. Очень быстро стало ясно, что все затеянное бандой авантюристов во главе с Игорем Смирновым под лозунгами защиты русского народа, независимости и прав человека делалось исключительно во имя личного обогащения.

Более того, через некоторое время генерал Лебедь неожиданно провел пресс-конференцию, на которой журналисты узнали нечто совершенно ошеломительное: «силовыми» Министерствами самопровозглашенной республики руководят люди, выдающие себя не за тех, кем они являются на самом деле. Министр госбезопасности В. Шевцов на самом деле — Антюфеев, а министр внутренних дел Н. Матвеев — знаменитый прибалтийский чекист Гончаренко. Оба в свое время еле унесли ноги из Латвии, где на них открыты уголовные дела. Таких в Приднестровье, прячущихся под чужими фамилиями, пояснил командарм, около пятидесяти. Все они занимают руководящие должности и все повязаны темным и кровавым прошлым, порой, чисто уголовным.

«Стоит ли удивляться, — задал генерал вопрос журналистам, — разгулу преступности и произвола на этом многострадальном клочке земли, объявленном независимым государством?».

«Жулики и преступники всех мастей, — подвел итог пресс-конференций генерал Лебедь, — всегда сбегаются туда, где у них меньше всего шансов быть пойманными… Подчиненная мне разведка не спит, и на основе добытых ею данных я смею утверждать: Приднестровье и его столица Тирасполь в наши дни — одна из основных „малин‟ отпетой уголовной братии. Почему ими не занимается прокурор и министр безопасности, догадаться несложно. Такая преступность и называется организованной, потому что преступники тесно переплелись и породнились с теми, в чьи обязанности входит ее дезорганизация…»

В ответ на подобное заявление генерала, кроме шельмования Лебедя в местной печати, приднестровские «власти» ответили созданием батальона «Днестр», находившимся в подчинении министра внутренних дел, беглого «прибалта» Матвеева-Гончаренко. Батальон, составленный из откровенных уголовников, готовился к выполнению главной задачи: захвата штаба 14-ой армии и ареста ее командования. Но подобная глобальная задача была пока батальону «Днестр» явно не по плечу.

Поэтому батальон «Днестр», откровенно ориентированный на террористическую деятельность, начал свою боевую подготовку с нападения на военнослужащих 14-ой армии. Их начали хватать на улицах без всякого повода, избивали, глумились, срывая береты. Одного офицера арестовали и отправили в местную комендатуру. Поднятая по тревоге рота десантников окружила, по приказу Лебедя, комендатуру и потребовала освобождения офицера. Освободили. Генерал предупредил, что если власти не прекратят произвол, то он пресечет его сам, решительно и жестоко. Его уже хорошо знали, а потому сильно перепугались, и батальону «Днестр» было приказано никак себя не проявлять до лучших времен, наступления которых они с нетерпением ждали.

Именно в это время в Тирасполь зачастили именитые московские гости. Сперва Алкснис и Бабурин, затем Макашов и Павлов, а затем и сам Руцкой. Надо сказать, что вся эта злобно-уголовно-чекистская шпана, сбившаяся в стаю вокруг «президента» Смирнова, не произвела на Руцкого сильного впечатления. Впечатление на вице-президента России произвели два человека: местный банкир Загрядский, занимавший когда-то пост зама Смирнова, но «проколовшийся» на попытке нейтрализовать коменданта Тирасполя, полковника Бергмана взяткой в 3 миллиона рублей, а потому и «переведенный» в директора банка.

Вторым был сам генерал Лебедь. Его решительность, принципиальность, умение все называть своими словами и действовать далеко за пределами своих полномочий, а если надо, то и вопреки полученным инструкциям, еще в августе 1991 года произвели на Руцкого сильное впечатление, а сейчас и подавно. На осторожный зондаж Руцкого, как командарму нравится происходящее в Москве и в стране, командарм, помрачнев, зло сказал, что будь его воля, он очень многих в нынешней Москве поставил бы к стенке. Не уточняя, впрочем, кого именно.

Руцкой принял эти слова к сведению, но далее углублять эту тему не стал. Кстати, и «президент» Приднестровья Смирнов в разговоре с Руцким очень хорошо отзывался о Лебеде: прекрасный генерал, что он здесь прозябает? Ему нужно более широкое поприще. Смирнову, конечно, очень хотелось, чтобы Лебедя куда-нибудь перевели.

После возвращения Руцкого в Москву «банкир» Загрядский перевел на известный ему московский счет 2,5 миллиарда рублей, ибо всем приднестровцам напомнили «чем они живы». Вместе с тем, из Тирасполя в адрес Белого Дома стали поступать в брезентовых мешках посылки, в которых, нежно прижавшись друг к другу, благоухали смазкой автоматы Калашникова. Не все же торговать оружием на сторону. Надо и о патронах позаботиться. Посылки в Москву сопровождал сам министр безопасности Шевцов-Антюфеев, который,

продолжая борьбу с Лебедем, объявил, что штаб 14-ой армии вообще и комендант Тирасполя полковник Бергман в частности, — работают сразу на 4 (четыре) иностранные разведки. Недаром один из жителей Тирасполя признался журналистам: «Мы оказались опрокинутыми в 37-й год!», — и просил не называть его имени.

Разыскиваемый преступник Антюфеев не только совершенно легально прибыл в Москву, но и не постеснялся дать интервью корреспонденту «Литературной газеты». На вопрос, знает ли он способ стабилизации положения в Приднестровье, ответил, что все очень просто — «надо лишь вывести из обращения определенное количество людей».

Видимо, Антюфеев прибыл в Москву не только для наблюдения за «посылками» Верховному Совету, но и для получения консультаций от вышестоящего командования, поскольку вернувшись окрыленным в Тирасполь, он нанес по генералу Лебедю, казалось бы, неотразимый удар.

Оказывается, как сообщали расклеенные по городу листовки, командующий 14-ой армией, ко всем своим недостаткам, еще и еврей, и его настоящая фамилия Шваннер. В листовке разъяснялось, что все фамилии, имеющие смысловое значение, являются всего лишь обратным переводом с еврейского в целях маскировки. Еврейского языка, разумеется, никто в местной службе безопасности не знал, а потому свято верили, что немецкий и еврейский языки — это одно и то же. В качестве примера приводились две наиболее зловещие фамилии: Сахаров — Цуккер, Лебедь — Шваннер. Ну, а о полковнике Бергмане, имевшего предками немцев, и говорить не приходилось. Всем должно было стать ясно, что всю воду мутит в Приднестровье жидо-сионистская банда Шваннера-Бергмана.

Упреждающий удар был просто необходим, поскольку стало известно, что в руки разведчиков 14-ой армии попали документы бывшего КГБ, из которых явствовало, что всю власть в Тирасполе захватили офицеры действительной службы и офицеры действующего резерва этой почтенной конторы. Кроме того, что также никого не радовало, поползли слухи, что Лебедь-Шваннер — гражданин России и резидент Израиля, куда, кстати из Тирасполя шли пиломатериалы, решил баллотироваться в Верховный Совет независимого государства, гражданином которого он не являлся. Но поскольку это государство никем не было признано и как бы не существовало, то на подобные условности никто не посмел обратить внимание.

В итоге, несмотря на все старания местного оскорбленного «правительства», генерал Лебедь, не проводя никакой предвыборной кампании, без всякого труда собрал вдвое больше голосов, чем нужно, и стал «парламентарием» приднестровской «республики», чего местные власти не чаяли увидеть и в страшном сне.

Генерал появлялся на заседаниях «парламента» в камуфляжной форме рядового десантника и в надвинутом на глаза кепи. Выступая с трибуны, он всенародно зачитывал сенсационные разоблачения своей разведки, касавшиеся настоящего и прошлого народных вождей Тирасполя и проводимой ими политики. «Заповедник для преступников… руководство, занятое набиванием только собственных карманов… Мне противно охранять сон и покой подобного жулья!» Эхо генеральских разоблачений пронеслось по всем радиоволнам и страницам иностранных газет, наглухо закрыв преступной банде и без того не слишком открытую дверь в мировое сообщество, куда они стремились пробраться всеми правдами и неправдами…

Шел уже октябрь 1993 года.

В конце концов Руцкому удалось дозвониться до Лебедя. Не тратя времени на предисловия, вице-президент прямо спросил командарма: не хочет ли тот занять пост министра обороны в «новом правительстве»?

— Но у вас же есть Ачалов, — возразил всезнающий Лебедь.

Руцкой вздохнул: «Ачалов — отставник, а вы на службе». Помолчал и добавил: «Кроме того, именно вам я больше доверяю».

— А что Грачев? — поинтересовался Лебедь.

С нынешним министром обороны, Грачевым, Лебедь служил в Афганистане, зная его со времен Рязанского Десантного училища.

— Грачева я отстранил от должности, — сообщил Руцкой.

— И он отстранился? — продолжал выяснять подробности Лебедь.

— Отстранится, — жестко сказал Руцкой. — Или под суд пойдет. Впрочем, под суд пойдет в любом случае.

— Товарищ Руцкой, — неожиданно ответил генерал. — Я никак не могу принять ваше предложение.

— Почему? — немного растерялся вице-президент.

— Потому что, — ответил генерал Лебедь, — я не хочу, чтобы, когда я приеду на побывку в родной город, бабы плевали мне в лицо и моим солдатам — тоже.

— Вот как, — начал было Руцкой, но в трубке уже запищали короткие гудки.

Побагровевший Руцкой несколько мгновений сидел, тупо глядя на телефонный аппарат, и вздрогнул от пронзительного звонка. Номер этого телефона был известен очень ограниченному числу людей, а потому аппарат не был подключен к определителю абонента. Руцкой секунду поколебался: стоит ли брать трубку самому или пусть это сделают в секретариате. В этот момент ожил селектор на его столе, и голос дежурного сказал: «Александр Владимирович, Тирасполь на проводе».

Первой мыслью Руцкого было, что генерал Лебедь, одумавшись, хочет извиниться за свое, мягко говоря, не совсем корректное поведение и выразить свое согласие с предложением «президента». Руцкой взял трубку.

«Товарищ Руцкой, здравия желаю, — проговорил незнакомый голос, — докладывает полковник Колосков из Тирасполя…»

Руцкой вспомнил. Отставной полковник Колосков — старый чекист, награжденный в свое время именным пистолетом — был советником министра госбезопасности Приднестровья Шевцова-Антюфеева. Полковник Колосков был большим специалистом по борьбе с сионизмом, сражаясь с ним так ретиво, что в итоге ему пришлось скрыться в Тирасполе. Его давно знали под фамилией Колосков, но никто не мог поручиться: настоящая это фамилия или нет. В структурах бывшего КГБ были свои маленькие хитрости.

Видимо, в Тирасполе нашли способ подслушивать телефонные переговоры 14-ой армии, поскольку Руцкому сразу же стало ясно, что Колосков в курсе его разговора с Лебедем.

— Поздравляю с избранием на высокую должность, — продолжал Колосков. — У нас царит ликование, и даже Днестр готов выйти из берегов от радости.

— Не утопите, — буркнул в ответ Руцкой и бросил трубку.

Строго говоря, обнаглевшие приднестровцы позволили себе вопиющее нарушение протокола. Поздравление президенту по случаю избрания на должность обычно приносит президент, а не безвестный советник министра, пусть даже государственной безопасности. Подобная фамильярность всегда раздражает, не суля ничего хорошего в будущем. Особенно с учетом того специфического положения, в котором оказался вице-президент Руцкой. Недаром сразу после переворотов короли и президенты первым делом обычно ликвидировали своих сообщников по заговору. Но не менее часто случалось и наоборот, о чем следовало поразмыслить.

Сдержав вздох и подавив в себе раздражение, вспыхнувшее от разговора с генералом Лебедем и полковником Колосковым, Руцкой вынул из кармана пачку «Мальборо» — уже вторую за последние 6 часов — вынул сигарету и закурил, жадно затягиваясь.

С Лебедем сорвалось, но зато на помощь из Тирасполя уже готов вылететь полным составом батальон «Днестр». Днестр от радости готов выйти из берегов. Двух толкований эта фраза не имела.

07:30

Министр безопасности Николай Галушко сидел в своем кабинете на Лубянке, задумчиво помешивая остывший чай в стакане с массивным подстаканником с эмблемой ВЧК-КГБ, изображающей щит и меч. Символ был весьма красноречивым. Всю свою историю возглавляемое ныне Галушко ведомство, прикрывая щитом партноменклатуру, рубило и глушило мечом собственный народ, не заметив в этой вдохновенной борьбе гибели того государства, безопасность которого это ведомство было обязано защищать.

Генерал-полковник Галушко родился в Омске в 1937 году. В КГБ попал после окончания тамошнего политехнического института, и с 1964 года работал в Кемерово, начав с должности оперуполномоченного управления КГБ по Кемеровской области. Кемерово — район промышленный, а из этого логично вытекало, что этот район должен был кишеть шпионами и диверсантами. Но поскольку таковых никак обнаружить не удавалось, то именно тогда для облегчения результативности работы органов безопасности были придуманы расплывчатые формулировки о политическом шпионаже и идеологических диверсиях.

А когда, после 1967 года, к этому добавилась еще и борьба с сионизмом, то все стало просто замечательно. Органы оказались заваленными работой, личного состава катастрофически не хватало, и начался процесс дрожжевого расширения ведомства. Отделы разворачивались в управления, управления — в главки, звезды на погоны сыпались, как из рога изобилия. На открывшемся поприще Николай Галушко развил такую плодотворную деятельность, что даже местные газеты иронизировали, что «сионисты подавились галушкой, поскольку не привыкли к национальной украинской пище».

Талантливого человека заметили, и в 1974 году перевели в Москву, что всегда являлось светлой мечтой любого провинциального чекиста. В столице Галушко стал сначала заместителем, а затем и начальником 2-го отдела 5-го управления КГБ — огромного управления, надзирающего за идеологической стерильностью трехсотмиллионного населения страны. Возглавляемый Галушко отдел вел «межнациональные отношения», то есть продолжал сражаться с сионизмом. Тогда же произведенный приказом самого Андропова в генерал-майоры Галушко был избран и депутатом Верховного Совета РСФСР. И что самое интересное — от Еврейской Автономной области. Удивляться этому может только тот, кто плохо знал советские карательно-идеологические методы.

Галушко — любимец Андропова — уже метил в начальники 5-го главного управления КГБ, но его объехал по кривой Иван Абрамов, которого даже в КГБ звали «Иваном Палкиным». Абрамов до этого возглавлял в управлении 1-ый отдел, который боролся с культурой, наиболее ретиво выходившей из-под контроля властей, в чем, естественно, тоже были виноваты сионисты. Так что оба отдела работали в тесном взаимодействии, что и дало генералу возможность Абрамову обойти генерала Галушко.

Оскорбленный Галушко потребовал объяснений у руководства, явно давая понять, что под начальством Абрамова он работать не намерен. Его перевели в Секретариат на должность генерал-лейтенанта, обещая первую крупную вакансию. Между тем, умер Андропов, а сменивший его генерал Чебриков, возглавлявший ранее кадровое управление КГБ, не забыл обещаний своего покойного шефа, и в 1985 году перевел Галушко в Киев на должность заместителя председателя КГБ Украины.

Через два года, в 1987 году, Галушко стал председателем КГБ Украины, продержавшись на столь высоком посту до самого августовского путча 1991 года.

Во время путча его лучший друг Леонид Кравчук — член политбюро ЦК компартии Украины, ведавший идеологией, став на волне горбачевских реформ председателем Верховного Совета Украины, — отдал приказ об аресте председателя КГБ Галушко. Кравчук стремился не отстать от Москвы, где был арестован председатель КГБ СССР Крючков. Галушко обвинили в активном соучастии в ГКЧП, что было святой правдой. Кроме того, Кравчук, в одночасье превратившийся в «самостийника», обвинил Галушко в том, что тот — «агент Москвы» и член радикальной депутатской группы «Союз».

Но, в отличие от Крючкова, которому бежать было некуда, Галушко не дал себя арестовать и сбежал в Москву. Казалось бы, по царившим тогда в Москве настроениям беглый председатель КГБ Украины должен был либо быть арестованным, либо, в лучшем случае, отправлен в отставку и в небытие с шансами выплыть только на каком-нибудь полуфашистском митинге года через полтора.

На Лубянской площади сиротливо стоял постамент, с которого совсем недавно краном стащили «железного Феликса», накинув ему на горло петлю стального троса, а место председателя КГБ занимал «добрейший» Вадим Бакатин, публично поклявшийся очистить КГБ от всех, хоть как-то запятнанных в борьбе со свободой и демократией. Но то ли потому, что сам Бакатин был некогда первым секретарем Кемеровского обкома КПСС и знал Галушко по совместным боям с международным сионизмом и идеологическими диверсантами, то ли по какой-то другой причине, но Галушко был снова взят в Центральный аппарат и некоторое время тихо работал в Секретариате сперва у Бакатина, а затем и у Баранникова. Из секретариата он так же незаметно был переведен в заместители министра и, как «профессионал», умело вел интригу против «мента» Баранникова, стуча на него своему старому кемеровскому другу Виктору Черномырдину, а через него — президенту.

Растроганный Ельцин, выгнав Баранникова, назначил именно Галушко исполняющим обязанности министра безопасности, хотя сам очень хотел видеть на этом посту своего очередного фаворита, Степашина — бывшего милицейского политработника, сделавшего неслыханную карьеру на волне липовой демократии, пройдя за неполных два года путь от подполковника до генерал-лейтенанта. Но Черномырдин убедил президента, что Степашин «дела еще не знает», а Галушко — профессионал.

А в глазах президента, когда эти глаза упирались в нового исполняющего обязанности министра безопасности, искрился какой-то немой вопрос, который перевести в смысловое значение можно было словами «справится или нет?»…

Галушко действительно был «крутым» профессионалом. Когда журналисты пришли в Центр общественных связей Министерства безопасности, чтобы что-нибудь написать и рассказать о новом исполняющем обязанности министра, их встретили обычными настороженными взглядами и почти гробовым молчанием. Журналистов спросили, а почему их вообще интересует личность Галушко? На кого они работают? Личность руководителя Министерства безопасности может интересовать только противника. «А ведь мы с вами, товарищи, не собираемся помогать в этом противнику, как „агенты влияния"? Представители прессы, успевшие уже отвыкнуть от подобных диалогов коммунистических времен, обнаглели настолько, что попросили фотографию Галушко для публикации в газетах. Это вызвало чуть ли не истерику в Центре общественных связей. Понимают ли они, о чем просят? Фотографию Галушко! Американцы не пожалели бы миллиона долларов за фотографию Галушко. Создавалось впечатление, что исполняющего обязанности министра собираются в самое ближайшее время забросить в империалистический тыл в качестве разведчика-нелегала.

Устав от подобного маразма, журналисты отправились в архив бывшего Верховного Совета РСФСР, где и обнаружили целую пачку фотографий Николая Галушко и в фас, и в

профиль. Вскоре, однако, личность нового исполняющего обязанности прорвала информационную блокаду и его улыбчивое лицо, украшенное толстыми очками, стало мелькать на экране телевизора и в газетах. Обычно он сидел ошую президента вкупе с другими силовыми министрами Ериным и Грачевым, всегда скромно улыбаясь и преданно поглядывая на своего отца и благодетеля Виктора Черномырдина, который, как премьер, сидел одесную президента. Ельцин тоже благосклонно поглядывал на нового исполняющего обязанности, иногда пытаясь, правда, выяснить: чем нынче это ведомство занимается?

Хвастаться было совершенно нечем. Ведомство досталось Галушко в довольно потрепанном виде. Больше всего досталось родному 5-му управлению, которое на переходный период переименовали в Управление по защите конституционного строя. Не стало любимых отделов, занимающихся привычной борьбой с сионизмом, с творческой интеллигенцией, с инакомыслием и многим другим, с чем бороться можно было бесконечно, ничем не рискуя, но регулярно получая зарплату, и резво шагать вверх по служебной лестнице.

Управление ликвидировали, но его личный состав остался в наличии, маясь по кабинетам и не зная, чем заняться. Творческие муки сотрудников вскоре привели к новому переименованию управления. Название получилось звучное: Управление по борьбе с терроризмом. Но переход от борьбы с изучающими иврит евреями и читающими Солженицына придурковатыми интеллигентами на борьбу с терроризмом превратился в очень мучительный процесс сразу по нескольким причинам.

Первая из них заключалась в том, что террористы, как правило, были вооружены и, не задумываясь, пускали оружие в ход, а получать пулю во имя любой идеи, а уж тем более — без всякой идеи, никому не хотелось. Совсем не для этого все стремились идти работать в КГБ, используя собственные связи и блат родителей.

Второй причиной было то, что большинство военизированных группировок, которые не стесняясь декларировали терроризм как составную часть своей деятельности, были в свое время созданы именно КГБ и находились под покровительством ведомства в качестве «дочерних фирм». В старые времена их подкармливали деньгами — не ахти, конечно, какими большими. А ныне все были посажены на хозрасчет, что в условиях «рыночной экономики» позволяло этим группировкам не только безбедно существовать, но и кое-что отчислять и своим благодетелям. Поэтому трогать эти группировки было так же неразумно, как и стрелять в собственных детей, кормящих своего родителя.

Поэтому никто не удивился, когда первыми террористами, пойманными управлением, оказались два профессионала-химика из закрытого НИИ, занимающегося разработкой новых видов боевых отравляющих веществ. Профессора выступили на страницах газеты «Московские новости» с утверждением, что новая свободная Россия унаследовала все гнусные черты, присущие развалившемуся Советскому Союзу. Это утверждение основывалось на том, что, несмотря на все подписанные международные соглашения и декларации, Россия продолжает разрабатывать, испытывать и складировать химическое оружие, не считаясь ни с чем, в том числе и с экологической катастрофой в районах полигонов, развернутых, естественно, в наиболее густонаселенных местах.

Оба ученых были немедленно арестованы [1], и им было предъявлено обвинение в разглашении государственной и военной тайны. Однако, при существовании в стране более-менее свободной прессы, подобные методы борьбы с терроризмом не могли привести ни к чему, кроме громкого общественного скандала. Что и произошло. Произошедшие в стране перемены были налицо. К арестованным ученым пытались, по старой доброй традиции, не допустить адвоката, требуя от него «допуск», не предусмотренный никаким законом. Адвокат подал в суд, и тот постановил: выпустить ученых из-под стражи за нарушение госбезопасностью закона об адвокатуре.

Ну, как в таких условиях можно было бороться с терроризмом!

Галушко ловил на себе укоризненные взгляды Виктора Черномырдина: «Простого дела поручить нельзя».

Всю ночь Галушко совещался с Ельциным, который мимоходом поздравил его с производством в генерал-полковники и утверждением в должности министра. Около шести часов утра он прилетел вместе с президентом и его окружением в Кремль на вертолете, а оттуда отправился к себе на Лубянку первый раз в новом качестве: полноправного министра безопасности.

Однако он знал и другое. Ему уже было известно, что указом новоявленного президента Руцкого он, Галушко, отстранен от должности, а министром безопасности назначен вновь Виктор Баранников.

Представители нового министра уже пытались проникнуть на Лубянку. Нельзя было поручиться, что и сам он не пожалует сюда с минуты на минуту в сопровождении целого батальона «спецназа», вызванного откуда-нибудь из-под Москвы или из провинции.

Когда президентский вертолет приземлился на Ивановской площади в Кремле, Ельцин, угрюмо взглянув на Голушко, спросил:

— Надеюсь, вы все поняли?

Галушко понял даже больше, чем предполагал президент.

Практически ни один из его предшественников на этом посту, начиная с 1917 года, не умер своей смертью или не был выгнан с должности с грандиозным скандалом и со всеми вытекающими из него последствиями. Его не беспокоила ни судьба самого Ельцина, ни судьба страны и даже ни судьба вверенного ему ведомства. Его беспокоила собственная судьба. Он прекрасно понимал, что будет с ним лично, если Баранникову вновь удастся усесться в кресле министра, а Руцкой и Хасбулатов будут управлять страной. И все секретные документы, хранящиеся в архиве Ельцина, будут ими просмотрены и изучены.

Из Киева еще можно было бежать в Москву. Из Москвы же бежать некуда. Разве что в Багдад, Пхеньян или Гавану. Да и там его появлению никто не обрадуется, и быстро выдадут, обменяв на запчасти к танкам или на пару цистерн с нефтью.

Министр снял трубку одного из телефонов.

— Евгений Вадимович, — спросил он. — Как двигаются дела?

Выслушав, ответ Савостьянова, Галушко вздохнул: «Желательно побыстрее».

08:15

Александр Баркашов — лидер партии «Русское Национальное Единство» (РНЕ) — успел только снять с охранной сигнализации помещение штаб-квартиры партии, находящееся в здании Свердловского райсовета столицы на Петровке, 22, как услышал пронзительные телефонные трели, доносящиеся из его, еще закрытого, кабинета.

Как и большинство людей, Баркашов не любил ранних телефонных звонков, справедливо считая, что они никогда не приносят приятных известий, особенно в такой день, как сегодня;

Баркашов был хорошо осведомлен о том, что произошло в стране за последние 12 часов, и в течение ночи успел проконсультироваться со многими лидерами правых, ультраправых и откровенно фашистских группировок, к числу которых принадлежала и возглавляемая им РНЕ. Все: и «Память» Васильева, и «Отечество» Корчагина, и «Русская партия» Стерлигова, и «Республиканцы» Лысенко, да и он сам — единодушно решили не

ввязываться в конфронтацию между одинаково ненавистными «жидами» Ельцина и «придурками» Руцкого, Хасбулатова. Пусть грызутся между собой. Наш час еще не настал! Но он грядет.

Войдя в кабинет и взяв трубку, Баркашов поморщился. Он ждал этого звонка, но надеялся, что именно сегодня его не будет…

Александр Баркашов родился в Москве в 1953 году. Его дед — ответственный работник ЦК ВКП(б) — прославился во время борьбы с космополитизмом. Результатом борьбы с космополитизмом, которая достигла своей кульминации как раз в год рождения Александра, явилась преждевременная смерть Сталина, гибель практически всего руководства госбезопасности, разгон остальных кадровых работников знаменитого бериевского МГБ, увольнение, а порой и судебное преследование многих ответственных работников ЦК и правительства. В довершение всего, была упразднена ВКП(б) и заменена каким-то новым и непонятным образованием: КПСС, которое истинные партийцы-ленинцы не признали и по сей день.

Дед Баркашова принял поражение стоически. Ни перед кем не заискивал, новым властям не кланялся и уж, естественно, ни в чем не раскаивался. Для него в процессе этой яркой и кровопролитной кампании все стало ясно: во всех бедах страны виноваты евреи. В данный момент они оказались сильнее, но возмездие грядет. Другими словами, дед Александра Баркашова утешал себя почти теми же самыми словами, которыми утешал себя Гитлер в своем завещании: евреи оказались в данный момент, то есть в 1945 году, сильнее, но возмездие грядет. Хотя, конечно, завещания фюрера дед Баркашова не читал. Тогда просто не было возможности. Но воспитывая росшего без отца внука, дед сделал все возможное, что бы передать ему свой меч жидоборца. «Мой дед, — рассказывал в одном из многочисленных интервью сам Баркашов, — был одним из тех, кто в конце 40-х годов организовал борьбу с жидами-космополитами. Он подробно рассказывал о вреде, который наносят евреи русскому народу. Мудрый был старик: предостерегал от всех контактов с евреями…».

Старик был действительно мудр, поскольку призывал бороться с противником, не вступая с ним в контакт, как требовали того секретные партийные инструкции его времени. Это вообще очень интересная борьба без какого-либо контакта. Мистическая борьба на каком-то астральном уровне. На это были способны только настоящие большевики старой закалки. Поэтому, как ни гордился Баркашов своим дедом и его борьбой, он, еще в юном возрасте, был несколько разочарован теми слюнявыми методами, с помощью который ВКП(б) боролась с мировым злом бесконтактным способом. Резким контрастом на бледном фоне большевиков-сталинцев выглядела яркая фигура бессмертного Адольфа Гитлера, который беспощадно сражаясь с евреями, не пожалел ни своей страны, ни самого себя, но преподнес евреям такой урок, что вздрогнуло и задрожало все мировое еврейство!

Конечно, жаль, что Гитлер был немцем, а не русским. Прискорбно также, что, гоняясь за евреями, он попутно уничтожил и 26 миллионов русских. Но, право, это были мелочи, на которые можно было не обращать особого внимания! Что эти мелочи по сравнению с Треблинкой и Освенцимом, где круглосуточно уничтожали евреев в газовых камерах. Разве можно эту яркую эпопею, достойную нордического эпоса, даже отдаленно сравнивать с трусливо сфабрикованным «делом врачей» или расстрелом нескольких еврейских писателей и актеров.

Тяга к Гитлеру у Баркашова была настолько сильной, что он стал даже называть покойного фюрера на русский манер «Адольфом Алоисовичем» и даже теоретизировал на тему, что Гитлер был по происхождению, если не русским, то уж точно славянином. В нем проснулся извечный российский комплекс неполноценности и желание примазаться к любой славе в мировом масштабе, будь то победа Израиля в шестидневной войне, когда утверждалось, что все израильские генералы прошли подготовку в Советской армии, будь то

немецкий генерал Гудериан, о котором рассказывали, что он родился в Ереване, окончил академию в Москве, а потом сбежал к немцам при невыясненных обстоятельствах.

В таких условиях и Гитлер вполне может, в итоге превратиться в чисто русского человека с православной душой, который вообще не ставил перед собой никаких задач, кроме как освободить Россию от жидовского ига, но слегка погорячился. С кем не бывает!

Но нет пророков в своем отечестве!

Конечно, следует признать, что модельеры Третьего рейха и все прочие, ответственные за дизайн и сурово-мистическую атрибутику, были более талантливыми, нежели их коллеги в СССР, зажатые между серпом и молотом рабоче-крестьянского камуфляжа. Но что касается всего остального, то гитлеровский рейх выглядел жалкой пародией на фоне военно-фашистской империи, которую создал Сталин на территории Советского Союза.

Глупое и прямолинейное поведение самого фюрера, а равно и всех структур его истерической службы пропаганды привели лишь к тому, что всего через четыре года после того, как Гитлер, дождавшись смерти президента Гинденбурга, объявил себя фюрером германской нации, Германия уже была вынуждена вести войну против всего мира и, естественно, была раздавлена. В итоге, запланированный тысячелетний рейх, просуществовал менее 12 лет. «Если бы не эти проклятые евреи, мы никогда не проиграли бы войну», — в истерике кричал на Нюрнбергском процессе Альфред Розенберг (автор книги «Миф XX века»), и был совершенно прав, не считая того, что не будь «этих проклятых евреев», война, если бы она все-таки началась, все равно была бы проиграна из-за тупиковой бесперспективности режима.

В отличие от Гитлера, Сталин, будучи зоологическим антисемитом, тем не менее, никогда не желал бросать вызов столь грозному противнику, как евреи. Он хорошо знал, какими бывают ответные удары. И только когда вождь всех народов впал в полный маразм, его безответственные сообщники втянули его в войну с евреями, не столько даже для того, чтобы указать евреям России путь в Израиль (хотя за это было заплачено), сколько для того, чтобы под шумок ликвидировать своего любимого вождя и учителя. Что и было сделано.

Видимо, столь сложные хитросплетения борьбы с мировым сионизмом были не до конца поняты дедом Баркашова, несмотря на всю его мудрость. А потому он и внука учил только в рамках своего собственного понимания, и тем самым, помимо ненависти к евреям, попутно внушил ему и сильнейшую антипатию к коммунистической партии, не умеющей бороться с евреями по-настоящему.

Это было и понятно, поскольку сама коммунистическая партия была еврейским изобретением.

Но если евреи, пребывая в гордыне, придумали коммунистическую партию для закабаления русского народа, то русские, в качестве ответной меры, придумали НКВД, и шансы уравнялись.

К тому времени, как Баркашов подрос, беспощадная война с космополитизмом уже поросла быльем, а НКВД, пройдя через несколько «очистительных мероприятий», как любил выражаться товарищ Сталин, превратился в КГБ. И что бы ни говорили об этой организации злые языки, но «очистительные мероприятия» не прошли для нее бесследно. КГБ — это уже был не НКВД и даже не МГБ. Это был КГБ со своими многочисленными комплексами, неизбежными у любой организации, которую периодически почти полностью вырезают и обливают помоями.

Как раз в это время на смену позабытой борьбе с космополитизмом начала разворачиваться не менее, на первый взгляд, масштабная борьба с сионизмом, и КГБ остро нуждался в специалистах. Война с космополитами продолжалась относительно недолго, представляя собой нечто вроде «блицкрига», а потому в ходе ее не успели создать никакой

теоретической базы. Никто не успел защитить не только докторской или кандидатской диссертации, но и выпустить сколь-нибудь более-менее солидную монографию на эту тему.

Старые бойцы, памятуя о жестоком поражении в марте-апреле 1953 года, предпочитали помалкивать и не рисковать своими генеральско-полковничьими пенсиями, которые у них постоянно грозили отобрать, если они снова начнут достаточно громко чирикать. А новых бойцов еще предстояло подготовить.

К этому времени Баркашов успел закончить школу и отслужить в армии срочную службу. Учиться он не хотел и не любил по многим причинам, одной из которых было большое количество евреев-преподавателей в системе высшего и среднего специального образования, что неизбежно привело бы к контакту, от чего строго предостерегал дед. Поэтому Баркашов выбрал самую нееврейскую профессию: он стал слесарем и работал на ТЭЦ-23. Но поскольку он был родом, подобно Штирлицу, из семьи так называемых «профессиональных революционеров» — все-таки дед — работник ЦК, худо-бедно, но сохранивший кое-какие связи, — то вокруг него стали виться лихие ребята из 1-го отдела при 5-м управлении, которые специализировались на борьбе с сионизмом во всех его дьявольских проявлениях. Общий язык был найден очень легко, но когда Баркашов попросился в ряды профессиональных борцов с сионизмом, ему было вежливо отказано. Отказано под предлогом, что у него нет высшего образования. При создании КГБ какой-то идиот постановил, что все кадровые сотрудники этого ведомства в качестве непременного условия должны иметь высшее образование любого профиля. Но высшее. А у Баркашова было неполное среднее. Зачем для борьбы с сионизмом необходимо высшее образование, которое в данном конкретном случае только мешает, никто Баркашову даже не объяснил, поскольку никто и не знал. Но правило, есть правило, и нарушать его никто не волен.

В виде исключения Баркашова приняли в подпольную секцию каратэ, где в те времена обучались исключительно сотрудники КГБ. Зачем?

Многие задавали себе вопрос: зачем работникам КГБ того времени нужен был, в дополнение к обычной подготовке по самбо, еще и курс боевого каратэ? Выбивать ударом ноги из рук трясущихся от страха интеллигентов книги Солженицына и Авторханова? Или эффектно разбивать на них очки? В рабовладельческом обществе у элиты свои законы, и многое, чем они занимаются, просто должно быть непонятно рабам. Недаром в уголовном кодексе РСФСР немедленно появилась статья, грозящая тюремным сроком и крупным денежным штрафом любому, кто вздумает изучать приемы каратэ без специального на то разрешения.

Говорят, что Баркашов оказался очень талантливым каратистом и быстро стал инструктором, обучая своих недавних наставников. Несколько позднее, на волне захлестнувшего страну либерализма, ему разрешили создать полуофициальную секцию каратэ, замаскированную под клуб культуристов. Туда отбирали, главным образом, школьников, разумеется, только русских, и в процессе обучения старались привить им незатейливую идеологию воинственного робота. Таких клубов в Москве и в Подмосковье в середине 80-х годов было создано около дюжины (достаточно хотя бы вспомнить знаменитых «люберов»), и за всеми ними тенью стоял КГБ, готовя будущую гвардию уличных побоищ. Конечно, и тут все делалось грубо, с массой «проколов», а по мере высвобождения прессы из тоталитарных оков все эти клубы, попадая в луч общественного прожектора, начинали исчезать один за другим. В условиях гласности и свободы печати КГБ становилось все сложнее работать, а простые методы становились уж очень очевидными.

Еще в начале 70-х годов было создано общество «Память». Создано оно было кучкой энтузиастов в пику существующему в стране режиму. Главной целью общества было сохранение русской национальной истории, после ее семидесяти лет непрерывного изнасилования.

Задачи, которые поначалу ставило перед собой общество «Память», были благородными и, по тем временам, очень смелыми. Общество восстанавливало данные о разрушенных храмах, каковых только в Москве можно было насчитать не менее 300, а по России — десятки тысяч. Члены общества исследовали старые, заброшенные кладбища, находя могилы выдающихся русских политических, военных и общественных деятелей, чьи имена были сознательно забыты, а могилы — уничтожены, разграблены и осквернены.

Общество первым подняло вопрос о гнуснейшем преступлении ленинской банды — убийстве последнего русского царя вместе с женою и детьми, включая и несовершеннолетнего царевича Алексея. Общество первым вспомнило о выдающемся русском государственном деятеле Петре Столыпине и об обстоятельствах его подлого убийства в Киеве.

За все подобные изыскания в те времена можно было вполне схлопотать до 7 лет тюрьмы и 5 лет последующей ссылки. Что-либо легально опубликовать по этим вопросам было совершенно невозможно. Приходилось прибегать к самиздату, «ксерить» брошюры, изданные на Западе, входить в несанкционированные контакты с иностранцами. Другими словами, заниматься деяниями, предусмотренными статьей 70 УК РСФСР, относящей эти деяния к разряду особо опасных государственных преступлений. Потому неудивительно, что КГБ глаз не спускал с этой странной организации, быстро подвесив ей в своих официальных сводках ярлык «националистической».

По поводу общества «Память» мнения в тогдашнем 5-м управлении КГБ полярно разделились. Одни считали, что для отчетности было бы совсем неплохо арестовать несколько человек из руководства общества и вывести их на процесс по обвинению в клеветнических измышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй без признаков (или с признаками) измены Родине. Другие считали, что общество пока трогать нецелесообразно. Напротив, его необходимо профильтровать нужными людьми и повернуть в иное русло, а проще говоря, скомпрометировать. В данной обстановке это гораздо лучше, чем делать из них мучеников. Многие не понимают, что появление общества «Память» очень напугало власти, которые пуще огня боялись объединения русского народа на какой-нибудь светлой и красивой национальной идее, поскольку это немедленно создало бы мощный русский народный фронт наподобие уже созданных фронтов в национальных республиках, против которого власти были бы совершенно бессильны.

Поэтому было принято замечательное по своей простоте решение: повернуть общество на путь антисемитизма — проверенный годами путь, ведущий в никуда, но сулящий огромные дивиденды. Во-первых, все эти придурковатые чудаки, собирающие сведения о русских церквях, об уничтоженных священниках, о Столыпине и царе, сами убегут из «Памяти», увидев, на какой путь это общество встало, а во-вторых, что еще более важно, пусть от самого слова «русская национальная идея» пойдет такой смрад, что отобьет у кого-либо охоту собирать русские народные фронты с какой-либо иной целью, кроме борьбы с евреями.

Именно в это время в обществе «Память» появляются Баркашов и знаменитый Дмитрий Васильев. Шел 1985 год — именно тот год, когда КПСС реально поняла, что ей надо уходить с политической сцены. Иначе она рискует навсегда потерять свои власть, могущество и те несметные богатства, которые ей удалось в течение семидесяти лет выжимать из раздавленного, оплеванного и ограбленного народа. Подобное отступление по всем законам военного искусства необходимо было прикрыть дымовой завесой, чтобы никто не заметил трогательного расставания партии и народа, которые, по свидетельству развешанных по всей стране лозунгов, всегда были едины.

И «Память» пошла чадить черными клубами антисемитизма по методикам начала века, которые, пытаясь именно на евреев направить всю энергию народного гнева, разумеется, составлялись без учета существования государства Израиль, в те годы, как известно, не существовавшего, но существующего ныне. Для помощи боевому отряду, прикрывающему

подобными методами бегство любимой партии с награбленной добычей, были срочно перепрофилированы в нужном направлении журнал «Молодая гвардия», принадлежавший ЦК ВЛКСМ и «Наш Современник», принадлежавший идеологическому отделу ЦК КПСС, о чем мало уже кто помнит. Аналогичное задание было дано и нескольким провинциальным журналам, подкармливаемым КПСС, но у тех было мало фантазии и опыта в новом деле, так что они, в основном, занимались перепечаткой из столичных изданий.

Пока общество «Память», членам которого на деньги КГБ уже была пошита черная форма с портупеями, собирала шумные, хотя и немногочисленные, митинги, клеймя сионизм вообще и всех евреев — в частности, перепрофилированные журналы в виде поддержки с тыла и флангов развернули невиданную даже в дореволюционной России антисемитскую кампанию. Руководимые Героем Социалистического труда, бывшим ответственным работником ЦК Анатолием Ивановым, журналы, именуя себя «истинно Русской прессой», быстро переплюнули знаменитый «Штюрмер» Юлиуса Штрайхера, о котором даже Гитлер говорил «как о единственной форме порнографии, разрешенной в третьем рейхе».

На читателей обрушили все: от ритуальных убийств евреями христианских младенцев и протоколов сионистских; мудрецов до псевдонаучных статей Вадима Кожинова, утверждавших, что хазарское иго было ужаснее татаро-монгольского, поскольку хазары исповедывали иудаизм. На митингах и со страниц бывших коммунистических журналов набатом звучал призыв спасти Россию от жидов.

Подобные кампании в такой многонациональной стране, каким был Советский Союз, вели к дезинтеграции государства с гораздо большей стремительностью, чем некогда в Российской империи, которую разваливали теми же методами. Антисемитизм неразрывно связан с ростом русского национализма, а этот национализм, независимо от его тактической направленности, больно бьет по всем национальным меньшинствам и меньше всего по евреям, которые в настоящее время представляют собой почти единственное национальное меньшинство, имеющее государственное образование за пределами бывшего СССР. Возможно, что так оно и было задумано: те, кто запустил в середине 80-х годов мощную антисемитскую кампанию, ставили в качестве главной задачи ускорить развал Союза, а ныне трудятся над развалом Российской Федерации,

Если это не так, то налицо поразительный случай политической слепоты и неспособности разглядеть реальную угрозу на фоне выдуманной или навязанной мифической опасности.

Когда в 1991 году рухнул Советский Союз, все зарождающиеся фашистские и националистические группировки впали в состояние шока вместе со своими спонсорами и кураторами, а пущенный кем-то слух, что за спиной всех этих группировок стояли жидомасоны и израильская разведка, привел к расколу «всесоюзной „Памяти‟ и к первым разборкам по поводу истинной национальной принадлежности ее лидеров.

В самом деле, если евреями являются Ельцин, Козырев, Примаков и Собчак, то почему ими не могут оказаться тот же самый Васильев или Баркашов, выполняющий при Васильеве роль начальника штаба? В итоге Баркашов, посовещавшись с руководством, ушел из «Памяти», громко хлопнув дверью.

«Мы расстались с „Памятью‟ Васильева, — рассказывал позднее сам Баркашов, — когда поняли, что заниматься организацией по-настоящему он не может или не хочет. Одни и те же театрализованные представления в узком кругу или перед журналистами, одни и те же речи… Я так понимаю, что его все это вполне устраивало. Нам же нужна широкая, серьезная организация. Я, собственно, был вторым человеком в „Памяти‟, занимался конкретной работой с молодежью, охраной наших мероприятий, тиражированием и распространением пропагандистской литературы. Черновая, тяжелая работа, а потому и занимались этим наиболее преданные нашему делу люди. Они ушли вместе со мной…».

Впрочем, те, что ушли с Баркашовым, вскоре также раскололись. Добрую половину ушедших увел бывший друг и соратник Баркашова, Виктор Якушев, основав свой собственный «Национал-социалистический союз» (НСС).

Якушев, амбициозный и захваченный смелыми идеями будущего нацистского рабовладельческого государства, где истинными «арийцами» будут признаны не более 5% населения, явно метил в фюреры, кичась перед «недоучкой» Баркашовым своим высшим экономическим образованием и, видимо, забыв известные слова Гитлера, что он благодарит судьбу именно за то, что у него нет высшего образования. Сталин, кстати, тоже не имел высшего образования. Правда, судьбу за это никогда не благодарил. Идеи Якушева были настолько бредовыми, что Баркашов расстался с ним почти без всякого сожаления, даже начав подозревать, что его друг либо скрытый еврей, либо масон.

Кроме идейных мотивов, для раскола существовали и более весомые. После крушения Советского Союза КГБ резко сократил субсидии на организации подобного рода, недвусмысленно предложив им всем войти тем или иным образом в рынок. Дмитрий Васильев, склонный, как и всякий вождь, — к некоторой истеричности, откровенно обвинил спонсоров в предательстве и полной евреизации, а затем демонстративно отправился в Ярославскую область руководить «Русской фермой», выращивающей свиней (видимо, в пику евреям).

Некоторые бывшие члены общества «Память» разбежались по некоторым родственным группировкам, которые стали быстро размножаться путем деления из-за бесконечных финансовых и идеологических разногласий, предательства спонсоров, навязывающих им задачи, которые никто из них не собирался решать.

Совпавшая с этими событиями по времени таинственная гибель нескольких крупных «жидоборцев», включая и главного идеолога «антисионизма» Евсеева, а также внезапный приговор суда к тюремному заключению знаменитого Смирнова-Осташвили и его быстрая гибель в зоне, поданная как самоубийство, заставила несколько приутихнуть остальных, а вождей — обложиться со всех сторон телохранителями.

Именно в это время Баркашов создал партию «Русское Национальное Единство». Структура новой партии организационно копировала армейский полк, делясь на отделения, взводы и роты, сведенные пока что в батальон. В партии немедленно была введена военная дисциплина: младший по званию беспрекословно подчиняется старшему под страхом жесточайшего наказания, не исключающего и ликвидацию. Беспрекословная дисциплина обязана сочетаться с абсолютной преданностью делу. Был, естественно, разработан и строжайший «табель о рангах». Во главе партии стоял, как и водится, вождь, которому подчинялся «совет движения» из нескольких авторитетных соратников. «Соратник» — являлось высшим званием в партии, и их насчитывалось около 150 человек.

Если верить многочисленным статьям и интервью Баркашова, «соратники» — это люди, для которых не существует слов «не могу»: ни семья, ни работа, ни состояние здоровья не могут повлиять на готовность «соратника» выполнить приказ. Каждый из них возглавляет группу «сподвижников» от пяти до семидесяти человек. «Сподвижники» — это тоже достаточно надежные и преданные люди. «Сподвижник», наработав определенный стаж и доверие, имел шансы быть произведенным в «соратники». На низшей ступени иерархии — простой, как идеальный социализм Платона, — стояли «сочувствующие», не связанные столь жестокой дисциплиной и привлекаемые только, когда необходимо было продемонстрировать массовость движения на страх врагам и для получения ассигнований от спонсоров.

Безукоризненно была разработана система оповещения и сбора групп, позволяющая в короткое время собрать в любой точке Москвы до нескольких тысяч человек. Впервые большой сбор был опробован на практике во время августовского путча, но тут подвели кураторы, запутавшись от страха в обстановке. Еще накануне путча эти самые кураторы

попросили Баркашова опубликовать «от имени всех русских людей» требование ввести в стране чрезвычайное военное положение, приостановить деятельность органов высшей исполнительной и законодательной властей, создав при этом «временный государственный орган с чрезвычайными полномочиями из представителей армии, КГБ, МВД и граждан, проходящих службу в Афганистане». Тогда попытка превратить собственную страну в Афганистан провалилась, но все с оптимизмом смотрели в будущее.

Разумеется, такой военизированной организации необходима была униформа, и ее пошили. Это были черные рубашки с портупеями, черные бриджи, заправленные в высокие яловые сапоги. (Хромовые полагались только вождю). Не менее важной была и эмблема. Куратор из КГБ предложил без затей простую свастику, мотивируя это тем, что ни один символ не вызывает у евреев большего трепета, чем свастика. «Совет соратников», да и сам Баркашов, сильно колебались. Все-таки партия русского единства, а не союз бывших эсэсовцев. Символика хороша, но уж больно не национальна. У евреев трепет вызывает. Тут не поспоришь. Но и у русских эта эмблема тоже вызывает не очень положительные эмоции. Кроме того, свастику уже заездили разные малолетки из всевозможных фашистских «кружков»: разные там поклонники Салазара, Муссолини и легендарного харбинского фюрера русских фашистов Родзаевского. В партии Корчагина тоже свастика, хотя и с восемью лапками. У кого-то — с тремя.

«Петрович, — сказал куратор проникновенно Баркашову. — Так надо».

Насаждавший в своей организации железную дисциплину Баркашов столь же беспрекословно умел и подчиняться. Раз надо, что ж поделаешь!

Но все-таки добился права свастику слегка стилизовать. Крест составили из четырех ракетных боеголовок, а сами поперечные лапки чуть опустили вниз. Вроде это была и свастика, но все же не копия канонической немецкой. Позднее крест из четырех ракетных боеголовок без зазрения совести объявили «богородицкой звездой», а саму свастику самым древним и почитаемым русским символом. Впрочем, никто не возражал. Ведь сказал куратор «так надо». Куратор требовал мало, а давал много. Помещение «партия» получила прямо в здании Свердловского райсовета, чей председатель, Александр Семенов, занимавший до всенародного избрания на этот высокий пост должность начальника Бутырской тюрьмы, встретил баркашовцев с распростертыми объятиями. В выделенном помещении работали средства спецсвязи и факс, откровенно хранилось оружие.

Естественно, что такая организация должна была иметь и свой рупор. Куратор обеспечил регулярный выход двух газет: «Русский порядок» и «Наш марш» общим тиражом 185 тысяч экземпляров. Несмотря на явную убыточность, газеты выходили без перебоев и продавались по 2 рубля при себестоимости одного номера в 150 рублей. Но разве можно перевести на какие-то там деньги звучный набат партийных газет — этих «организаторов масс», как выражались (не сговариваясь) Ленин и Гитлер.

Газета «Русский порядок», в частности, писала:

«Наши черные рубашки и военизированная экипировка — это национальный волевой акт! Сегодня, когда разрушены все присяги, надевающий черную рубашку как бы присягает Отечеству и нации словами: „Россия или смерть!".

«Русскому порядку» вторил «Наш марш», которому границы России сразу показались тесными:

«Мы стоим за ортодоксальную национал-социалистическую организацию. Мы признаем Адольфа Гитлера нашим фюрером и стремимся продолжить дело, начатое им. „Майн кампф" — наша идеологическая база. Наша цель — воссоздание национал-социалистического рейха, и в конечном итоге — новый порядок в Европе, который обеспечит всем белым людям полноценную жизнь. Не может не тревожить тот факт, что мировое еврейство заменило не

слишком эффектную еврейскую тиранию, известную под словом „коммунизм", на более действенную, обозначенную термином „капитализм" и „свободный рынок"…»

Из номера в номер газеты писали о необходимости объединения ради спасения белой расы и приоритета коренной нации в России.

Их призывы были услышаны. Коренные нации в Татарстане, Казахстане, Грузии, Азербайджане и прочих бывших «братских республиках» развалившегося Союза быстро подняли голову и, объявив русских враждебным национальным меньшинством (а то и просто «оккупантами»), стали создавать для русских людей совершенно нетерпимые условия проживания и нормальной деятельности.

Но Баркашова и его «чернорубашечников», а равно и их кураторов, это мало интересовало. Их совершенно явной целью стало создание в стране обстановки хаоса.

«Мы будем единственной силой, — указывал Баркашов, — не считая, конечно, армии, способной поддерживать порядок на этой территории в условиях хаоса, который неизбежен. У нас есть специальные группы по контролю за системами водо-энерго-теплоснабжения, других жизненно важных объектов…»

Таким образом, пока одни готовили хаос, другие готовились взять его под контроль.

А пока необходима была интенсивная боевая и политическая подготовка. Боевики организации проходили выучку по каратэ и прочим дисциплинам рукопашного боя прямо в спорткомплексе «Динамо», а для упражнения в стрельбе «арендовали» тир МВД. При этом лихо вскидывали руку в партийном приветствии, правда, говоря вместо знаменитого «хайль!» — «Слава России!». И обращаясь друг к другу словом «товарищ».

Все было более чем откровенно, и особенно тот факт, что власти, отлично зная о существовании РНЕ, никак ее деятельности не препятствовали и даже поощряли, предоставляя центральные газеты для того, чтобы Баркашов мог высказать свои взгляды.

И он высказывал их, не стесняясь.

«В России существует только, и прежде всего, „русский вопрос". После 1917 года, воспользовавшись временной слабостью нации и государства, огромное количество лиц еврейской национальности устремилось к власти и захватило высшие рычаги управления государством и среднее звено. После этого они учинили массовый террор и геноцид русского народа… Поэтому им лучше уехать отсюда, пока не поздно», — говаривал Баркашов корреспондентам столичных газет, повторяя слово в слово сказанное известным писателем Валентином Распутиным. Кто кого повторял, неизвестно, но то что оба регулярно читали журнал «Молодая гвардия» и инструктировались в одном офисе — не требует доказательств.

Глобальная борьба с мировым еврейством, как и всякая глобальная задача, затемнялась повседневными заботами.

На содержание организации нужны были деньги. Вначале КГБ тратило доставшиеся ей по наследству деньги КПСС с присущей этой конторе лихостью, не забывая никого из своих подопечных. Но постепенно и в КГБ проникли рыночные настроения, жестко диктующие необходимость прекращения столь неслыханного мотовства. Баркашову было предложено пустить выделенные ему деньги в оборот. Другими словами, воину было предложено заняться торговлей, от чего явно исходила опасность евреизации.

Но делать было нечего. Деньги пропустили через Нижегородскую биржу и несколько «родственных» банков, получая, не ахти, правда, какие дивиденды. Кроме того, достаточное количество молодых и натренированных парней, одетых в пугающую униформу, было просто грешно не использовать в таком прибыльном деле, как рэкет, и не только зарабатывать себе на существование, но и кое с кем делиться. Поэтому его боевикам пришлось в свободное от политзанятий и тренировок время «сторожить» ненавистные «жидовские» коммерческие фирмы и ларьки, отпугивая от них дикий московский рэкет.

Сами рэкетиры относились к РНЕ как к более сильной мафиозной структуре, правильно поняв, что ни одна столичная преступная группировка не была столь прекрасно организована и военизирована. С баркашовцами остерегалась портить отношения даже чеченская группировка, не боящаяся самого дьявола. Поэтому мелкие палатки и ларьки, разбросанные, главным образом, в районе Кремля, без напоминаний выплачивали будущим спасителям России установленную дань.

Сам председатель Свердловского райсовета Александр Семенов, когда его «достали» корреспонденты бесконечными вопросами «на каком основании в здании райсовета развернут штаб военизированной фашистской группировки», заключил с Баркашовым договор на охрану здания Свердловского райсовета и стал платить им зарплату.

Не менее важным делом была консолидация партийных кадров. При РНЕ была создана служба безопасности, которую возглавил Александр Кочетков, занимавший по совместительству должность редактора «Русского порядка». Для начала из «партии» выгнали всех монархистов, пришедших вместе с Баркашовым из «Памяти». Затем — тайных агентов Дмитрия Васильева, которых набралось немало. Ненависть к Васильеву росла, поскольку через РНЕ стала распространяться информация о том, что Васильев — не только еврей, но и гомосексуалист. Следующими стали беспощадно гнать «рассуждающих» независимо от темы рассуждений, а «соратников» разделили на две категории — старую и новую гвардию, как в армии Наполеона. После чистки «соратников» осталось 250 человек.

Почти все оказались проверенными в реальной боевой обстановке.

Группы баркашовцев посылались в «горячие точки», сражались в Приднестровье, в Карабахе, в Абхазии и даже в Сербии. За баркашовцами были закреплены боевые позиции вблизи одного из сербских сел. Воевали они «вахтенным методом», сменяющимися через месяц отделениями по 12 человек. За два года войны практически все «соратники» прошли там школу боевой выучки. Их переброской в Сербию официально занимался постоянный представитель одной из югославских фирм, живущий в Москве. Служа прикрытием, он как бы посредничает при получении загранпаспортов, оформляет боевиков туристами и выплачивает каждому из них по триста немецких марок «подъемных».

Решив, таким образом, финансовые и организационные вопросы, а также вопросы, связанные с боевой и политической подготовкой, РНЕ постепенно преодолевало необходимость самоизоляции и осторожно искала союзников. В мире все процессы идут одинаково: сперва деление, затем попытки слияния и так до бесконечности.

Хотя Баркашов и считал Илью Константинова «перекрасившимся еврейчиком», но не брезговал сидеть в президиумах на собраниях ФНС, а его «соратники», со свастиками на рукавах, стояли в почетном карауле, создавая всем партиям, входящим в ФНС, соответствующий имидж.

ФНС, как и всякое искусственное образование, потрясали внутренние противоречия, поскольку самые оголтелые безумцы, собравшись вместе, сразу делятся на радикалов и умеренных и служат легкой добычей для провокаторов всех мастей.

На последнем собрании ФНС Баркашов открыто обвинил всех присутствующих в «полной евреизации» и неспособности чем-либо заниматься, кроме словоблудия. Началась разборка: а чем, собственно занимается он сам? Мосты взрывает или пускает под откос поезда?

Было ясно, что международный сионизм уже накрыл своей сетью и ФНС, а потому «пребывание в нем оказалось несовместимым с высокими идеалами „Русского национального единства‟. По слогу баркашовских документов становилось очевидным, что один из его „соратников‟, сочиняющих заявления и призывы, ранее работал в отделе печати и информации где-нибудь в отделе печати и информации при ЦК ВЛКСМ.

Более-менее отношения складывались только с «Союзом офицеров» Терехова. Ультраправые группировки всегда тяготеют к армии, «слиться в экстазе», чему постоянно препятствуют ревнивые спецслужбы-кураторы. И это, кстати, не только в России.

КГБ деликатно, но непоколебимо перекрывал возможные контакты РНЕ с армией. Нежные мозги нашего офицерского корпуса могли не устоять перед искушением заменить красную звезду на «богородицкую», и тогда бед было бы не обобраться. КГБ хитро и ненавязчиво блокировал все каналы, по которым Баркашов пытался установить связи с армией, оставив ему возможность контакта лишь с «Союзом офицеров» подполковника Терехова. Да и тут не обошлось без трений. Весь офицерский корпус бывшей советской армии был воспитан на традициях Второй мировой войны и вид свастики, которая, по замыслу идеологов РНЕ, должна была вызывать трепет у евреев, их тоже не вдохновлял на подвиги. Офицерский корпус сверху донизу был слишком красным, а баркашовцы — слишком коричневыми и стихийное создание красно-коричневого устойчивого гибрида оказалось сложнее, чем многие думали.

Представители высшего армейского командования при виде свастики просто теряли самообладание. Многие из них были участниками Второй мировой войны, и сам вид свастики не вызывал у них других желаний, кроме желания немедленно открыть огонь. Это же касалось и ветеранов, устраивающих шумные шествия под «серпасто-молоткастыми» знаменами с портретами Ленина и Сталина, которые поначалу глотали пригоршнями валидол, когда в их колоннах неожиданно поднималось знамя со свастикой. Люди Баркашова терпеливо объясняли всем, желающим слушать, что свастика — это древний славянский символ, а у них на знамени и на рукавах вовсе не свастика, а «богородицкая звезда». Что такое «богородицкая звезда», плохо понимали не только ветераны, но и священники. Для многих поначалу было откровением даже то, что люди Баркашова — русские, а не заезжая банда из Германии.

Сам Баркашов к особой популярности не стремился. «Мое время еще не пришло, — говаривал он. — Но оно не за горами».

Телефонный звонок, раздавшийся в его штабе утром 22 октября, прозвучал набатом, и дал понять Баркашову, что его время настало.

Однако это его ничуть не обрадовало. Он стал быстро соображать, как объяснить «Совету „соратников“ столь резкую перемену планов. Ведь еще ночью было решено ни во что не ввязываться, а спокойно наблюдать, как обе стороны будут уничтожать друг друга морально и физически.

После недолгого раздумья выход был найден. «Нам предоставляется уникальная возможность раздобыть, и притом совершенно бесплатно, сколько угодно оружия из запасов Белого Дома». Это для совета. А с остальными можно не церемониться. Приказ вождя давно уже никто не смел обсуждать в РНЕ.

09:10

Сергей Бабурин никогда не чувствовал ранее такого прилива творческого вдохновения. Когда было объявлено о продолжении сессии Верховного Совета, он попросил слово одним из первых. В зале собралось около 120 человек. Все выглядели возбужденными и энергичными, несмотря на то, что многие провели бессонную ночь. На пустующих местах и на галерке собралось много посторонних людей, среди которых выделялась большая группа коммунистов во главе с Геннадием Зюгановым, который, не будучи депутатом, последнее время просто не вылезал из Белого Дома, инстинктом чувствуя приближение того самого

хаоса, в котором коммунисты, как стервятники, всегда устраивают себе черное пиршество. Рядом с ним, что-то возбужденно рассказывая, сидел лидер фракции коммунистов в Верховном Совете Иван Рыбкин — бывший 2-й секретарь Волгоградского обкома КПСС, взлетевший в свое время вверх на знаменитой революции «вторых секретарей», инспирированной Михаилом Горбачевым.

Бросалось в глаза большое количество людей в камуфляже без знаков различия. Все они были, как правило, среднего или даже почтенного возраста, и «камуфляж» на них выглядел как-то странно, наподобие современной маскировочной сетки на пушке Бородинского боя.

Лидер «Фронта национального спасения» Илья Константинов сидел, откинувшись в кресле, скрестив руки на груди. Временами он теребил бороду, выдавая свое возбуждение.

Аудитория обязывала к сильному, в духе момента, выступлению, и Бабурин не разочаровал ожидания слушателей.

Темой его выступления было оглашение документа, именуемого «Законом о внесении изменений и дополнений в УК РСФСР», полностью отвечающим потребности дня. В новом законе, представленном Бабуриным на суд народных депутатов, предусматривалось в качестве ответственности за действия, направленные на насильственные изменения «конституционного строя», лишение свободы на срок от 6 до 12 лет, а если действия имели тяжкие последствия или были совершены должностным лицом — лишение свободы на срок от 10 до 15 лет или смертную казнь с конфискацией имущества.

Таким образом, президент Ельцин уже подпадал под расстрел с конфискацией имущества, что вызвало овацию в зале.

Театрально наклонив свой лик провинциального Мефистофеля, Бабурин переждал овацию и радостные крики народных избранников, а затем приступил к прочтению второго документа, который был не менее жестким, чем первый.

Это был проект постановления Верховного Совета «О неотложных мерах по преодолению антиконституционного государственного переворота». В нем, в частности, предлагалось органам прокуратуры провести следствие и привлечь к уголовной ответственности всех должностных лиц и граждан, «способствовавших подготовке государственного переворота». Этот документ Бабурин готовил в соавторстве с профессором юриспруденции из Екатеринбурга Владимиром Исаковым, которого когда-то Собчак, приняв за дурака, назвал «провинциальным стряпчим». В ответ профессор Исаков, в соавторстве с другим «провинциалом» Бабуриным, составил закон, позволяющий немедленно арестовать профессора юриспруденции Собчака и расстрелять его с конфискацией имущества. Как, впрочем, и любого другого. Широкое толкование термина «способствовавших» авторов документа нисколько не смущало, тем более, что отравленные ядом человеконенавистнических коммунистических идей, они взяли этот термин прямо у Ленина, который в порыве такого же вдохновения призывал расстреливать не только «способствовавших», но и «способствовавших способствующим». Но до таких высот права «провинциалам» было еще не подняться.

Далее в проекте постановления говорилось, что «действия граждан и трудовых коллективов по защите конституционного строя» не только не должны преследоваться, но администрация предприятий еще и обязана оплатить им прогулы, совершенные по этой причине.

Оба документа депутаты приняли единогласно под громкие аплодисменты, как свои собственные, так и присутствующих в зале гостей.

Сорвав еще раз аплодисменты, Бабурин, не снимая с лица своей демонической улыбки, сел на место, уступив микрофон самому Хасбулатову.

Остыв от аплодисментов, депутаты заметили что в зале нет нового президента, Руцкого. Как бы отвечая на немой вопрос, спикер сообщил, что Александр Владимирович занят важнейшими государственными делами, которые мешают ему принять участие в работе парламента.

Далее Хасбулатов с возмущением поведал, что отключена внутренняя телестанция Белого Дома, но он уже послал депутата Лисова в «Останкино» напомнить телевизионщикам об их конституционном долге. Тем более, что, по его данным, часть сотрудников телекомпании выступила против своего продажного руководства и готова плодотворно сотрудничать с Белым Домом. А кто еще не определился, того немного протрезвят только что принятые закон и постановление. «Мало кто захочет быть расстрелянным с конфискацией имущества», — рассмеялся Руслан Имранович, вызвав здоровое оживление в зале.

«Сегодня, — подчеркнул Хасбулатов, — главная задача руководителей Верховного Совета — максимально быстро созвать внеочередной съезд народных депутатов, на котором можно было бы отстранить президента от должности. В фойе Белого Дома начата регистрация депутатов».

Но твердой уверенности в том, что удастся быстро собрать необходимый кворум, ни у кого не было. Из Кремля уже последовало разъяснение, что депутаты съезда смогут прибыть в Москву только как частные лица, то есть за свой счет. Хорошо знающий своих коллег Хасбулатов очень сомневался, что многие из них захотят это делать. Тем более, у него были сведения о начавшейся «перекупке» депутатов Верховного Совета и съезда, которым обещаны теплые места в системе президентской власти.

Селекторная связь в Белом Доме была отключена.

Хасбулатов послал своего заместителя Агафонова в Министерство связи, чтобы провести селекторное совещание с руководителями регионов. Но не было никакой уверенности, что Агафонову позволят это сделать.

10:00

Основной ставкой, которую делал Руцкой, приняв участие в этой, мягко говоря, авантюре, была полная уверенность, что его поддержит все (или, по крайней мере, большая его часть) мировое сообщество. На чем основывалась эта уверенность, сказать трудно. Однако, каким бы узким ни был кругозор бывшего летчика, он все-таки знал, что вся Европа живет по старому римскому правилу: «Пусть гибнет мир, но торжествует закон!» Он знал также, с каким почти религиозным чувством американцы относятся к своей конституции. Из этого совершенно не вытекало, что американцы столь же свято будут относиться к любой другой конституции, включая «брежневскую», по которой продолжала жить свободная Россия. Но Руцкой был уверен, что так оно и будет.

Просматривая пришедшие сообщения по линии ИТАР-ТАСС и других информационных агентств, Руцкой мог убедиться, что его надежды оказались несбыточными.

Оказалось, что, в отличие от августа 1991 года, когда лидерам большинства зарубежных стран потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить бурные события в Москве и выступить с неофициальной реакцией, на этот раз они определились очень быстро. Это объяснялось, главным образом, тем, что за час до выступления Ельцина по телевидению министр иностранных дел России Андрей Козырев пригласил послов семи ведущих стран Запада: США, Японии, Германии, Франции, Великобритании, Италии и Канады — и сообщил им о намерении президента распустить съезд и Верховный Совет с назначением новых выборов президента и парламента на 12 декабря.

Одними из первых на события в Москве откликнулись Соединенные Штаты. Президент США Билл Клинтон заявил о полной поддержке Бориса Ельцина. Решение российского президента о роспуске парламента одобрили Франция, Великобритания, Япония, Германия, Испания, Норвегия, Швеция, Чехия, Нидерланды, Австралия, Казахстан, Эстония, Молдова и Туркмения.

Прочитав слово «Туркмения», Руцкой какое-то мгновение не мог сообразить, о каком государстве идет речь. А потом понял подлый прием подачи информации: в список государств мира воровски включили и страны СНГ, чтобы список казался солиднее и длиннее.

Не определил свою позицию Китай. В Пекине официальный представитель Министерства иностранных дел отказался ответить, кого — Ельцина или Руцкого — китайское руководство считает президентом России.

Патриарх русской православной церкви Алексий II, находящийся в США, воздержался от комментариев, сославшись на недостаток информации.

Все телеграфные агентства отмечали, что единственным человеком за пределами России, выступившим с открытым осуждением Ельцина, оказался пока Михаил Горбачев. Бывший президент Советского Союза, совершающий поездку по Италии, назвал действия Ельцина «безрассудными и антиконституционными». Горбачев заявил, что прерывает итальянское турне и срочно возвращается в Москву.

Вслед за первыми обобщенными сообщениями уже подходили подробности.

Корреспонденты передавали из Вашингтона:

«По мере появления новых сообщений о мерах, предпринимаемых противниками Бориса Ельцина для его устранения, интонация американской администрации становится определеннее. А после того, как президенты США и России провели 15-минутную телефонную беседу, полная поддержка Ельцина со стороны США стала свершившимся политическим фактом.

Строго говоря, гарантии, которые потребовал Билл Клинтон, содержались уже в самом публичном заявлении российского лидера. Для Белого Дома принципиально важно было получить однозначное «да» всего на два вопроса. Первый: состоятся ли вскоре выборы в парламент? Второй: будут ли они честными и демократическими? Ответы Ельцина были не только положительными, но и убедительными. По мнению госсекретаря Уоррена Кристофера, последние события делают еще более настоятельным решение сената США в пользу скорейшего предоставления экономической помощи Москве. Эксперты в Вашингтоне полагают, что международное признание Александра Руцкого в качестве президента России вряд ли осуществимо, как в ближайшее время, так и в обозримой перспективе…»

«Сволочи!» — прошипел сквозь зубы Руцкой, и только усилием воли заставил себя читать дальше.

«Официальная реакция Лондона на меры, предпринятые Ельциным, не оставляет сомнений, на чьей стороне правительство Великобритании. По словам высокопоставленных сотрудников аппарата премьер-министра Джона Мейджора, „Ельцин — реформатор, поэтому мы поддерживаем его, и у нас нет оснований медлить с признанием этого“. В том же духе высказался министр иностранных дел Дуглас Хэрд. „Президент Ельцин полностью прав, — заявил он. — Его демократический мандат намного убедительнее, чем у парламента. Съезд постоянно пытался мешать реформам. Сейчас еще только начало, но шансы Ельцина выглядят неплохими“.

Через все это совершении явно проступал сговор международного империализма против наиболее здоровых сил России. Сговор, начавшийся в 1989 году и продолжающийся до сих пор.

Но это было еще не все. Корреспондент ТАСС передавал из Парижа:

«Прошло немногим более двух часов после выступления Бориса Ельцина по российскому телевидению, как последовала первая реакция Парижа. В отсутствие президента Миттерана, который находится в Польше, министр иностранных дел Ален Жюппе отметил, что именно Ельцин был избран главой государства законным и демократическим путем и одержал победу на апрельском референдуме. Жюппе выразил надежду на победу российских реформаторов, которые готовы снова провести выборы. Однако, премьер-министр Эдуард Балладюр занял более осторожную позицию, заявив о необходимости подождать развития событий в России».

В сводку из Франции попало также и интервью газете «Фигаро», данное Александром Солженицыным. В свое время писатель потряс весь мир своим «Архипелагом ГУЛАГ» и нанес такой удар коммунистической системе, от которого она так и не сумела полностью оправиться. Высланный из страны по приказу старцев из Политбюро, Солженицын с тех пор жил в Америке и, несмотря на все происходящие в России перемены, демонстративно отказывался вернуться на Родину, время от времени пересылая в Москву советы через мировые информационные агентства. За день до выступления Ельцина он, оказывается, сказал (уж, не был ли предупрежден?):

«Ельцин должен был распустить парламент, который настоящим парламентом не является, и достался в наследие от старого режима… Борис Ельцин — человек искренний и мужественный. Он продемонстрировал эти качества, когда одним из первых покинул коммунистическую партию и во время августовского путча. Но в дальнейшем Ельцин совершил много серьезных ошибок, главной из которых было то, что он не покончил с существовавшей тогда политической системой…» В словах писателя явно сквозила надежда, что вскоре президент эту ошибку исправит.

Не лучшие вести доходили и из так называемых стран СНГ. Истерические призывы Хасбулатова, и Руцкого к восстановлению СССР, конечно, не могли не сказаться на взглядах местных президентов и председателей, теперь горой вставших за Ельцина.

В Казахстане президент Нурсултан Назарбаев официально заявил, что «процесс реформ в России, наталкивающийся на серьезные противоречия, требовал определенных и решительных мер. В связи в этим действия президента Ельцина воспринимаются нами как один из путей выхода из политического тупика».

В Белоруссии председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич оценил указ Бориса Ельцина как «верный шаг».

В Молдове президент Снегур сообщил, что относится к действиям президента Ельцина положительно, считая, что он поступил «мудро и справедливо».

Президент Украины Кравчук, тот просто пришел в восторг от указа Ельцина, заявив, что все это нужно было делать «на полгода раньше».

Конечно, трудно было ожидать, что бывшие друзья Ельцина по политбюро ЦК КПСС поступят иначе и хором не поддержат своего дружка, с кем вместе они разваливали СССР. Но все равно было досадно.

Слава Богу, совсем иные отклики идут из разных краев России.

В Кемерово уже прошло заседание Малого областного совета. Глава местной администрации М. Кислюк оценил указ президента и его обращение к народу как выход «за рамки правового пространства». Правда, он осудил и Верховный Совет за поспешные действия по отстранению Ельцина от должности.

Зато в Челябинске Малый совет облсовета объявил указ Ельцина «неконституционным и не подлежащим исполнению на территории Челябинской области. Челябинский областной комитет по защите Конституции и советской власти обратился к местным средствам массовой информации с призывом выступить на защиту конституционного строя».

Во Владимире Малый совет, заседавший всю ночь, назвал указ Ельцина «антиконституционным, направленным на узурпацию власти», и призвал Ельцина отказаться от реализации указа.

В Благовещенске председатель Амурского областного совета Белоногов расценил указ Ельцина как «противоречащий Конституции».

Во Владивостоке глава администрации Приморского края Е. Наздратенко, мечтавший о власти наместника, обрушился на обе ветви власти и заявил, выступая по радио: «…по вине центра Приморье оказалось в сложной ситуации. Фактически правительство отделило край от России. Если в стране будет продолжаться политическая вакханалия, мы примем решение, что должны самостоятельно поработать, пока в Москве разберутся, кто главнее и важнее».

А в Санкт-Петербурге, оказывается, успел высказаться только академик Дмитрий Лихачев. Престарелый патриарх русской демократии распространил следующее сообщение: «Война властей не может служить базой для управления государством, а мы, граждане, не можем ждать, наблюдая, когда же одна из ветвей власти победит другую в схватке. Поэтому президент поступил правильно, взяв инициативу в свои руки и назначив выборы. Я уверен: в данном случае все устроится. Господь хранит Россию… Надо предоставить народу право самому определить свою судьбу. А ссылки на брежневскую конституцию, по крайней мере, наивны».

Правда, уже был гонец из Петербурга, прилетевший в Москву ночным рейсом. Он сообщил, что Петросовет, где верховодят (как, впрочем, и везде) бывшие коммунисты, почти целиком против указа Президента. Вице-мэр северной столицы вице-адмирал Щербаков, который столь ретиво поддержал Ельцина в августе 1991-го года, ныне готов лично возглавить вооруженный поход на защиту Верховного Совета и Руцкого. Правда, на это не надо серьезно рассчитывать. Адмирал, изнеженный в роскошных кабинетах Мариинского дворца и Смольного, конечно, не ахти какой вояка. Но к его мнению в городе прислушиваются, а созданный им, так называемый, теневой генеральный штаб разработал уже несколько вариантов захвата власти в ситуациях, подобно сложившейся.

Кроме того, в Москву почти полным составом готовы выехать бойцы бывшего Прибалтийского ОМОНа, осевшие после вывода из Прибалтики на одной из военных баз Карельского перешейка. К ним присоединятся многочисленные добровольцы из праворадикальных группировок города и, конечно, ведущий программы «600 секунд» Александр Невзоров, желающий лично объявить в эфир о свержении узурпатора Ельцина и восстановлении нашей общей родины — Союза Советских Социалистических Республик.

В принципе, картина складывалась следующим образом: все дальнее и ближнее зарубежье поддерживают Ельцина, но Россия — совсем наоборот. Имеются сведения, что практически все советы откажутся признавать указ No 1400, подписанный 21 сентября. А советы — это сила!

В кабинет влетела раскрасневшаяся Сажи Умалатова:

— Александр Владимирович, надо выйти к народу. Там, на площади, собралось уже несколько тысяч. Они готовы защищать наше дело. Нет отбоя от добровольцев!

Именно в этот момент выходить к народу Руцкому совсем не хотелось, тем более он отлично знал, что за *народ* ныне привели на площадь Анпилов и Уражцев.

Пообещав вскоре выйти на балкон, Руцкой, достав справочник, стал звонить в посольство Соединенных Штатов, которое находилось тут же, на Краснопресненской площади. Если бы не плотные шторы на окнах, Руцкой мог бы видеть в окно здание посольства.

На обычные звонки отвечал дежурный, как правило, русский, работающий по найму и получающий зарплату и в посольстве, и в КГБ. Но особый справочник давал возможность дозвониться непосредственно до посольских работников, включая самого посла. Как

президент России, Руцкой мог дозвониться непосредственно послу, но не стал этого делать, а попытался связаться с пресс-атташе. Кто-то поднял трубку и ответил по-английски. Английского языка Руцкой не знал, а потому по-русски попросил господина Джозефа Козецкого, которого знал лично. После ответа параллельный президент побагровел и бросил трубку. «Господин Руцкой, мы не уполномочены вести с вами никаких переговоров».

Бросив справочник в ящик стола, Руцкой встал и упругой походкой направился на балкон Белого Дома общаться с народом.

11:00

Сопредседатель «Фронта национального спасения» Илья Константинов вернулся в зал заседаний Верховного Совета возбужденный от только что произнесенной с балкона речи. В общем-то, это была даже не речь, а набор лозунгов на тему «Наше дело правое — победа будет за нами!» Роль народного трибуна очень нравилась Константинову, но в его пламенных речах всегда чего-нибудь не хватало. Не было в них погромной лихости, свойственной речам Виктора Анпилова, не было макашовской чугунности, подтвержденной трехзвездными генеральскими погонами, не было экзальтированной истеричности Сажи Умалатовой.

Со стороны всегда казалось, что Константинов кого-то уговаривает, как школьник, который очень хочет получить пятерку, не зная толком, о чем говорит. Не помогала ему и наигранная развязность, и столь же наигранная бравада, порожденная полной безнаказанностью. Бабурин относился к нему со снисходительной вежливостью, генерал Макашов — как к слишком говорливому выскочке из нижних чинов, Хасбулатов — с известной подозрительностью, а что касается Баркашова, то тот откровенно считал Константинова евреем и не скрывал этого. Это было обидно, поскольку сам Константинов не любил евреев с рождения. Однако, это ничего не доказывало. Владимир Вольфович Жириновский тоже не любил евреев, но его, тем не менее, все — до президента включительно — считали евреем, а баркашовцы даже демонстративно покидали зал, когда в нем показывался Жириновский. К Константинову они так жестоко не относились, но в их тайных списках Илья числился кандидатом на интернирование и последующую высылку в Израиль.

Немалую роль тут играло то, что Константинов не был москвичом, а был ленинградцем. Этот город, хотя и переименованный ныне в Санкт-Петербург, все равно оставался рассадником крамолы и форпостом космополитизма, где все, казалось, совершенно четкие понятия были перевернуты с ног на голову.

В былые времена Константинов дал о себе знать как ярый антикоммунист. Но уже тогда его антикоммунизм имел довольно явную антисемитскую окраску, что придавало ему оттенок оригинальности. В Ленинградском университете, где Константинов учился на экономическом факультете, он приобрел в вечно фрондирующей студенческой среде репутацию экстремиста, который не видел никакой возможности изменения дел в стране иначе, как методом массовых расстрелов без суда и следствия, призывая бороться с коммунистами их же методами. Иначе, подчеркивал он, все погрязнет в словоблудии. Чтобы его самого не обвинили в словоблудии, Константинов сколотил нечто вроде террористической организации во имя освобождения Родины. Разумеется, вся «организация» тут же попала в лапы КГБ, которому никогда не было нужно само преступление, а только намерение его совершить, что абсолютно ясно разъяснила знаменитая 15-я статья УПК. Именно через эту 15-ю статью все дружки Константинова были посажены, но он сам остался на свободе, дав очень много пищи для размышлений всем, кто его знал.

Правда, ему пришлось расстаться с работой экономиста и устроиться кочегаром в котельную при музее Революции, что в особняке Кшесинской. Место более чем странное для человека, проходящего по делу о терроризме. Тем более, что мощнейшее содружество «кочегаров и сторожей» последних лет коммунистической эпохи нуждалось в фильтрации даже более, чем любая террористическая организация.

Во времена великого горбачевского отступления Константинов появился на городской политической сцене, выступая на митингах «Демократической России» под крылышком знаменитой «тетушки Салье», которую партия перебросила в арьергард своих отступающий колонн. Таким образом, Константинов въехал в политику на «Демплатформе» точно также, как и его суровые коллеги по Верховному Совету: Бабурин, Павлов, Исаков и многие другие, которыми недремлющий КГБ успел нафаршировать аморфно-субтильное демократическое движение. Каждый просто должен был доказать своей энергией и многими другими качествами, что оказался достойным оказанного ему высокого доверия.

В разгар всех этих событий Константинов неожиданно перебежал от тетушки Салье в Христианско-демократическую партию Виктора Аксючица. Злые языки поговаривали, что он это сделал вовсе не из идейных побуждений, а из желания быстро и практически бесплатно получить автомашину, которыми снабжали Аксючица растроганные до слез христианские демократы Запада. Так это или нет — в принципе, не имеет большого значения, по справедливости ради необходимо отметить, что ХДС была гораздо ближе Константинову по духу, нежели интеллигентно-иудейское окружение Марины Салье, идейной платформой которой было что-то вроде салонного антикоммунизма, если можно так выразиться.

Что касается христианских демократов, то они, равно как и либеральные демократы Владимира Вольфовича Жириновского, представляли собой группировки, ничего общего не имеющие со своими аналогами на Западе, от которых поначалу не гнушались получать все виды вспомоществования, включая и так называемую «гуманитарную помощь». Обе партии представляли собой вождистские формирования полуфашистского типа и по мере развития своей деятельности постоянно сдвигались вправо, смыкаясь с самыми оголтелыми группировками, которые даже сами себя стеснялись называть партиями, поскольку являлись по существу и по форме бандформированиями, процветающими благодаря полному официальному безразличию властей и их неофициальной поддержке.

Сквозь эти мутные волны Константинову удалось пробиться на выборах в Верховный Совет, используя еще хорошо работающую антикоммунистическую риторику и затасканное от частого употребления слово «народ». Историческим кумиром Константинова был предпоследний русский царь Александр III, и Константинов даже внешне пытался походить на всероссийского самодержца, хотя ростом был почти наполовину меньше оригинала, но тем не менее, носил бороду, которую носил его кумир, еще будучи наследником престола.

Однако, если первым правилом императора Александра III было обеспечение строгого полицейского порядка в России, у которой, по его словам, единственными союзниками были лишь ее «армия и флот», то Константинов, напротив, с первых же дней своего пребывания в Верховном Совете делал все возможное, чтобы тем или иным способом дестабилизировать обстановку, если не по всей России, то уж, по крайней мере, в Москве. Что касается родного города Петербурга, то там Константинов предпочитал практически не появляться, поскольку у его избирателей накопилось к нему столько вопросов, что только совершенно не работающая процедура отзыва депутатов позволяла ему сохранять свой мандат.

Во всяком случае, всякие разговоры о будущих выборах, а уж тем более — о досрочных, вызывали в нем вполне понятное чувство раздражения, быстро переходящее в ярость, как всегда бывает у склонных к хулиганству натур при осознании собственной не только безнаказанности, но и неприкосновенности.

Конечно, не следует забывать, что крушение империи повергло в шоковое состояние многих людей, заставив их быстро изменить свои взгляды, сформированные в период, когда им казалось, — что они ведут борьбу с КПСС, хотя, как позднее выяснилось, эту борьбу КПСС оплачивала из собственных средств.

Как бы то ни было, но попав в Верховный Совет, Константинов сразу же вступил в ряды так называемых «державников», основным занятием которых поначалу было устраивать по любому поводу истерические плачи по почившей империи. А поскольку «державники» отказывались признавать, что СССР умер собственной смертью, то постоянно требовали найти и примерно наказать убийц рабоче-крестьянского царства. Более всего доставалось при этом «Беловежским заговорщикам» во главе с президентом Ельциным, которых некоторые призывали судить чуть ли не международным трибуналом, а другие (и Константинов, естественно, был в их числе) — расстрелять без суда и следствия.

Давая как-то интервью по телевидению, Константинов, на вопрос корреспондента, как он понимает собственные слова «расстрелять Беловежских заговорщиков без суда и следствия», пояснил, что он послал бы в Беловежскую пущу роту автоматчиков, чтобы арестовать Ельцина, Кравчука и Шушкевича. Рота имела бы приказ: в случае, если указанные лица вздумали оказать сопротивление, открыть огонь на поражение.

Правда, когда все это действительно происходило, Константинов, еще не придя в себя от обрушившихся на него как на депутата льгот, послушно проголосовал за ратификацию Беловежских соглашений, даже не помышляя кого-либо арестовывать и расстреливать. В этом же интервью, отвечая на вопрос, считает ли он возможным, чтобы еврей когда-нибудь стал президентом России, ответил «Почему нет?» И чуть не погубил всю свою дальнейшую карьеру в оппозиции. После ему пришлось долго объяснять, что он ответил подобным образом только потому, что вообще против президентского поста и прикладывает все усилия, чтобы добиться отмены «как не оправдавшего себя». Это убедило далеко не всех, но кипучая деятельность Константинова, ставшего одним из активнейших представителей «непримиримой оппозиции» и не чурающегося самой черной работы во имя свержения «оккупационного режима», не могла уже игнорироваться другими крупными и мелкими вождями. Тем более, что Константинов упорно работал по сплочению «непримиримых» в единый блок.

Задача была трудная. «Непримиримых» также раздирали непримиримые противоречия. Одни не желали иметь ничего общего с коммунистами, другие — всех, кроме себя, считали сионистами, третьи требовали оставаться в рамках парламентской борьбы, в то время как четвертые более всего на свете хотели пострелять. И только коммунисты Геннадия Зюганова, по традиции, готовы были примкнуть к кому угодно, лишь бы восстановить утраченные, благодаря предательству КПСС, свои былые позиции в обществе. В былые времена эти позиции удавалось поддерживать, только опираясь на карательный аппарат КГБ. Ныне теоретик Зюганов видел будущее своей партии в опоре на военизированные фашистские группировки.

Поистине титанические усилия и бесконечные компромиссы Константинова (ему гораздо тяжелее было сесть в один президиум с Зюгановым, чем Зюганову — с ним. Тому это было безразлично — лишь бы сидеть в президиуме) привели к тому, что 24 октября 1992 года ему удалось собрать на учредительный съезд «Фронта национального спасения» почти все партии и группировки, которые к этому моменту удалось создать различным отделам КГБ и подпольным обкомам. Тут был и «Совет патриотических сил», и «Русский национальный собор», и «Национально-республиканская партия» Николая Лысенко, в свое время выгнанного из «Памяти» за «бытовой антисемитизм», и «Русская партия» Корчагина, и «Партия русского национального единства», и, разумеется, коммунисты всех мастей и оттенков: от ярко-красного до темно-коричневого.

«Цветом нации» назвал Константинов собравшихся в зале.

В президиуме «цвет нации» представляли: генерал Макашов, Сергей Бабурин, Геннадий Зюганов, Владимир Исаков, Александр Проханов, Александр Стерлигов, Сажи Умалатова, избранная председателем президиума Верховного Совета СССР, и осколки былой группы «Союз»: полковник Алкснис и Светлана Горячева. Там же восседали Лысенко с Баркашовым и, естественно, сам Константинов. Охрану несли мрачные парни в камуфляже, но без каких-либо знаков различия. В зал была допущена пресса.

Начал учредительный съезд генерал Макашов по-военному просто и звучно. Встав в президиуме, генерал зычно скомандовал:

— Кто не поддерживает Ельцина и правительство, прошу встать!

Радостная улыбка озарила суровое лицо генерала, когда полуторатысячный зал поднялся по его команде. Сидеть остались только некоторые представители прессы, которую в президиуме называли «желтой».

«Желтая пресса и сионофильское телевидение дорого заплатят», — пригрозил Николай Лысенко, зорко следя из президиума за не встающими по команде Макашова.

После такого начала, придуманного Макашовым, сразу стала ясна та общая платформа, на которой могут объединиться красные и коричневые. Поэтому, выступая с речью, Константинов говорил прямо и жестко:

— Необходимо создать движение, способное изменить ход истории в нашей стране. Мы должны немедленно приступить к подготовке акций, которые могли бы оказать влияние на ход предстоящего съезда народных депутатов. Одна из главных задач — отставка президента. Россию надо защищать, а защищать некому, потому что мы — это Россия!

Изъявив, таким образом, желание броситься под колесо истории, Константинов сорвал довольно неуверенные аплодисменты, поскольку его конечная цель — отставка президента — многим, по вполне понятным причинам, показалась жалкой и не очень серьезной. Стоило ли вообще собираться ради отставки Ельцина? Нужны более грандиозные планы!

Гораздо большими аплодисментами, почти бурными, приветствовали слова генерала Макашова о том, что «армия не будет защищать президента, который предал свой народ и Вооруженные силы!»

Товарищ Зюганов выступал со скорбным лицом, объявив, что «прошло всего чуть больше года (с момента бегства КПСС), но за это время мы потеряли государственность». Потеряв пост секретаря РКП, Зюганов считал, что это конец русской государственности. Его очень радовала перспектива создания мощной коалиции национал-большевизма из фашистских и коммунистических группировок, вождем которых он не видел никого, кроме себя. Недаром все теоретические работы нового марксистского вождя сводились к тому, что Россия — это традиционное «государство вождя», чуждая любой демократии — этой гнусной выдумке сионизирующей буржуазии.

Однако на пост вождя было слишком много охотников, чтобы так просто уступить его товарищу Зюганову.

Константинов по старой привычке сказал несколько «теплых» слов в адрес коммунистов, и был горячо поддержан поклонниками Адольфа Алоисовича, которые читали работы фюрера только в той части, которая касалась евреев. Если бы они прочли некоторые размышления Гитлера о коммунистах, то узнали бы много для себя полезного. В частности, им стало бы известно мнение фюрера о том, что наиболее ретивые члены национал-социализма пришли в гитлеровское движение именно из коммунистической партии как наиболее близкой по духу.

Сергей Бабурин, выступая на учредительном съезде ФНС, напомнил собравшимся, что «мы собрались для того, чтобы осуществить идею, которую в свое время не смогла

реализовать группа „Союз“ затем — фракция „Россия“ и, наконец, все патриотические организации — объединить усилия во имя возрождения единой многонациональной Родины».

Слово СССР Бабурин не назвал, но зато дал рецепт, как этого объединения можно достичь: восстановлением практики госзаказов и распределения.

Другими словами, Бабурин предлагал вернуться в старое, доброе тоталитарное прошлое, когда государство заказывало танки и ракеты, а ввезенное с Запада продовольствие распределяло таким образом, что со всей России переполненные поезда мчали в Москву миллионы людей за колбасой и маслом. Больше их купить было негде на всем пространстве великой России, если не считать партийных спецраспределителей, о которых большинство собравшихся в зале сохранили самые лучшие воспоминания (а некоторые втихаря пользовались ими и до сих пор).

Выступление Бабурина, хотя и воспринималось собравшимися положительно, не вызвало особых эмоций, поскольку осторожный депутат тщательно избегал экстремистских призывов и воинственных воззваний, на которые психологически был настроен зал. Кроме того, он лишь вскользь проговорил о том, ради чего, собственно, все здесь и собрались. Для того, чтобы создать мощную единую организацию, нечто вроде новой, но, разумеется, гораздо более сильной «Русской Правой». Ибо, как заметил красный вождь Зюганов, цитируя Ленина, «организацию можно победить только организацией».

Об этом было поручено сказать главному редактору газеты «День», бывшему сионисту, бывшему «соловью Генштаба», а ныне свихнувшемуся от крутых поворотов судьбы, а потому ставшему идеологом непонятной идеи, которую он и сам был не в состоянии сформулировать, Александру Проханову.

Поведав залу, что «в России хорошо только крысам и воронам» и сорвав по этому поводу бурные аплодисменты, длинноволосый идеолог призвал к примирению «красной и белой идей», что привело к принятию специальной резолюции о преодолении раскола 1917 года. Отныне, при создании Великой России, объединенный народ станет черпать обеими чашами — «красной и белой» — и пить из обоих колодцев.

Провозглашение подобного примирения было скорее идеалом, к которому следует стремиться, нежели реальностью. Если все «белые» патриоты видели себя наследниками «белогвардейцев», то коммунистическая «красная» оппозиция считала себя наследниками «большевиков», которые могли еще примириться с далеким прошлым, но ничего не собирались уступать в настоящем и тем более — в будущем.

Одни группировки выступали, например, за свободное фермерство в рамках наставлений своего кумира Столыпина. «Красные» делали со своей стороны все возможное, чтобы сорвать земельную реформу и сохранить колхозное рабовладение. Одни поддерживали отечественных предпринимателей, другие — трудящихся в их борьбе с предпринимателями. При подобном антагонизме, в течение десятилетий раздирающим «красных» и «белых», единственным мостом между ними могли стать коричневые идеи, а общей точкой соприкосновения — политика, начинающаяся и кончающаяся антисемитизмом. Это была та ловушка, из которой не существовало даже теоретического выхода. В итоге, как ни старались Константинов и Зюганов создать какое-то подобие красно-белого единства, получилось то, что неизбежно должно было получиться: красно-коричневый блок.

А если говорить человеческим языком — коммуно-фашистский союз, который чуть было не оформился в конце 30-х — начале 40-х годов, рухнув из-за маниакальной слепоты своих вождей, тут стал почти реальностью.

Закрывая съезд, Константинов сказал, что созданный фронт должен рассматриваться как «освободительное движение», главной задачей которого является «народно-освободительная революция против временного оккупационного правительства и клики Ельцина».

Подобная лихая резолюция, объявленная Константиновым, совершенно неожиданно вызвала реакцию президента, ранее почти не замечавшего истерических криков оппозиции. Последовал указ о роспуске организационного комитета «Фронта национального спасения» и о его запрещении. Организаторы «Фронта», как и водится в демократическом обществе, которое они поклялись уничтожить, указу не подчинились и, проведя парочку шумных митингов, подали протест в Конституционный суд.

Рассмотрев протест, Конституционный суд во главе с Валерием Зорькиным, который совсем недавно вывел из-под удара коммунистическую партию, признал указ президент «неконституционным», ограничивающим свободу граждан на объединение по политическим, религиозным и прочим признакам. Самому Валерию Зорькину идеи «Фронта» были куда более близкими, чем какие-то непонятные рассуждения о демократии, которую он никогда в глаза не видел, а потому и знать не хотел. Он поступил бы именно так, даже если бы не получал никаких «рекомендаций», а поскольку «рекомендации» все-таки были, он вывел из-под удара «Фронт» с еще большим энтузиазмом.

Для Константинова наступили великие дни. Своего собственного контингента у него, как, скажем, у Анпилова или Терехова, не было, но как и положено сопредседателю, он координировал все фракции «Фронта», собирая их на площадях, формируя колонны при шествиях и резервируя места в зале при собраниях.

Его одутловатое лицо со всклокоченной бородой мелькало то слева от Анпилова, то справа от Терехова, то над потускневшим погоном Макашова, то на фоне иезуитской улыбки генерала Стерлигова или наглой ухмылки Хасбулатова.

Он работал как каторжник, чтобы добиться координации партий, группировок и разных осколочных сообществ, номинально сведенных его энергией в единый фронт, но продолжающих считать только себя проповедником истинного «учения», а всех остальных — еретиками.

Он сражался, как лев, на мартовском съезде, чтобы накрыть «импичментом» президента Ельцина, а когда это не удалось, делал все, что в его силах, чтобы сорвать апрельский референдум.

Неудачи, следовавшие одна за другой, озлобили Константинова, но мало повлияли на его энергию.

Он стал одним из инициаторов первомайских беспорядков, а затем пообещал вообще превратить Москву в арену уличных боев и в зону бедствия.

«Пусть Константинов побережет собственную голову», — отреагировал на его провокационные призывы один из ОМОНовских начальников.

Зашевелилась и прокуратура, но для нее Константинов был неуязвим. Депутатский иммунитет не только препятствовал его аресту, но даже не позволял вызвать Константинова куда-либо для дачи показаний, если он этого не захочет. А даже робкий зондаж следственных органов по поводу снятия с Константинова «парламентского иммунитета» вызвал целую бурю протестов, как и в случае с Анпиловым.

В конце июля Константинов собрал II съезд «Фронта национального спасения». Помимо Бабурина, Зюганова и Исакова, в президиуме восседал, на этот раз, и Анатолий Лукьянов, которому гуманный демократический суд сменил меру пресечения вместо тюремной камеры на подписку о невыезде.

В своей речи на съезде Константинов подчеркнул, что назрела ситуация для «народно-освободительной революции» с передачей, как и в старые добрые времена 1917 года, всей власти Советам. Необходимо немедленно создать правительство национального спасения на месте оккупационного временного правительства. Все это требует немедленного перехода к активным действиям. Не позднее 19 августа — второй годовщины августовского путча. Надо

вести эскалацию революционно-наступательных действий с ближайшей задачей ликвидации президентства.

Вызвав громкие аплодисменты зала, Константинов с радостью отметил, что в нынешней обстановке Хасбулатов и Руцкой фактически стали членами «Фронта национального спасения», подсказав всем сомневающимся, на чьей стороне они должны быть в обостряющемся конфликте двух аппаратных чудовищ, одно из которых объявило себя законодательной властью, а второе — исполнительной.

А сомневающихся было много. Фашистские и большевистские группировки не желали выступать ни на чьей стороне. «Чурка» Хасбулатов раздражал их не меньше, чем «еврей Эльцин». Пусть они сожрут друг друга, а на их останках мы будет строить новую великую Россию.

В кулуарах съезда пополз слух, что «этот еврей» — Константинов — специально сколачивает «Фронт», чтобы властям было легче «всех нас прихлопнуть». Поэтому он так упорно, спрятавшись за собственной неприкосновенностью, провоцирует всех на активные действия. Всех пересажают, а он будет «жрать икру и балыки на халяву в спецбуфете». Социализм всегда был идеологией зависти, а собравшиеся в душе все были либо национал-социалистами, либо интернационал-социалистами.

Константинов знал о подобных настроениях и не мог их игнорировать. Ему приходилось стараться, иногда даже чересчур, чтобы дать понять своим «фронтовикам», что он рискует нисколько не меньше, чем остальные.

В «Правде», которая, видимо, особо пеклась по поводу «антикоммуниста» Константинова, появилось предупреждение о готовящемся на него покушении. А в середине августа было распространено сообщение, что неизвестные злоумышленники проникли в кабинет Константинова в Белом Доме и похитили оттуда большое количество секретных документов, связанных с деятельностью «Фронта». Однако это имело и обратный эффект, поскольку злые языки сразу же распустили слух, что Константинов сам передал властям эти документы, чтобы тем было легче расправиться с «фронтовиками». Константинов резонно отвечал, что он мог передать ксерокопии, но, по мнению обвинявших, незаметно «отксерить» такое количество документов было невозможно. Обвинения и оправдания звучали не очень убедительно, а динамика надвигающихся событий довольно быстро заставила забыть о мелких «проколах» и роковых совпадениях.

Шаг, сделанный президентом, поначалу привел Константинова в восторг. Ельцин сам подставлялся под мощный удар со стороны своих противников. Но вслед за радостным возбуждением наступила апатия. Илья Константинов хорошо понимал, что, по меньшей мере, последние полтора года он мчится куда-то, как на плоту по горной реке, не зная, куда она ведет, и не откроется ли за ближайшим поворотом бездонный водопад, способный поглотить все планы и надежды.

Конечная цель виделась весьма туманно, и он не знал, как видят эту цель те, кто раскрутил маховое колесо, которое уже невозможно остановить, ибо его уже крутит колесо истории. Он даже не мог ответить на простейший вопрос: те, кто крутят колесо, за Ельцина они или нет?

12:00

Министр внутренних дел России Виктор Ерин прямо у себя в кабинете на Огарева, 6, без особого видимого интереса смотрел на экран телевизора. Две мобильные телепередающие установки МВД, разъезжая по периметру Белого Дома, освещали обстановку в зоне

мятежного парламента. Немногочисленные ополченцы, приведенные ночью Анпиловым, грелись у костров. Некоторые спали прямо на асфальте. Спадало нервное напряжение, порожденное маниакальной уверенностью, что ночью непременно произойдет штурм здания с применением бронетехники и специальных химических средств.

С балкона Белого Дома, многократно усиленные электроникой, гремели голоса народных депутатов и «не облеченных народным доверием» политиков. На обширной площади собралось уже не менее 8000 человек. Часть из них задорно скандировала: «Ельцин — вне закона! Ельцин — вне закона!» Другие пели: «Руцкой, смелее — гони Бориса в шею!».

На некоторое время наступала гнетущая тишина. Толпа продолжала колыхаться под сенью красных, андреевских и имперских флагов.

На трибуне появился сам Руцкой, встреченный оглушительными рукоплесканиями. Мятежный «вице» с надрывом закричал в микрофон:

«Эта банда, развалившая страну, просто так не уйдет! Они понимают, что будут отвечать за развал страны и экономики!».

Дальнейшие слова потонули в громких криках одобрения. Слышались лишь отдельные слова Руцкого, призывающего собравшихся быть готовыми к борьбе и жертвам.

Руцкого на балконе неожиданно сменил депутат-демократ Виктор Шейнис — профессор, да, к тому же, еще и еврей. Надо было иметь не мало мужества, чтобы просто появиться перед собравшейся аудиторией-толпой.

Его встретили оглушительным свистом, в котором потонули крики: «Бей жидов!»

Камера монитора наехала на знаменитого писателя Эдуарда Лимонова, окруженного небольшой группой людей и явно дававшего интервью какой-то хрупкой девушке, державшей в руке небольшой диктофон. Некогда изгнанный из СССР как диссидент-антисоветчик, Лимонов вернулся самым оголтелым коммунистом-державником, дав понять всем сомневающимся, как часто КГБ в слепом угаре вел огонь по своим.

Идеалом Лимонова стала аллегория России не в виде высокой статной женщины в сарафане и со снопом в руках, а в виде девушки в пилотке, в сапогах, плащ-палатке и, конечно, с автоматом Калашникова. Сам Лимонов также, где мог, появлялся с автоматом Калашникова, хотя в некоторых писательских кругах утверждали, что лихой прозаик никогда в жизни из автомата не стрелял и для него является непосильной задачей собирать и разбирать это самое популярное в мире средство для убийства людей.

— Вы тоже собираетесь сражаться в Белом Доме до последнего патрона, как и вице-президент Руцкой? — девушка поднесла микрофон ближе к Эдичке.

— Ничего подобного, — почти завопил тот. — Думаю, что придется делать вторую революцию. Сейчас парламент и Руцкой уберут банду Ельцина и его оккупационное правительство, а потом нам придется убирать и парламент, и Руцкого. То, что происходит сейчас — это очередная номенклатурная игра. Руцкой уводит Россию от оппозиции, украв лозунги «Фронта национального спасения»…

На экране возникла фигура генерала Стерлигова в штатском. Тонкие губы лидера русского «Национального собора» кривились в саркастической усмешке. Он явно не одобрял происходящего. К нему подлетели несколько человек с микрофонами. Величественным жестом руки генерал дал понять, что не намерен давать никаких интервью, и пошел куда-то вдоль пандуса, обходя кучи мусора и перешагивая через обрезки труб и ржавые радиаторы парового отопления, которые, по замыслу их создателей, должны были изображать баррикады, способные остановить танковую атаку…

У правого крыла здания несколько офицеров вели запись добровольцев для защиты Белого Дома. У каждого на груди поблескивал орел на фоне звезды — знак тереховского «Союза офицеров». Сам Терехов на небольшой площадке у одного из выходящих на площадь

подъездов проводил смотр уже записавшихся ополченцев. Их было человек сорок — главным образом, запасники и даже отставники. Некоторые пришли в сохранившейся военной форме, но сохранить былую выправку удалось немногим. Строй выглядел очень комично, но подполковник Терехов был вполне серьезен.

«Товарищи, — обратился к строю адъюнкт Гуманитарной академии. — Армия, как и народ, не может больше исполнять преступные указы Ельцина. Это относится и к приказам низложенных Верховным Советом министров Грачева и Ерина. Признаются действительными только распоряжения парламентского министра обороны Ачалова и министра внутренних дел Дунаева. Офицеры действительной службы, нарушившие это, будут предаваться суду. Для этого сейчас создаются специальные трибуналы».

В этот момент к Терехову подошел его заместитель подполковник Кузнецов и что-то сказал. Терехов кивнул головой и продолжил:

«Необходимо срочно формировать взводы, роты и батальоны. Подразделения будут укомплектованы короткоствольными автоматами Калашникова. Сейчас этот вопрос решается».

Было видно, как волна оживления прошла по строю волонтеров. Оружие! Им дадут оружие!

Установленные на балконе громкоговорители продолжали надрываться:

«Просьба разобраться на десятки, выбрать командиров и записаться у офицеров…»

В камере неожиданно появился экзотически разряженный казачий сотник: заломленная набекрень фуражка, бекеша, расшитая позументами, нагайка в сапоге и тяжелая, метровая шашка на боку. Не было только коня, а без коня все это тоже выглядело комично. Он вел за собой десятка полтора столь же экзотичных бородачей, одетых по-разному. Не у всех «казаков» была возможность справить себе настоящую униформу.

У Ерина была связь с мониторами, но он молчал, терпеливо ожидая.

И, наконец, увидел то, ради чего и сидел перед экраном.

Огромное знамя со стилизованной свастикой колыхалось над строем людей в камуфляже и со свастикой на рукаве. Здоровенные, неулыбчивые парни застыли в строю, подняв руки в нацистском приветствии. Никто не слышал при этом, что они восклицали: «Слава России!» или «Хайль Гитлер!».

Ерин наклонился к микрофону: «Семнадцатый! Вот эти кадры передай в службу общественных связей и в „Останкино“.

Женский голос ответил: «Все будет сделано, Виктор Федорович».

Генерал-полковник Ерин родился в январе 1944 года. В милицию попал по комсомольскому набору. Работал в Казани участковым милиционером, а после окончания высшей школы МВД перешел в систему уголовного розыска. В андроповские времена пытался бороться с партийно-мафиозными бандами, свившими себе очень теплое гнездышко в Татарстане. Особого успеха он, конечно, не добился, но обратил на себя внимание Андропова в его смертельной схватке с тогдашним министром внутренних дел Щелоковым. Был переведен в Москву в управление БХСС МВД СССР, где был начальником сперва отдела, а затем — управления до 1988 года, а затем стал заместителем министра внутренних дел Армении. В 1990 году при создании службы криминальной милиции был снова переведен в Москву, где через своего старого друга Баранникова познакомился с Ельциным.

После августовского путча с сентября по декабрь 1991 года занимал должность первого заместителя министра внутренних дел СССР, а после распада СССР и создания чудовищного монстра путем слияния Министерства внутренних дел и КГБ в единое Министерство МБВД (безопасности и внутренних дел) стал снова первым заместителем министра, каковым был назначен Виктор Баранников.

Гигантский неуправляемый монстр, к счастью, просуществовал всего полтора месяца, а затем снова распался на две части: Министерство безопасности и внутренних дел. И на этот раз Ерин стал министром. Попутно он успел побывать руководителем оперативного штаба «по восстановлению правопорядка в районах ингушско-осетинского конфликта», хотя многие считали именно его вдохновителем этого конфликта, ибо на Министерство внутренних дел была возложена задача настолько дестабилизировать обстановку на северном Кавказе и в Закавказье, чтобы местные народы и народности, захлебнувшись в крови, поняли, что у них другого выхода, как снова безропотно отдаться под высокое покровительство России и даже в самых блаженных мечтах не мыслить о какой-либо самостоятельности.

Видимо, это была единственная задача, с которой Министерство внутренних дел свободной России кое-как справилось. Круговорот бесконечных войн и межнациональной резни захлестнул всю территорию Кавказа от Терека до иранской границы.

Но пока решались подобные глобальные задачи «геополитического» характера, преступность в самой России, а особенно в Москве совершенно вышла из-под какого-либо контроля властей, захлестывая даже высшие этажи власти и уж совершенно затопив жизнь простых обывателей. В принципе, в этом не было ничего странного. Все силовые Министерства бывшего Советского Союза были постоянно ориентированны на карательные меры против собственного народа, имея своей главной задачей держать этот самый народ в жестких рамках, установленных тоталитарной системой. Если КГБ львиную долю своего времени посвящал усилиям, чтобы народ читал, что положено, слышал, что положено и поменьше рассуждал, то у МВД главными задачами было надзирать, чтобы народ проживал (именно «проживал», а не жил) по месту прописки, не имел никаких «нетрудовых доходов» и поменьше рассуждал. Обе службы сходились во мнении, что самое лучшее, что может делать народ — это беспробудно пить, обеспечивая и казну, и карательные службы дополнительным доходом.

Но защищать этот народ от кого-либо — такой вопрос вообще не стоял. Напротив, все знали, что если возникнет какая-либо угроза системе, этот самый народ, переодетый в шинели, горами своих трупов эту угрозу нейтрализует.

Поэтому никто всерьез и не думал защищать народ от захлестнувшей страну вообще и столицу, в частности, преступности самого жестокого толка.

Такова была традиция отношения народа и властей, в которую август 1991 года не внес ничего нового.

И министр Ерин, воспитанный в щелоковско-андроповских органах, был, пожалуй, наименее компетентным человеком для борьбы с преступностью в условиях даже зачаточной рыночной экономики, но он, без сомнения, обладал качествами, которые в данный момент были гораздо важнее для тех, кто выдвинул его на пост министра и держал на этом посту.

Качеством этим была так называемая «клановая честность» или, выражаясь словами товарища Сталина, «личная преданность».

Как и многие его предшественники и нынешние коллеги, генерал-полковник Ерин служил не народу, не стране и, конечно, не Конституции — он служил вождю. И служил так, что вождь мог не сомневаться в его преданности и в том, что генерал-полковник выполнит любой приказ, как жесток и противозаконен ни был этот приказ.

Вождем, в данном случае, был президент Ельцин, поскольку никого другого, хоть отдаленно напоминающего вождя, Ерин не видел, и был совершенно прав.

И сегодня он должен был продемонстрировать президенту свою преданность.

13:20

Генерал армии Павел Грачев также с интересом поглядывал на экран телевизора, где мелькали кадры событий на площади у Дома Советов, а иногда и внутри гигантского здания. Генерал был хмур и озабочен. Только появление на экране огромного знамени со свастикой привело его в хорошее расположение духа. Он откинулся на кресле и громко рассмеялся, сказав присутствующему в кабинете начальнику Генерального штаба генералу Колесникову: «Ну, молодцы! А?»

Однако, вид знамени со свастикой совсем не порадовал генерала Колесникова. Наблюдая события с какой-то непонятной улыбкой, он при виде свастики побагровел, закашлялся, достал большой платок и стал тщательно протирать очки.

Реплика Грачева заставила его вздрогнуть и вопросительно взглянуть на министра.

Но министр уже согнал с лица улыбку и сказал:

— Через час у меня встреча с президентом. Возможно, получу маршала.

И он снова засмеялся, в то время как генерал Колесников оставался мрачным.

Той ситуации, которая зарождалась у Белого Дома, генерал Грачев не только не боялся, но даже, в некотором отношении она его радовала.

Для армии нет ничего хуже томительных будней мирного времени, особенно если это мирное время проходит в той обстановке, какая ныне существует в России, когда армию, можно сказать, смешали с грязью, повесив на нее все: от поражения в Афганистане до обвинения в том, что она ничем другим не занимается, кроме как кует кадры для уголовного мира.

«Армия превратилась в одну огромную уголовную зону», — в разоблачительном угаре писали демократические газеты, комментируя то крупную кражу, совершенную генералами, то зверское убийство, совершенное солдатами. Армия превратилась в «мальчика для порки» и для правых, и для левых политиков. Армии чуть ли не ежемесячно урезают ассигнования, «режут» заявки, замучили конверсией, заставляют лизаться с американцами и натовцами, ставя их в пример, хотя по многим показателям они нам даже в подметки не годятся.

Это даже хорошо, что предоставится возможность показать кое-кому из крикунов, что они без армии. И что такое армия!

Карьера генерала Грачева если и имела аналог, то только в эпоху революционных войн во Франции и гражданской войны в России.

Закончив Рязанское воздушно-десантное училище, Павел Грачев, благодаря безусловному личному мужеству и врожденным качествам строевого службиста, довольно быстро делал карьеру в условиях унылого брежневского застоя, как и тысячи его однокашников. Перелом в его карьере, как и у многих, произвела Афганская война, которую Грачев начал подполковником в должности заместителя начальника штаба воздушно-десантной дивизии. К уходу наших войск из Афганистана он уже был генерал-майором и Героем Советского Союза, занимая должность заместителя командующего армией и командующего всеми воздушно-десантными частями в Афганистане.

После вывода войск генерал-майор Грачев был назначен на должность командующего воздушно-десантными войсками, на которую его рекомендовал лично генерал Ачалов, уходя на повышение.

Накануне августовского путча по указанию тогдашнего министра обороны маршала Язова вместе с другими сотрудниками Министерства обороны и с коллегами из КГБ Грачев изучал варианты введения по всей территории СССР чрезвычайного положения. Ранним утром 19 августа по телефонному указанию генерала Ачалова он поднял по тревоге Тульскую и Курскую десантные дивизии и приказал им высадиться под Москвой на знаменитом аэродроме Кубинка. Ачалов приказал Грачеву взять под охрану Госбанк, Гохран, радио и телевидение. От самого маршала Язова поступил приказ подготовить «объект» для

содержания большого количества «спецконтингента» — задержанных и интернированных политиков.

Грачев специальной шифрограммой привел подчиненные ему по всей стране войска в состояние полной боевой готовности, но неожиданно вместо того, чтобы поддержать ГКЧП, выступил против них. Говорят, что сделал он это под влиянием тогдашнего главкома ВВС генерала-полковника Шапошникова, шокированного тем обстоятельством, что в хаосе государственного переворота неизвестно, к кому перешло управление ядерным оружием страны. Все о нем просто забыли… Десантники Грачева быстро и четко ликвидировали все мечты ГКЧП, захватив или изолировав все командные пункты путчистов, включая и КП тогдашнего начальника Генштаба, генерала армии Моисеева.

Это и определило дальнейшую карьеру Грачева, который менее чем за год прошел путь от генерал-майора до генерала армии. Путь, который у многих генералов занимает всю жизнь, но и ее, в большинстве случаев, явно не хватает. И даже несколько жизней не хватило бы, а тут всего за год. В генералы армии Грачева вывел Ельцин к большому неудовольствию большинства тогдашних высших руководителей Вооруженных сил, которым вскоре пришлось выражать свое неудовольствие в отставке. Недаром на большинстве митингов оппозиции отставники требовали отдачи Грачева под суд с неменьшим рвением, чем самого президента Ельцина.

Несмотря на бодрый и даже веселый вид, Грачева сильно беспокоил тот факт, что пост «параллельного» министра обороны Верховный Совет возложил на Ачалова. Он хорошо знал Ачалова, ценил его несомненные достоинства, знал и недостатки, кое-что слышал и о пороках, присущих бывшему командующему воздушно-десантными частями. Но лучше всего Грачеву была известна настырность Ачалова, что в сочетании с его вулканической энергией могла сокрушить все преграды на пути опального генерал-полковника.

И начальник Генерального штаба Михаил Колесников, и оба заместителя Грачева — генерал-полковники Валерий Миронов и Борис Громов, и главком ВВС Петр Дейнекин, и главком ракетных войск стратегического назначения генерал-полковник Игорь Сергеев, и главком военно-морского флота адмирал Феликс Громов — все уже докладывали министру о том, что Ачалову тем или иным способом удалось выйти на них с предложением перейти на сторону Верховного Совета. Другими словами, им предлагалось выйти из подчинения Грачева — этого, по словам Ачалова, «сопливого Бонапарта» и перейти в подчинение к нему, Ачалову, которого они все знали по прежней службе, когда давали священную присягу, «не щадя самой жизни» служить Союзу Социалистических Республик.

Были сведения, что Ачалов нашел способ давления на командующих округами, добрался до начальников академий и училищ, уговаривая, рассыпая посулы и угрозы, спекулируя на высоких чувствах любви к Родине и на мелком тщеславии тех, кто мечтал о личной карьере.

Отрадно было то, что все, кто уже подвергся ачаловской обработке, сами инициативно и быстро докладывали об этом Грачеву. Начальник Генштаба поэтому и находился в кабинете министра, рассказывая, как Ачалов обрабатывал его лично, призывая плюнуть на противников и вспомнить о долге перед Родиной, попавшей, уже который раз в своей истории, в сети мирового сионизма.

Грачев, рассматривая собственные ногти, слушал начальника Генерального штаба, стараясь не глядеть ему в глаза. Было очевидно, что Колесников докладывает далеко не все, что слышал, а главное — не совсем то, что думает.

— Ну, и ты ему на все это что ответил? — поинтересовался министр, перекладывая бумаги на своем столе.

— Я ему говорю: «Слава, перестань дурить, не занимайся ерундой», — генерал Колесников натужно покраснел.

— А потом? — спросил Грачев, поднимая глаза на начальника Генерального штаба.

— Паша, — спросил Колесников. — Ты мне что не веришь?

— Верю, — отозвался Грачев и вздохнул.

— Ты что думаешь? — Колесников аж задохнулся от возмущения. — Что я, под это фашистское знамя встану? Что я, вот так себя опозорю под конец службы!

— Ладно, успокойся, — приказал Грачев. — Соберем коллегию, все обсудим.

Колесников увидел знамя со свастикой десять минут назад на экране телевизора в кабинете министра. На что бы он ссылался, если бы его не увидел?

Еще ранее главком ВВС генерал Дейнекин докладывал Грачеву, что Руцкой давит на него, «как трактор». Со времен августовского путча, сорванного совместными усилиями Шапошникова, Грачева, Дейнекина и, конечно, Руцкого, они все стали как бы лучшими друзьями, способными на фоне личностных отношений рубить друг другу правду-матку в глаза.

Руцкой просил Дейнекина объявить, что военно-воздушные силы страны перешли на его, Руцкого, сторону и будут бомбить Кремль, если президент Ельцин не отзовет свой указ No 1400 и не сложит с себя полномочия, как предусмотрено Конституцией. Другими словами, Руцкой предлагал Дейнекину практически тот же вариант, с помощью которого военно-воздушные силы давили на ГКЧП в августе 91 года. «На это, — докладывал Дейнекин Грачеву, — я ему культурно ответил: Саша, прекрати этим делом заниматься, у меня президент один и министр одни, и наши с тобой личные отношения ни в коем случае на это повлиять не могут».

Что касается генерал-полковника Бориса Громова, который некогда, командуя 40-й армией в Афганистане, был начальником Грачева, а ныне его первым заместителем, то тут можно было не беспокоиться. В августовские дни, когда Громов занимал пост заместителя министра внутренних дел знаменитого Бориса Пуго, Грачев и Шапошников, по старой дружбе, вывели бывшего командарма из-под огня, отговорив его буквально в последнюю минуту от тех необратимых глупостей, которые тот собирался натворить.

Хорошо зная Громова, Грачев понимал, что он с удовольствием разогнал бы всю эту хулиганскую банду в Белом Доме, а вместе с ними и тех, кто засел в Кремле, установив в стране жесткий порядок военной диктатуры. Если бы мог. Но Грачев понимал, что ни Громов, ни он сам не смогут уже в нынешнем состоянии страны обеспечить на столь огромном пространстве порядок военной диктатуры. Не говоря уже о многом другом и не принимая во внимание реакцию мира, любая попытка установки диктатуры неизбежно приведет к расколу страны и к такому излому ее территории, что ядерные ракеты, которыми эта территория буквально нашпигована, сами по себе взлетят, превращая в пепел не американские города, как было задумано, а свои собственные.

Нет ничего страшнее русских гражданских войн, под каким бы соусом они ни подавались. Будь то «смутное время» или бесконечные крестьянские войны, или та гражданская война, которая разгорелась после 1917 года, когда у России, к счастью, еще не было ядерного оружия. А будь оно, можно не сомневаться, что обе стороны пустили бы его в ход, ни секунды не колеблясь.

И поэтому раздражало то, с какой легкостью Руцкой идет на разжигание гражданской войны в стране, будоража главкомов угрозами и искусами.

В данной обстановке Грачев почел бы за благо вообще ни во что не вмешиваться и оградить армию от поползновения обеих враждующих сторон, снова схлестнувшихся в смертельной борьбе за власть. Не вмешиваться, чтобы снова не подставить армию, как это сделали горе-политики в августе 91-го года, пытавшиеся с помощью армии сделать то, с чем должен справиться милицейский наряд.

Армия еще не пришла полностью в себя от августовского шока, и вот на нее снова алчно смотрят политики с нутром авантюристов и авантюристы, которым захотелось поиграть в большую политику.

Но если на вершине пирамиды военной иерархии Грачев более-менее мог быть уверен в том, как поведут себя главкомы и высшие работники аппарата Министерства обороны, то за нижестоящих командиров даже он не мог поручиться не только перед президентом, но и перед самим собой.

Сам Грачев мог служить хорошим примером для многих генерал-майоров и даже полковников, как мгновенно можно взлететь на самую вершину пирамиды, превратившись, как по мановению волшебной палочки, в генерала армии, а может быть — и в маршала. Хотя звание маршала и отменено для мирного времени, но сделали ведь исключение в свое время для генерала Язова. Сделают и для кого-нибудь другого.

Грачев уже знал мнение командиров так называемых «придворных» дивизий: Кантемировской и Таманской (4-й гвардейской танковой и 2-й гвардейской мотострелковой), — которым уже не раз в своей послевоенной истории приходилось обеспечивать в столице дворцовые перевороты различной интенсивности, зависящей от колебаний генеральной линии партии.

Преторианцы — гвардейцы генерал-майоры Борис Поляков и Валерий Евневич — без обиняков дали понять министру, что они, конечно, выполнят приказ, но лучше было бы не вмешивать армию в это грязное дело. Сначала эти люди вместе развалили Союз и пустили страну колесом с горы (генералы избегали называть фамилии, и было ясно, что все политические новости они черпают из газеты «День»), а теперь передрались между собой и перетягивают на свою сторону армию. Есть милиция, есть целая армия бездельников с Лубянки — пусть они и наводят порядок. В душе Грачев был совершенно с ними согласен. И был бы согласен полностью, если бы не одно обстоятельство.

За время пребывания на высшем военном посту страны — посту министра обороны — он уже очень вошел во вкус и ему очень не хотелось этот пост покидать. Именно президент Ельцин сделал его, в обход многих, более опытных и старших по званию генералов, министром обороны, обеспечив ему немыслимую даже в мечтах военную карьеру, превратив его из никому не известного генерал-майора в генералы армии и выдвинув на один из наиболее высоких и престижных постов в государстве. Грачев был реалистом, и хорошо понимал, что его дальнейшая деятельность и личная судьба накрепко связаны с жизнью и судьбой президента Ельцина.

В России звания и должности отбирают с гораздо большей легкостью, чем дают. Он сам не так давно одним росчерком пера превратил генерала-авантюриста Дмитрия Якубовского в лейтенанта, и отлично понимал, что точно также могут поступить (и поступят!) с ним самим, если что-либо случится с его патроном. Он ни на минуту не забывал, что «президент» Руцкой уже отстранил его от должности и назначил на эту должность Ачалова. Это только первый шаг. Далее последуют увольнение из армии, лишение воинского звания, назначение всевозможных расследований, конец карьеры, когда перечеркнут всю его службу и забудут даже о «Золотой звезде», полученной в Афганистане.

Уже сейчас в оппозиционной прессе появляются статьи каких-то беглых прапорщиков о том, как они от имени министра обороны торговали «мерседесами» и поставляли ему девочек. Уже интригующе показывают кадры, снятые из-за глухого забора операторами телевидения, многоэтажных генеральских дач с подземными гаражами и теннисными кортами, банями и площадками для гольфа (чтобы не отстать от мировой моды). Еще свежи разоблачения бывшего государственного контролера Юрия Болдырева о тех ужасающих случаях коррупции и казнокрадства, которые тот обнаружил в Западной группе войск генерал-полковника Бурлакова, где имя министра обороны всплывало чуть ли не на каждой

странице. Болдырева удалось погнать с должности, и саму должность ликвидировать за ненадобностью. Но это пока есть «харизматический лидер» — президент Ельцин, который нужных и верных ему людей способен защитить от всех наскоков. Значит, и мы должны защитить его ото всех, кто всеми правдами и неправдами хочет сделать пост Ельцина вакантным или попросту его уничтожить.

14:30

Президент России и Верховный Главнокомандующий ее Вооруженными силами Борис Николаевич Ельцин, по его собственным словам, не умел жить без риска. Рутинная работа наводила на него скуку и заставляла мозг лихорадочно искать путей обострения обстановки. Привычки весьма странная для президента страны, хотя будучи долгое время первым секретарем Свердловского обкома КПСС, Ельцин этой привычки не имел, а напротив, делал все возможное, чтобы никоим образом не обострять отношения с кремлевскими старцами, и даже по их команде снес знаменитый на весь мир Ипатьевский дом — последнее пристанище несчастной семьи императора Николая II, где эта семья и сам император были безжалостно расстреляны по личному приказу Ленина. «Об этом я жалею до сих пор», — признавался Ельцин в частных беседах, хотя было не совсем ясно, о чем он сожалеет: о расстреле царской семьи или о сносе дома инженера Ипатьева.

В то же время в Свердловске был построен огромный, двадцатиэтажный небоскреб, где разместился местный обком КПСС. Здание, возвышающееся над всем городом и получившее в народе меткое название «член КПСС», было помпезнее любого другого пристанища обкома на всей территории СССР, превосходя их и по размерам, и по безвкусице исполнения. Злые языки поговаривали, что Ельцин, будучи строителем по профессии, строил здание обкома по своему собственному проекту. Огромное здание местного обкома должно было символизировать особую важность Свердловска и Свердловской области, где сконцентрировалось около 40% военной промышленности бывшего СССР. Город и область производили все: от стратегических ракет и боевых самолетов до бактериологического оружия. Именно во времена Ельцина собака, убежавшая со стенда одного из сверхсекретных институтов, инициировала вспышку в городе сибирской язвы.

Помимо этого, область была заполнена секретными и подземными городами либо вообще не имеющими названий, либо скрывающимися под индексами, вроде Свердловск-42 (а таких «свердловсков» было более двухсот).

Если в чисто феодальной структуре административного деления РСФСР каждая область вполне могла считаться герцогством (или «вотчиной первого секретаря», как однажды глубокомысленно заметил Михаил Горбачев), то Свердловская область вполне могла считаться «Великим герцогством» или, говоря по-русски, великокняжеской территорией, а ее первый секретарь — великим князем. Однако, в связи с некоторой удаленностью великого княжества от центра, Свердловский властелин оставался некоторым образом в тени на фоне великого князя Московского или Ленинградского. Он не был даже ни членом, ни кандидатом в члены Политбюро. Однако, ему было позволено построить самое большое в стране здание обкома, что в иерархированном до абсурда тоталитарном коммунистическом царстве никак не могло быть простой случайностью. Центр внимательно следил за наделенными беспредельной властью первыми секретарями обкомов, не позволяя им демонстрировать свое величие и блеск своего двора, способных хоть немного затмить сияние кремлевских звезд.

Кроме всего перечисленного, в распоряжении Ельцина находился гигантский по размерам, так называемый «Приволжско-Уральский военный округ» и особо вышколенный

контингент КГБ, привыкший действовать в таком режиме, о котором уже давно забыли изнеженные и разложившиеся «чекисты» Москвы и Ленинграда.

Таким образом, Борис Ельцин занимал положение, которое вполне позволяло ему подняться и на следующую ступеньку партийной пирамиды, то есть стать генеральным секретарем и получить власть, которая не снилась никаким султанам и эмирам из сказок Шахерезады.

И его бунтарский дух, и любовь к риску никак не проявлялись вплоть до 1987 года, когда переведенный в Москву на должность первого секретаря МГК КПСС и включенный в качестве кандидата в члены политбюро, Ельцин вдруг стал демонстрировать воинственное инакомыслие, никогда не виданное на столь заоблачных партийных верхах. И хотя сегодня речь Ельцина на том октябрьском пленуме ЦК КПСС, посвященном 70-летию Октябрьской революции, читается как невинная рождественская проповедь, тогда он из-за нее вылетел из Политбюро и из секретарей московского горкома. По заросшему тиной партийному болоту сначала пошли круги, перешедшие в столь стремительные водовороты, которые в итоге поглотили КПСС, затем Советский Союз, а теперь грозили поглотить и Россию, и самого Ельцина.

Секретарем обкома в коммунистические времена можно было стать, только имея ряд определенных качеств, которыми обычные люди не только не обладают, но даже и не предполагают, что такие качества могут существовать у людей, внешне ничем не отличающихся от других Божьих созданий. Случайный человек мог пробиться в секретари какой-нибудь цеховой «первички», но выше — никогда. А уж о первом секретаре обкома и говорить нечего. Достаточно вспомнить хотя бы несколько других секретарей обкомов той поры: Гришина в Москве, Романова в Ленинграде, Медунова в Краснодаре, Лигачева в Омске, чтобы понять, в какой шеренге и в какой школе готовил себя Ельцин к должности первого свободно избранного президента России.

Но несгибаемая позиция перечисленных и других коллег Ельцина в обкомах в ЦК и Политбюро на поверку оказалась простым параличом, который охватил и их, и всю страну, заведенную паралитиками в тупик, где она стала разваливаться на глазах. Огромная, отученная мыслить и работать, масса партийной номенклатуры, привыкшая следовать за вождем, в ужасе от надвигающейся катастрофы стала метаться в поисках нового вождя среди охваченных параличом руководителей КПСС, чтобы этот вождь указал им путь к спасению. Эта масса уже успела разочароваться в Горбачеве, не говоря уже обо всех остальных. Именно в этот момент Ельцин подобно горьковскому Данко, вырвавшему себе сердце, чтобы его пламенем указать дорогу остальным, вырвал из своего сердца партийный билет прямо на последнем, XXVIII-м съезде КПСС, и бросил его на стол, указав дорогу остальным. В партии начался обвал, завершившийся в августе 91-го года.

Обгоняя друг друга, все спешили выйти из партии. Болото высыхало, оставив на дне только тину, которая, хотя и воняла, но была уже практически безопасна, поскольку все, кому это было нужно, быстро сообразили, чтобы остаться в партии нового вождя, нужно побыстрее выйти из КПСС. Теперь будут требовать в анкетах данных не когда ты вступил в КПСС, а когда ты из КПСС вышел. Чем раньше, тем больше почета и шансов попасть на теплое место.

Харизма Ельцина, таким образом, складывалась не только из его «великокняжеского прошлого», дававшее ему право, подобно принцу Оранскому, возглавить одну из территорий разваливающейся империи, но и из-за явного желания взять в свои руки власть в период небывалого крушения, на что необходимо большое мужество. Нет ничего отраднее, как в период поражения и почти полного хаоса услышать повелительный голос «Слушай мою команду» и сгруппироваться вокруг того, кто нашел в себе хладнокровие и смелость эту команду отдать.

В самом деле, трудно представить себе Лигачева, Романова, Рыжкова или даже Крючкова с Язовым, стоящими на башне танка и, несмотря на кажущуюся безнадежность собственного положения, с задором читающих указы, объявляющие твоих противников вне закона.

Не менее трудно было для первого секретаря обкома с такой непринужденностью «идти в народ», как говорили встарь, или стать «популистом», как любят говорить ныне. А затем из популиста превратиться в первого в тысячелетней истории России всенародно избранного президента, не оставившего ни единого шанса своим многочисленным соперникам.

Можно с уверенностью сказать, что не будь в этот момент у России такого лидера, как Ельцин, сама Россия уже вряд ли существовала, агонизируя в бесчисленных конфликтах, развязанных тщеславными и неумными мелкими партийными князьками и ханами. Но сохранившийся в них страх, выкованный былой партийной дисциплиной, заставил их признать Ельцина в качестве главы государства. Среди бывших *русских* правителей никто не имел больших прав на «московский стол», чем он. И это объективная истина, ибо партийная номенклатура давно перестала быть даже привилегированной аппаратно-чиновничьей верхушкой, а превратилась в сословие со всеми свойственными именно сословию предрассудками. И с точки зрения сословия, Ельцин имел право в силу своей знатности. Это стабилизировало обстановку наверху.

Что же касается народа, которому впервые разрешили практически свободно высказать свою волю на выборах, хотя обычно мнением народа в таких вопросах совершенно не интересовались, то для него Ельцин стал некоторой смесью бунтаря и мученика, чем-то вроде Ивана-царевича, не побоявшегося (в отличие от других) прыгнуть в кипящий котел, чтобы вылезти из него еще более сильным и красивым, а главное — более легитимным.

История, на всех своих самых крутых поворотах, проводит естественный отбор национальных руководителей, спасающих свои страны в тот момент, когда, казалось, их уже никто и ничто спасти не может. А развернуть такую огромную страну, загнанную в смертельный тупик бредовыми марксистско-ленинскими заклинаниями и не только развернуть, но и заставить, пусть с лязгом и скрежетом, идти по новому пути — эту задачу никто, кроме Ельцина, не мог бы выполнить. Его либо зарезали бы на следующий день, либо тихо убрали бы в психбольницу, либо скончался бы в «Кремлевке» от «простудного заболевания».

«Кто еще мог повернуть эту полурелигиозную страну, в которой сплавлены страх с гневом, а лицемерие — с чувством собственного достоинства?» — резонно спросил как-то Геннадий Бурбулис, бывший преподаватель научного коммунизма, а ныне — один из ближайших советников Ельцина, которых тот перетащил в Москву из Свердловского областного и городского комитетов КПСС.

Ельцину удалось развернуть Россию в самый последний момент, когда уже казалось неминуемым, что она разделит участь Советского Союза. И удалось это сделать, в отличие, скажем, от Петра Великого, фактически без крови, без массовых казней, без обычной для России беспощадной мстительности властей нынешних властям предыдущим. Даже арестованные члены так называемого ГКЧП были вскоре выпущены из тюрьмы, а суд над ними превратился в какое-то ленивое шоу, никак не напоминающее ту железную поступь военных трибуналов, когда сами арестованные находились у власти.

Однако, никто — ни сам президент Ельцин, ни его ближайшие сотрудники, помогавшие ему на краю бездны развернуть гигантскую страну, — не знал толком, куда рулить дальше. Фарватер, по которому прошла западная цивилизация, казался слишком узким и опасным для России, имевшей другие габариты. Никто не знал, сядет страна на мель на очередном повороте, подорвется ли на мине, которую кто-либо ей услужливо подставит на пути, не выкинет ли на берег, разваливаясь на куски. А другого фарватера, прорытого специально для

России, для ее «особого пути», не существовало, и прорыть его не представлялось возможным.

Тем большим был искус повернуть назад. Назад к добрым старым временам партократии, Госплана и тотального распределения, забыв, куда эти славные времена завели Советский Союз. По большому счету, те, кто боялся или просто не хотел идти вперед, и слились в непримиримую оппозицию, желая во что бы то ни стало затормозить, а то и вовсе остановить движение вперед.

А президент желал продолжать движение по избранному пути, отлично понимая, что нет ничего более страшного, чем остановка на минном поле, когда часть его уже пройдена.

Это делало схватку неизбежной, а в такой ситуации никакие писаные (особенно не им) законы не могли остановить президента Ельцина.

Можно вспомнить, как 23 августа 1991 года, когда возвращенный из форосского плена Горбачев что-то невнятно пытался объяснить российским депутатам, Ельцин «в качестве разрядки» объявил своим указом о роспуске КПСС. Разве роспуск КПСС был конституционен? Но общество давно ждало этого, ибо нарыв давно созрел и требовался легкий укол скальпелем, чтобы его прорвало и избавило организм от опасности общей гангрены.

Разве было конституционно Беловежское соглашение? Но опоздай это соглашение на месяц, и республики СССР схлестнулись бы с Россией в войне, которую нельзя было назвать гражданской. Никто уже не помнит, как облегченно вздохнули те, кто всего через год стал орать о «Беловежском заговоре», погубившем СССР.

А введение президентства в России непосредственно под Ельцина было конституционно? Но его все хотели, и оно стало реальностью.

Ельцин всегда знал, когда и при каких обстоятельствах с наименьшими потерями он может переступить черту, не считаясь с законами.

И сейчас он знал, что Верховный Совет под водительством Хасбулатова, формально защищенный неприступными статьями Конституции, всем надоел и всех раздражает. Более того, Верховный Совет сплотил вокруг себя все силы, готовые на все, чтобы снова оттащить страну назад — в тот самый тупик, из которого ее удалось вывести.

Представлялась прекрасная возможность прихлопнуть всех одним ударом. А вместе с тем, предметно показать, что в России есть власть, способная в любых условиях навести порядок. Даже в условиях демократического беспредела.

Слабость позиции президента Ельцина заключалась в том, что искренне не желая возвращения страны в тоталитарно-плановое вчера, он и его советники плохо себе представляли курс, по которому следовало двигаться дальше, ибо уже становилось ясно, что для того заколдованного круга, в котором билась и конвульсировала огромная страна, нет ключей, и ни один из западных рецептов сработать не может.

Чего еще, видимо, не понимал президент Ельцин, что страна, которую в течение 70 лет коммунисты держали в замороженном состоянии, вовсе не оттаяла, как надеялись смелые экономисты, проектируя реформы.

Привитая народу чудовищным методом массовых убийств иждивенческая психология профессиональных нищих заставляла каждую клеточку огромного российского организма снова и снова генерировать тоталитаризм в самых разных его проявлениях.

И несмотря на то, что Ельцин, впервые в русской истории, посмеивался над своими карикатурами в прессе, пытался вдумчиво разобраться в претензиях к нему справа и слева, не обращал внимания на грязные выпады и оскорбления, пытаясь поддержать в стране полную свободу печати, собраний и союзов — основы любой демократии, он оставался тоталитарным лидером, хотя и не понимал этого. Он поймет это позднее, но более дорогой ценой…

На Ивановской площади Кремля, улыбаясь в объектив телекамеры специальной бригады при управлении администрации президента, силовые министры обменивались рукопожатиями с президентом и друг с другом. Грачев и Ерин были в генеральской форме, Галушко и президент — в штатском.

Министры демонстрировали свою верность президенту, давая понять Руцкому, как опрометчиво и глупо он поступил, назначив собственных министров.

— Какое будущее вы видите для Верховного Совета? — спросил остающийся за кадром голос президента Ельцина.

Как обычно, медленно чеканя слова (чтобы до всех дошло), с каменным выражением лица, на котором шевелились только губы, Ельцин ответил:

— Верховного Совета более не существует. Он распущен. Выборы нового парламента в декабре, вместе с референдумом по новой Конституции. Народ сам сделает выбор.

— Что вы скажете по поводу того, что Верховный Совет объявил президентом России Александра Руцкого? — спросил голос за кадром.

Губы Ельцина дрогнули в усмешке:

— Это несерьезно.

Силовые министры почтительно молчали.

— Если Верховный Совет не подчинится вашему указу, вы намерены предпринимать какие-нибудь конкретные меры, чтобы заставить их это сделать? — допытывался голос за кадром.

— Никаких силовых мер против Верховного Совета предпринято не будет, — заверил президент. — Думаю, они сами все поймут. Конечно, если руководство Верховного Совета спровоцирует какие-либо нарушения законности и правопорядка, мы примем соответствующие меры. Но я надеюсь на их разум.

15:40

Смотря по телевизору на летучее интервью Ельцина, Александр Руцкой обратил внимание на то, что Ельцин ничего не сказал о предстоящих в декабре одновременных выборах президента и парламента. Речь шла только о перевыборах парламента и референдуме о новой Конституции.

Хасбулатов, раскурив трубку, заметил по этому поводу, что необходимо проявить инициативу и принять решение: перевыборы парламента и референдум по Конституции проводить только после новых президентских выборов. Для проведения всех этих мероприятий гражданин Ельцин должен покинуть Кремль, передать до выборов свои полномочия законному президенту Руцкому…

В этот момент погас экран телевизора, потом снова зажегся, мигнул и опять погас.

По старой советской привычке Руцкой ударил по крышке телевизора кулаком. Эффекта не было никакого. И тут только оба обратили внимание, что погасли и лампы дневного света на потолке.

Хасбулатов нажал кнопку выключателя настольной лампы.

Света не было.

Быстро соединившись со службой хозяйственного обеспечения, руководители мятежа поняли, что огромное здание Белого Дома обесточено.

Через некоторое время пришло сообщение, что в здании отключена и горячая вода.

В принципе, в этом не было ничего страшного. Белый Дом, как и большинство правительственных зданий бывшего СССР, всегда подсознательно готовящихся к осаде, имел собственную электростанцию и автономную систему аварийного освещения. Аварийная система работала от аккумуляторов, и поэтому долго действовать не могла. Что касается электростанции, то она была, во-первых, законсервирована, а во-вторых, у нее не было запасов солярки. Но все это было, как говорится, не смертельно. Хуже было с самим фактом отключения света и горячей воды. Это означало, что власти, во главе в бывшим президентом Ельциным, сознательно идут на обострение ситуации.

Они думают подобными методами сломить сопротивление, как будто речь идет о принудительном выселении жильцов из идущего на капитальный ремонт дома. Ельцин и его компания только опозорят сами себя подобными кухонными приемами и ускорят свой бесславный конец.

В это время Руцкому доложили, что телегруппа американской компании «Си-Эн-Эн» прибыла, чтобы взять у него интервью для американской и западноевропейской аудитории. Руцкой сам попросил западных корреспондентов почаще бывать в Белом Доме и показать миру истинную демократию на фоне грубой и вульгарной диктатуры Бориса Ельцина. Корреспонденты вели себя как-то непонятно. Без особого энтузиазма. Совсем не так, как должны вести себя западные корреспонденты, ведя репортажи из стана восставших за демократию против диктатуры. Так, скорее, берут интервью у подсудимых — опасных преступников, прорвавшись в перерыве судебного заседания через кордон полиции и сунув в клетку микрофон, да так, чтобы никто, упаси Бог, не подумал, что представляемое тобой телевизионное или информационное агентство этому преступнику сочувствует.

Насколько было известно Руцкому, ни одна из записанных им кассет с иностранными журналистами не была полностью показана на Западе. Нарочито демонстрировали его не самые удачные, вырванные из контекста, выражения, снабдив их при этом либо ироническими, либо открыто издевательскими комментариями. Он уже начинал понимать, что против него ведется большая игра, где президент Ельцин — всего лишь наконечник копья, в то время как древко находится неизвестно в чьих руках.

Ведущая телекомпании «Си-Эн-Эн» Клер Шифман — хорошенькая женщина лет тридцати, говорящая по-русски с легким акцентом, но вполне прилично, была очень приветлива.

«Как может ваш президент, — набросился на нее с упреками Руцкой, — поддерживать Ельцина, после того как тот самым грубым образом растоптал Конституцию России, ту самую Конституцию, на которой он клялся».

«Мы именно потому к вам и пришли, господин Руцкой, — улыбнулась Клер, — чтобы довести до сведения американцев, в том числе и президента США, вашу точку зрения на происходящие события».

«А потом снова все вырежете и так все преподнесете, что я буду выглядеть круглым дураком или мелким хулиганом?» — с обидой в голосе поинтересовался «параллельный» президент России.

«Господин Руцкой, — сказала Шифман. — У нас идет сейчас прямой репортаж на Америку. Поэтому вы можете говорить все, что хотите. Миллионы американцев, которые сейчас собираются на работу или уже находятся в своих офисах, включая мистера Клинтона, услышат каждое ваше слово».

Руцкой недоверчиво взглянул на американскую телевизионную бригаду.

Не считая Шифман, три человека с переносной аппаратурой явно автономного питания, поскольку отключена электроэнергия. Опять вранье!

Прямой репортаж на Америку! Рассказывайте сказки. Понесут запись Полторанину, а тот укажет, что вырезать, а что оставить.

Поэтому Руцкой начал недовольным и обиженным тоном:

«Внутри Белого Дома нет никаких бандформирований, как утверждают сторонники Ельцина, и никто не собирается организовывать провокации».

«Никто не плел никаких заговоров против Ельцина, — продолжал Руцкой, подбодренный кивками со стороны Клер Шифман. — Наоборот, именно стремление ублажить президента привело к тому, что мы сегодня имеем. Есть законы и Конституция, которые просто надо соблюдать. Отказ от этого принципа ведет к полному хаосу и станет основой для дальнейших нарушении законности, правопорядка и демократии».

Руцкой перевел дух и продолжал:

«Нужно с сегодняшнего дня объявить, что самое мелкое нарушение законов и демократии должностными лицами будет строго наказываться. Только тогда в государстве будет порядок. Россия попала не просто в деликатное положение — это позор, когда пьяный президент и его окружение довели страну до такого положения. Ельцин уже трижды пытался разыгрывать такие штуки, позорил Россию, и все это ему сходило с рук».

«Но есть ли возможность выхода из ситуации?» — спросила Клер.

«Есть, — ответил Руцкой. — Для этого необходимо полностью отменить вчерашний указ Ельцина, выполнение статей Конституции, одновременные парламентские и президентские выборы в период январь-март 1994 года. Верховный Совет разрабатывает новый закон о выборах в парламент, который утверждается съездом народных депутатов. Должен быть создан контрольный наблюдательный совет субъектов Федерации, который во взаимодействии с Конституционным судом будет осуществлять контроль за проведением выборов. Прошедшие дни ясно уже показали, кто есть кто. Я убежден, что сторонники Конституции и закона победят. Нас активно поддерживает провинция, меня там знают. Я всегда говорю то, что думаю, и называю вещи своими именами… Я считаю, что Россия должна пробудиться, но я не хочу, чтобы это сопровождалось кровопролитием, бессмысленным и беспощадным бунтом».

Руцкой помолчал немного и добавил:

«Видите, что творится. Свет отключили и отопление. И это цивилизованные методы?»

Как бы в ответ на эти слова свет снова зажегся.

То ли власти передумали, то ли удалось наладить автономную энергосистему.

«Спасибо, господин Руцкой, — сказала Шифман. — Мы переключаемся на наружную камеру».

«Вы и снаружи снимаете?» — спросил бывший вице-президент.

«Да, — пояснила Шифман. — Мы развернули круглосуточный монитор на крыше одного из небоскребов напротив Белого Дома».

«Да, да, — оживился Руцкой. — Снимайте. Покажите там своим, что у нас в стране творится по вине кремлевской банды. Пусть посмотрят, за кого народ».

Американцы ушли. Руцкой снова включил телевизор и опять увидел ненавистное лицо Бориса Ельцина, идущего по Тверской в окружении охраны и трех силовых министров. Время от времени к президенту подпускались корреспонденты с вопросами. Один из них спросил Ельцина, гарантирует ли тот одновременные парламентские и президентские выборы в декабре?

«Я думаю, — ответил президент, — эти выборы надо разнести по времени. В декабре провести выборы в новый парламент, а президентские, скажем, в июне».

Он улыбнулся и добавил: «12 июня — это у меня счастливый день».

Руцкой со злостью выключил телевизор.

12 июня 1990 года Ельцин стал президентом России, а он вице-президентом, дав слово чести офицера, что никогда не подведет своего шефа.

16: 30

Не успели уйти американцы, как Руцкого предупредили о том, что генерал Ачалов начал раздачу автоматов добровольцам, записавшимся в ополчение у представителей «Союза офицеров», стоявших у подъездов Белого Дома.

«Президент» разыскал «министра обороны» в одном из коридоров первого этажа. Окруженный группой людей в военной и полувоенной форме генерал, от которого за версту несло «букетом» из дорогих коньяков, руководил распаковкой аккуратных зеленых ящиков с металлическими ручками и стальными замками. В открытых ящиках, выложенных поролоном, матово поблескивали новенькие автоматы Калашникова — прекрасные, как и все потенциально несущее смерть.

Руцкой спросил Ачалова, кто распорядился о раздаче оружия?

— Я распорядился! — весело ответил генерал.

Рядом с ним стоял подполковник Терехов, на груди у которого висел автомат с укороченным стволом и откидным прикладом, предназначенный для вооружения десантно-диверсионных групп.

Руцкой онемел от удивления.

— Александр Владимирович, — как ни в чем не бывало спросил Ачалов. — Ты новость слыхал? Ростропович приехал. Значит, будет стрельба.

— К нам? — глухо спросил Руцкой.

В августе 1991 года великий виолончелист, прервав свои гастроли в Германии, тоже неожиданно появился в Белом Доме, и Руцкому хорошо было известно, что он сделал это не только для того, чтобы покрасоваться перед объективами с автоматом Калашникова в руках. Поэтому Руцкой с затаенной надеждой и спросил: «К нам?».

Ачалов зло рассмеялся:

— Ну, да, к нам! Держи карман шире! Будет теперь этого алкана услаждать и около него вертеться. Говорят, прямо на Красной площади даст концерт.

Вообще-то связь между приездом Мстислава Ростроповича и раздачей автоматов была очень туманной, и, видимо, отчетливо выглядела только в лихой голове генерала Ачалова. Поэтому Руцкой снова настойчиво поинтересовался, кто разрешил министру обороны вооружать полупьяных ополченцев боевым смертоносным оружием.

— Ты посмотри, что творится, — сказал Ачалов, увлекая Руцкого к выходу на балкон. Охрана «вице-президента» еле успевала занять нужные позиции, чтобы чья-нибудь хладнокровная пуля, пущенная в окно, не оборвала столь стремительную динамику российской Вандеи.

На площади перед Белым Домом собралось уже не менее 8 тысяч человек. Сменяя друг друга, Бабурин, Анпилов, Константинов, Макашов, Уражцев и Умалатова призывали их к оружию, к восстанию, к свержению оккупационного правительства предателя Ельцина. Ораторы с менее известными фамилиями еще меньше стеснялись в выборе выражений, красочно говоря о жидовском иге, которому именно сейчас должен быть положен конец. Так призывать к оружию и его не дать — значит погубить все дело на корню. Люди должны почувствовать наконец, что от слов уже начался переход к делу.

— Но это не значит, что оружие надо выдавать кому угодно, — снова возразил Руцкой. — Ты что, Слава, не понимаешь, сколько в этой толпе обычных уголовников и прочего сброда?

«Савецкий Саюз! Савецкий Саюз!» — скандировала толпа, возбужденная боевыми речами ораторов.

— Мы кому угодно не выдаем, — сказал Ачалов. — Только офицерам, которые записались к Терехову в «Союз». Нам надо же какую-то оборону наладить. Штатная охрана уже выведена из подчинения Верховному Совету, и Ерин потребовал, чтобы они покинули здание и прибыли в МВД. Как они себя поведут, неизвестно.

Генерал снова рассмеялся:

— И какой ты президент, если у тебя нет гвардии. Мы уже сформировали президентский полк. Можешь смотр произвести.

Разговаривая, они подошли к 20 подъезду, возле которого шла раздача оружия и формировались боевые отряды. Ребята из «Союза офицеров» со звездным орлом на груди все уже были обвешаны оружием. У подъезда толпился самый разный народ. Вербовщики спрашивали: «В какой отряд запишешься?» И, получив согласие, интересовались воинским званием. Все представлялись офицерами запаса, некоторые уверяли, что они — отставники. Многие, похоже, видели друг друга впервые в жизни, но некоторые приходили уже сплоченными группами. Списки, накарябанные на каких-то мятых листках неразборчивым почерком, передавались раздатчикам оружия. Офицерам в форме автоматы выдавались даже без проверки документов. Некоторые предъявляли военные билеты. Когда их не было, сходили студенческие билеты и заводские пропуска.

Сам подполковник Терехов с видом опытного зазывалы кричал проходящим: «Записывайтесь добровольцами. Получите автомат, как у меня». И с удовольствием хлопал рукой по своему короткоствольному вороненому красавцу [2]. Было видно, что сам подполковник радуется автомату, как школьник. Видимо, за годы службы ему редко приходилось видеть оружие, а не то что им пользоваться.

Мимо, чеканя шаг, промаршировал отряд баркашовцев с новенькими автоматами на груди. Вождь, как всегда, оказался прав. Удалось без всяких хлопот и «на халяву» получить столько оружия, сколько и не снилось. По короткой команде отряд остановился, повернулся «напра-во!» и поднял руки в нацистском приветствии. К 20-му подъезду уже маршировал новый отряд со свастиками на рукавах еще без оружия.

Большая группа людей явно южного типа, именуемая обычно в сводках «лицами кавказской национальности», издавая радостные гортанные звуки, подобные клекоту орлов их родных гор, грузила автоматы и один пулемет в багажники нескольких «вольво» на глазах всего честного народа и редкой цепочки милицейского оцепления. Последним было приказано ни во что не вмешиваться, что они с удовольствием исполняли.

Руцкого, который, что ни говори, в Белом Доме был в достаточной степени новичком, довольно поздно дезертировав туда из команды Ельцина, удивило такое количество оружия, оказавшееся складированным в здании, занимаемым мирным законотворческим органом Российской Федерации. Причем добровольцам выдавались не только пистолеты и автоматы, но пулеметы и даже гранатометы. Ему сказали, что это штатное табельное оружие охраны Верховного Совета. Однако небольшое по численному составу милицейское подразделение, осуществляющее охрану Белого Дома, никак не могло нуждаться в таком количестве и в такой номенклатуре вооружения. В одном из ящиков, к великому удивлению Руцкого, оказались даже зенитные ракеты «Стрела», которые хотя и были менее эффективными, чем «Стингеры», но вполне могли отбить охоту у любого подлетать ближе пяти миль к роскошному зданию российского парламента.

Видимо, здесь уже давно и основательно готовились к нынешним событиям.

У Руцкого впервые появилась мысль, что он стал всего лишь пешкой в чьей-то большой игре с очень сложным сценарием, далеко выходящим за пределы той склоки, которая завязалась между Кремлем и Домом Советов.

Но эта мысль сразу куда-то улетела при виде генерала Макашова, возбужденно идущего по коридору в обществе каких-то молодцов в полувоенной форме, но (к счастью или к сожалению) без оружия.

Руцкого ждал еще один сюрприз. Оказывается, Макашов хотел захватить здание Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям, где была развернута аппаратура спецсвязи. Группе Макашова удалось проникнуть в здание, вскрыть несколько помещений, после чего они были задержаны до этого дремавшей охраной. Одно из помещений оказалось на охранной сигнализации, звонок которой и разбудил охрану, хотя еще не было и четырех часов после полудня. Макашов думал, что сейчас всем им и крышка — арестуют. Но охрана, видимо, парализованная видом трех генеральских звезд Макашова, всего лишь почтительно выпроводила их из здания. «Вообще-то, — докладывал Макашов своему президенту и министру обороны, — взять ГКЧС — не хер делать. Дай мне, Слава, двух автоматчиков, и я тебе обеспечу связь со всем светом».

Ачалов обещал подумать, и Руцкой понял, что Макашов, как всегда, проявил личную инициативу, что всегда отмечалось в его служебных характеристиках. Так же было и в августе 91-го года, когда его войска взяли Самару и готовы были наступать дальше, вплоть до Москвы.

«Эти генералы нас могут здорово подставить», — сознался Руцкой Хасбулатову, рассказав, что творится в Белом Доме и вокруг него.

Хасбулатов, занятый подготовкой своей речи, которую он собирался произнести на завтрашнем съезде народных депутатов, отреагировал без излишней нервозности:

— Главное — за нас народ. Из регионов сообщают, что местные Советы коллективно готовят ультиматум Ельцину. Либо он отменяет свой указ от 21-го, либо они назначают крупномасштабную акцию гражданского неповиновения, пока он не уйдет со своего поста.

В кабинете присутствовали заместители Хасбулатова — Юрий Воронин и Рамазан Абдулатипов.

Воронин, бывший партаппаратчик из Казани, спросил Руцкого:

— Александр Владимирович, вы говорите, что эти генералы могут нас всех поставить в дурацкое наложение. Я с вами согласен. Но вы уверяли нас в течение почти полугода, что армия и даже афганские ветераны — за вас. Где же армия? Почему еще ни одна воинская часть не пришла к Белому Дому? Где генералы, которые обещали вам содействие? Если вам не совсем удобно к ним идти, то назовите мне их фамилии, я пойду к ним сам и приведу их сюда вместе с их частями.

— Не надо тревожить генералов пока, — с легким кавказским акцентом вмешался Абдулатипов. — Это правильно — вначале вооружить народ, чтобы власти поняли, что народ намерен защищать свои права на свободу и демократию. Вооруженный народ — лучшее предостережение властям.

Аварец по происхождению, врач по образованию, партийный номенклатурщик по профессии, Рамазан Абдулатипов, некогда заведовавший в ЦК КПСС отделом межнациональных отношений, знал, о чем говорил.

С его легкой руки весь Северный Кавказ и Закавказье уже были превращены в одну зону кровавого конфликта именно на межнациональной почве, детонатор от которого всегда находился в отделе межнациональных отношений ЦК. Методика была простой и по-ленински четкой: главное — для начала вооружить народ. Причем каждый народ отдельно: ингушей,

осетин, дагестанцев, чеченцев, абхазцев и так далее. И народ сам поймет, как ему бороться за свои права.

Абдулатипов, не скрывая своих связей со старыми партийными структурами бывшего Союза и верности коммунистическим идеалам, даже ныне числясь в Социалистической партии трудящихся Роя Медведева, несмотря на это, а, может, быть именно поэтому, показывал всем образец непотопляемости, спокойно и элегантно перетекая из одной разгромленной структуры в другую. Из Верховного Совета упраздненного СССР он перетек в Верховный Совет РСФСР, где, естественно, состоял в блоке «Коммунисты России» и даже, как известно, предлагался блоком на ту самую должность, которую ныне занимал Хасбулатов. Из Верховного Совета РСФСР Абдулатипов перетек в заместители сначала Ельцина, а затем — Хасбулатова, и даже оказался одним из той знаменитой «шестерки», выступившей в начале 1991-го года против Ельцина, кому это полностью сошло с рук и позволило сохранить свой пост и авторитет в глазах правительства. Подобная непотопляемость служила хорошим примером. Для других, полагавших, глядя на Абдулатипова, что и им удастся так же легко исполнить «Гигантский слалом» на ухабах нынешней российской политики.

Это была ошибка, подобная, по словам Бисмарка, туберкулезу, невидимому при своей начальной стадии.

18:00

Вернувшись после прогулки с президентом по центру столицы, Николай Галушко немедленно позвонил Евгению Савостьянову. Начальника Управления Министерством безопасности по Москве и Московской области не было на месте.

Оказывается, он принимал корреспонденцию в центре общественных связей Министерства, рассказывая, какие меры принимаются на Лубянке для поддержания правопорядка в Москве вообще и в районе Белого Дома — в частности. На вопрос одного из журналистов, известно ли ему, что в Белом Доме началась раздача оружия, Савостьянов, мягко улыбаясь в бороду, ответил, что не надо раздувать слухи. «Мы отслеживаем ситуацию», — успокоил он представителей прессы, смотревших на него встревоженными глазами. Именно в этот момент к нему подошел один из сотрудников центра и подал Савостьянову записку, где говорилось, что его срочно вызывает министр.

Савостьянов извинился, прервал встречу с журналистами, оставив их в тревожном недоумении, и отправился к Галушко.

Министр сидел без пиджака с выражением лица, которое вполне можно было назвать подавленным.

«Президент хочет, чтобы все кончилось побыстрее», — с усталым видом напомнил Галушко, когда Савостьянов сел за стол для заседаний, перпендикулярно стоявший к столу министра.

«Я говорил с президентом, — ответил Савостьянов, — и подтвердил ему, что необходима минимум неделя-полторы для завершения…»

Галушко сделал нетерпеливый жест рукой:

— Да, да. Но ряд мероприятий необходимо начать уже сегодня.

— Сегодня-завтра, — поправил Савостьянов. — Мне кажется, что слишком спешить нецелесообразно.

— И тем не менее, — не согласился министр, — не следует переносить на завтра то, что можно сделать уже сегодня, поскольку президент ждет.

— Мероприятия, приуроченные к конкретной дате или к прихоти конкретного лица, считались одним из главных недостатков прошлого режима, — улыбнулся Савостьянов.

На лице Галушко появилось подобие улыбки:

— Вы так и скажите президенту, Евгений Вадимович.

— Я ему это уже сказал, — подтвердил Савостьянов.

— И что президент? — поинтересовался Галушко.

— Вы знаете не хуже меня, — засмеялся главный «чекист» Москвы, — что президент всегда соглашается с каждым, кого удостаивает беседой.

— Видимо, со мной он говорил несколько позднее, чем с вами, — нахмурился Галушко. — Потому что он особо подчеркнул важность быстрого решения.

— А что вы ответили? — спросил Савостьянов.

— Я заверил президента, что так оно и будет, — вздохнул министр.

— Молча? — снова улыбнулся Савостьянов.

Как ни пытался Галушко идти в ногу со временем, его подсознательно раздражала манера Савостьянова вести разговор в таком духе, как будто они оба — генерал-полковники и прослужили в госбезопасности всю жизнь.

Конечно, не следует забывать, что Савостьянов — личная креатура Ельцина и, вообще, неизвестно кто такой, но все-таки и ему не следовало бы забывать, как положено в системе КГБ: получать инструкции не просто от начальства, а от самого министра. Правда, и Галушко не следовало забывать, что перед утверждением его на столь высоком, фактически на самом высоком российском посту, Ельцин звонил Савостьянову и спрашивал его мнение. А то на месте Галушко мог оказаться кто угодно: и сам Савостьянов, и Степашин, и даже Галина Старовойтова.

И еще неизвестно, хорошо это или плохо: в такое время оказаться на посту министра безопасности, когда помимо тебя, по меньшей мере, дюжина твоих подчиненных имеют напрямую выход на главу государства и даже об этом не докладывают. И это при условиях, когда в Белом Доме сидит Виктор Баранников, постоянно напоминающий о своем существовании звонками в Секретариат. «Думает или нет Галушко подчиниться указу законного президента России Руцкого и сдать дела ему, Баранникову. Отдает ли он себе отчет о персональной ответственности за невыполнение указа президента? Ознакомлен ли он с последним законом, принятым Верховным Советом, который предусматривает расстрел именно для таких случаев?» Судя по записи разговора, звонил не сам Баранников, а кто-то из его людей. Но трудно было предположить, что бы сам Баранников об этом не знал.

И хотя профессиональный «чекист», памятуя о славной истории своей службы, никогда не забывает о расстреле, как о логичном завершении собственной карьеры, Галушко, как, впрочем, и все другие, подобного завершения собственной карьеры, естественно, не хотел. Но чувствовал, что поставлен в самое, дурацкое положение.

Еще никогда в России не существовало сразу два министра госбезопасности, причем стравленных друг с другом в непонятной игре, где на кону может оказаться голова одного из них, а может быть, и обе.

Новое мышление совершенно не коснулось ни одной из голов в системе безопасности, о чем сокрушался еще Михаил Горбачев.

— Я вас попрошу, — после некоторой паузы проговорил Галушко, — лично проконтролировать все мероприятия, как на стадии подготовки, так и…

Министр снова вздохнул и добавил:

— Вы понимаете?

Савостьянов кивнул головой и попросил разрешения идти.

— Минутку, — сказал Галушко. — А что с грузом?

— Все в порядке, — поднял на него глаза Савостьянов. — Тот, что послан коротким путем, уже прибыл. А тот, что послан длинным путем, ожидается дня через два-три спецавиарейсом.

— Так почему же сегодня такой сбой графика? — министр сунул в рот какую-то таблетку и запил ее водой из старомодного графина времен Виктора Абакумова.

Савостьянов внимательно взглянул на своего шефа, подбирая слова, чтобы ответить понятнее. Старое здание на Лубянке прослушивалось насквозь вдоль и поперек. Даже неизвестно кем. Всеми. Цена слова всегда стоила здесь очень дорого, а сегодня — и говорить нечего.

— Во-первых, амбиции, — как бы в раздумьи произнес Савостьянов. — Вы же знаете нашу армию. Она считает себя очень хитрой и умной, при планировании просчитывает варианты на компьютерах до пятого знака, а ведет себя всегда, как слон, ловящий мышь в посудной лавке. Лавка разгромлена, а мышь, естественно, сбежала. Это не их вина, это образ жизни.

Получатель груза знает это не хуже любого другого. Все-таки — генерал-полковник. Все должно быть подчинено логике войны. Это его слова. А логика войны подсказывает, что в конкретной обстановке проиграет тот, кто сделает первый выстрел. Этот выстрел будет очень громким — его услышит весь мир. И, конечно, он его делать не хочет, а потому даже хотел отказаться от гуманитарной помощи, если так можно выразиться. И отказался бы, я уверен, если бы не некоторые слабости его характера, которые он не в силах перебороть…

— Все это очень заумно, — проворчал министр. — Не переиграйте. Впрочем, вы несете персональную ответственность перед президентом и будете отвечать, если…

— Если вас волнует только это, — спокойно, без тени вызова ответил Савостьянов, — то, разумеется, вся ответственность лежит на мне, и я не собираюсь ни за кого прятаться. И прошу только, чтобы мне не мешали.

— Извините, — Галушко, смотревший до этого на полированную поверхность своего стола, поднял глаза на своего дерзкого подчиненного, — но меня волнует не только это.

Министр замолчал и стал нервно протирать очки.

— Я вас слушаю, — почтительно отозвался Савостьянов.

— Евгений Вадимович, — тихо, но очень четко произнес Голушко. — Я не знаю и не интересуюсь, какие инструкции вы получили через мою голову или даже относительно моей головы. Но я вас прошу, не подставляйте наше ведомство под удар. Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что вся эта кутерьма затеяна главным образом для того, чтобы уничтожить нас как один из государственных институтов. Независимо от того, кто из них победит, в проигрыше окажемся мы. А наша ликвидация — это очередная ошибка, которую совершит нынешнее государственное ведомство в череде уже очень многих ошибок. Вы меня понимаете?

Савостьянов ответил мягкой улыбкой:

— Я тоже здесь работаю. И, сознаюсь вам, мне тоже не хочется отсюда куда-нибудь уходить, а тем более — под суд за нарушение фундаментальных основ государственного права. Хотя, как вы знаете, любое право в нашей стране — это крепостное право.

— Я этого не знаю, — жестко отреагировал министр. — Можете идти.

Вернувшись к себе, Савостьянов обнаружил, что один из стоявших на его столе телефонов надрывается от звонков. Едва ли в Москве набралось бы два десятка человек, которые знали номер этого телефона, связывающий начальника управления Министерства безопасности Москвы с городской АТС. Все остальные обязаны были пользоваться средствами спецсвязи или через дежурного по управлению. Так что Савостьянов мог бы

догадаться, кто ему звонит, даже не слушая голоса автомата, сообщающего помер телефона звонившего.

Он взял трубку и, как ожидал, услышал на том конце провода взволнованный голос Льва Пономарева — депутата от демократов, своего товарища по демократическому движению, которое группировалось в свое время вокруг Гавриила Попова — бывшего мэра Москвы.

— Женя, — спросил Пономарев. — Как дела?

— Неважно, — ответил Савостьянов.

— Ты знаешь, что Ачалов и Макашов уже раздают автоматы в Белом Доме?

По голосу было видно, что Пономарев изо всех сил старается выглядеть спокойным.

— В самом деле? — переспросил Савостьянов.

— Я тебе точно говорю, — закричал Пономарев. — Там уже все маршируют с оружием. Все: и баркашовцы, и казаки, и кто угодно.

— Интересно, — проговорил Савостьянов. — А откуда у них столько оружия?

— Ты меня спрашиваешь? — взорвался Пономарев. — Я тебя хотел об этом спросить. Вы что-нибудь думаете делать? Или будете отсиживаться, как обычно?

— Лева, — вздохнул Савостьянов. — Я тебе честно скажу, что макашовские автоматы — это последнее, что меня сейчас волнует. Все даже хуже, чем ты себе представляешь.

— А что такое? — голос у Пономарева дрогнул.

— Непобедимая и легендарная очень хочет сказать свое веское слово и не в нашу пользу, — ответил Савостьянов. — Ты меня извини. По телефону я не хочу обсуждать такие вещи. Да, и права не имею. Но могу тебе посоветовать уехать куда-нибудь из города. Во всяком случае — отослать семью куда-нибудь подальше. Ты меня понял? Все, извини, дела.

Савостьянов посмотрел на часы. Было 19 часов 25 минут. Он протянул руку к кнопке селектора и приказал подать машину к подъезду к восьми часам.

19:45

Генерал Грачев отличался от всех своих предшественников на посту министра обороны богатой мимикой своего лица. Все его великие предшественники — от маршала Ворошилова до маршала Устинова и маршала Язова — славились тем, что на их лицах ничего невозможно было прочесть, кроме надменного самодовольства. Генерал Грачев не прошел сталинско-брежневской номенклатурной закалки, когда народу требовалось глядеть на номенклатурное начальство не иначе, как на небожителей, а потому на лице министра обороны вечно мелькали то улыбки, то недовольные гримасы. Словом, настроение генерала было всегда написано на его лице. Новая элита только начинала формироваться, и ее повадки были много проще, чем у небожителей ушедшей эпохи, хотя и сохранилось врожденное для России презрительно-пренебрежительное отношение к собственному народу. Но тут уж было решительно ничего не поделать.

«Власть в России всегда была хорошей — ей с народом не везло», — заметил однажды один циничный историк и был, наверное, прав.

Ныне на лице генерала армии Грачева читалось глубокое раздумье в сочетании с недовольством. Генерал молчал. Молчал и сидящий против него генерал-полковник Громов, бывший начальник Грачева, а теперь его первый заместитель, один из немногих офицеров, которому Грачев еще мог доверять, правда, с некоторыми оговорками. То, что многие старшие офицеры морочили голову бедняге Руцкому, а потом с той же ретивостью докладывали об этом Грачеву, чтобы, не дай Бог, чего не подумали, было скорее не страшно,

а противно. Любой из них мог, услышав какое-либо неосторожное слово от самого Грачева, немедленно доложить об этом и самому президенту, не забыв кое-что прибавить от себя. Доносительству учили семьдесят лет, и не счесть числа трагедий, обрушившихся на армию. Ныне трагедии превратились в фарс, еще более подогрев желание доносить друг на друга. Благо никого не арестовывают и не расстреливают. Совесть чиста, а сигнализировать нужно.

Грачев, вернувшись после прогулки с президентом, провел переговоры по шифро-спецсвязи с командующими округами и флотами, как на территории нынешней России, так и бывшего СССР. Не везде, конечно, но в большей части, так называемого, «ближнего зарубежья» удалось сохранить структуру единого армейского подчинения. Некоторые командующие вообще толком не понимали, что опять случилось в Москве. Какое назначение получил Ачалов? Некоторые полагали, что Ельцин снял с должности Грачева и назначил Ачалова. Правда, никто не запрашивал у Москвы разъяснении, считая, что центр их даст сам. Приходилось объяснять долго и противно, что происходит в столице. Командующие округами всегда входили в местные партийно-государственные элиты, будучи, как правило, членами бюро обкомов и депутатами Верховных Советов разных уровней. Как партия прикажет.

Ныне первые секретари обкомов перетекли в областные советы, сохранив на командующих, по большей части, былое влияние. И все они, а это уже было ясно, встали на дыбы, узнав об указе президента No 1400.

Некоторые командующие были вполне в курсе дела. Правда, никаких директив они от Ачалова не получали, видимо, потому что у того не было связи. Но были очень раздражены происходящим. Они советовали Грачеву занять позицию самого жесткого нейтралитета и ясно дать понять обеим враждующим сторонам, чтобы они оставили армию в покое и никак на нее не рассчитывали в надвигающихся событиях.

Честно говоря, Грачев именно так бы и поступил, если бы он всего пару часов назад не пообещал Ельцину полную поддержку Вооруженных сил. Во всяком случае, все командующие округами подтвердили, что даже не шелохнутся без приказа, подписанного Грачевым лично. По их настроению можно было понять, что они не шелохнутся, и получив подобный приказ. С одной стороны, это было вроде бы хорошо. Во всяком случае, все они точно также поступят и с приказами Ачалова, коль он найдет способ им этот приказ переслать. Это было хорошо, но этого было мало. Оставалось, как всегда, надеяться на Московский военный округ и на гарнизон столицы, во многие части которого уже были доставлены ачаловские приказы. Командиры звонили в Министерство обороны, требуя разъяснений.

«Без моего личного приказа, — кричал охрипшим голосом в трубку Грачев, — подтвержденного устно и письменно, не предпринимать никаких действий, даже если на вас будут падать бомбы!»

Коллегия Министерства, куда, помимо начальника Генерального штаба, заместителей министра обороны и нескольких высших офицеров аппарата Министерства входили и главкомы видов Вооруженных сил, выглядела так же мрачно и угрюмо, как в августе 1991 года, когда маршал Язов пытался воодушевить генералов призывами к спасению социализма и СССР. Даже еще хуже, поскольку августовские события были еще у всех свежи в памяти. Кроме того, хотя с той поры прошло не так уж много времени, армия деградировала с такой быстротой, что ее уже нельзя было сравнить даже с армией 1991 года.

Сформированная по архаичному принципу всеобщей воинской повинности, огромная до абсурда, она превратилась в уродливый срез всего российского общества, впавшего, по меткому выражению одной американской газеты, в «состояние социального озверения». Гигантская масса вооруженных людей, сведенных в роты, эскадрильи, дивизионы и эскадры, как и все население страны, боролась за собственное выживание, пройдя за три года по тернистому идеологическому пути «от третьего Рима до третьего мира». Дедовщина, ставшая бичом армии, порождала небывалое для русской и советской армии массовое дезертирство.

Любой сбежавший из части солдат, будучи пойманным, ссылался на «дедовщину», независимо от того, имела она место в части или нет.

А официальная статистика — 4500 солдат и матросов, убитых в своих частях в течение еще незаконченного 1993 года — создавали для дезертирства крайне благожелательный фон в глазах набирающего силу общественного мнения.

Помимо дезертирства, были буквально провалены два последних призыва в армию. Призывники предпочитали отправиться в тюрьму или в бега, а не явиться в военкомат. Их вылавливали чуть ли не на улицах, пытаясь заткнуть зияющие дыры некомплекта, хотя бы в частях стратегического назначения. В армию хлынули целые категории хронически больных людей, признанных годными для службы, умножая число мрачных трагедий.

Едва ли в лучшем положении находился офицерский корпус. В отличие от своих солдат, идущих в армию на до смешного короткий срок в два года, где по всем правилам российского абсурда первый год считались «молодыми», а второй

— «дедами», офицеры шли в армию фактически на всю жизнь.

Показатель офицерской смертности в мирное время хотя и считался официально секретным, был известен всем и примерно равнялся солдатской смертности, хотя офицеров было, разумеется, более чем на порядок меньше. И хотя причины смертности, если не считать самоубийств, были принципиально другими, чем у солдат, от этого легче не становилось. Глобальные выводы войск из восточной Европы и Прибалтики фактически в чистое поле создавали проблемы с размещением и обучением хотя бы офицерских и сверхсрочных кадров, которые, как все отлично понимали, решить было совершенно невозможно при всех благих намерениях собственного правительства и Запада.

Офицеры практически были поставлены перед вопросом, где раздобыть хлеб насущный. Денежное содержание, хотя и поднималось время от времени, совсем не могло соперничать с галопирующей инфляцией, приводя привыкший к другой жизни офицерский корпус в состояние ярости к тем, кто «развалил страну и затеял эти проклятые реформы».

Если к этому прибавить извечный квартирный вопрос и тот факт, что денежные накопления офицеров за время службы превратились в пыль, то не надо обладать большой фантазией, чтобы представить, с каким энтузиазмом офицеры и солдаты желали бы защищать президента в его борьбе с Верховным Советом и наоборот.

Неминуемое крупное сокращение офицерского корпуса, включая и генералов, которых в Советской армии накопилось едва ли не больше, чем в остальных армиях мира вместе взятых, порождало апатию, под покровом которой вызревала лихая мысль: не разогнать ли, пока не поздно, обе ветви власти и самостоятельно выступить врачевателем недугов, терзающих страну.

При всей своей лояльности к президенту генерал Грачев несколько раз даже в публичных выступлениях призывал политиков разного толка оставить армию в покое и не провоцировать ее навести тот порядок в стране, который она посчитает нужным.

Но армию в покое не оставляли. Пользуясь общим упадком и деградацией общества, ее постоянно будоражили то деятели типа подполковника Терехова, то неувядаемые марксисты товарища Зюганова, то общество «Память», то священники из катакомбных церквей с горящими фанатичным огнем глазами, то авантюристы типа Дэви Марии Христос. И только демократы фактически не вели никакой работы в Вооруженных силах, пустив продекларированные военные реформы на самотек и выбрав из всех видов воздействия на армию лишь урезание ее бюджета, не считая смутных угроз ее вообще разогнать. Президент-демократ, он же Верховный главнокомандующий, должен был служить единственным гарантом приверженности армии светлым идеям демократии. Единственное, чем правительство могло утешить армию — это постоянное напоминание о ее подвигах в годы Отечественной войны. Но эта заезженная пластинка, непрерывно играющая в течение 50

лет, с каждым годом становилась все менее эффективной, особенно в реальностях сегодняшнего дня.

Из августовского путча армия, по выражению тогдашнего начальника Генерального штаба генерала армии Моисеева, выскочила «ошпаренной», и ни за какие блага, ордена и чины не хотела, чтобы ее снова окунули с головой в выгребную яму политической борьбы тщеславных авантюристов, подогретую расплавленным металлом «социального озверения».

Коллегия высказалась в поддержку президента, но с кучей оговорок.

Добиться у президента четких социальных гарантий и известных привилегий для кадрового состава Вооруженных сил. Ясно и четко сформулировать военную доктрину с учетом того, что Россия, как правопреемница СССР, сохраняет статус сверхдержавы. Прекратить все попытки урезания военного бюджета и быстрыми законодательными методами обеспечить призыв в армию. И, наконец, что самое важное, принять срочные экономические меры, чтобы спасти от разрушения драгоценный ВПК.

Не вводить ни одного военнослужащего на улицы столицы, если президент не даст своего согласия по всем пунктам их требований.

А выполнение этих требований означал резкий поворот в обратную сторону от всех попыток реформировать экономическую и политическую жизнь агонизирующей страны.

Но это никого из коллегии Министерства абсолютно не интересовало.

Всем были известны те посулы, которые давал армии Руцкой, если та поддержит его. Но на лихого «полковника» ставить боялись. Из потока его обещаний становилось ясно, что большую часть удастся воплотить в жизнь только в результате многолетних боевых действий, исход которых был, прямо скажем, проблематичным. Воевать же никому не хотелось, а по большому счету, было и нечем. Многие, если не головой, то инстинктом понимали: втянись сейчас страна в какие-либо военные авантюры даже с так называемым «ближним зарубежьем» под флагом восстановления СССР, и страна погибнет окончательно вместе с генеральскими дачами, банями, «мерседесами», «приватизированной» и «акционированной» собственностью и охотничьими угодьями.

Поддержка же Ельцина означала и дальше сытую и размеренную жизнь, огражденную высоким забором от страны и ее проблем.

В перспективе, конечно.

В заключение наметили, какие части можно быстро использовать, если того потребует сложившаяся обстановка. Пока решили не трогать Таманскую и Кантемировскую дивизии, приведя в повышенную готовность 16-ю бригаду спецназа полковника Тишина и 218-й отдельный батальон спецназа подполковника Колыгина.

Было еще одно обстоятельство, которое все присутствующие не могли не принимать во внимание. События, последовавшие после августовского путча относительно персональных судеб высшего военного руководства, напоминали осколки разорвавшегося снаряда, разящие кого попало, вслепую. Маршала Язова и генерала Варенникова посадили. А вот маршала Ахромеева ликвидировали, заставив всех поверить в то, что старый солдат и ветеран нескольких войн способен повеситься, как забеременевшая десятиклассница. Начальника Генштаба Моисеева — фактически главного заговорщика — с миром и почестями отпустили в отставку.

Министром обороны стал не генерал-полковник Кобец, постоянно мелькавший на экране телевизора как командующий обороной Белого Дома, которого уже все прочили на этот пост, особенно после производства его в генералы армии, а никому тогда не известный генерал-майор Грачев, который даже не значился в секретном справочнике ЦРУ «Военное руководство СССР».

Нынешние события, независимо от того, назовут их путчем или нет, также могли очень больно ударить по всем, кто проявил инициативу или ждал приказа, кто действовал решительно и кто решительно ничего не делал. Здесь пригоден был только старый, «совковый» — принцип: «не высовывайся», по крайней мере до получения гарантий.

Но гарантий никаких не было, и никто не думал их давать. Во всяком случае, Грачев уже несколько раз пытался дозвониться до президента после возвращения с прогулки. Президента не было, и никто из его аппарата не знал, где Ельцин находиться.

На лице Грачева была явная растерянность.

20:35

Министр безопасности Руцкого генерал Баранников сидел в выделенном ему просторном кабинете, подписывая ордера на арест. Сбоку у его стола пристроился Сергей Бабурин со списками лиц, подлежащих аресту и интернированию «за попытку антиконституционного переворота».

Списки были частично отпечатаны, частично — написаны от руки с массой помарок и исправлений. Часть фамилий была вычеркнута, а над ними были написаны новые. Депутат Иона Андронов несколько раз звонил по телефону, интересуясь, не забыли ли включить в список Бурбулиса и Козырева. Его успокаивали, уверяя, что эти двое есть во всех списках, но настырный Андронов имел информацию, что эти фамилии хотя и вносятся в список, но каким-то чудесным образом из всех списков исчезают. Вот и сейчас, диктуя Баранникову фамилии, Бабурин, к своему великому удивлению, обнаружил, что фамилия Бурбулиса в его списке вычеркнута жирными красными чернилами, а поверх нее записан какой-то Фридман. Фамилия Фридман считалась настоящей фамилией министра иностранных дел Андрея Козырева, а настоящей фамилией Бурбулиса считался именно Бурбулис, поскольку лучше и нарочно не придумаешь. Бабурин хотел проконсультироваться с многоопытным Баранниковым, что все это значит, но подняв голову от списков, увидел, что министр безопасности смотрит на дверь своего кабинета, побледнев так, как будто увидел привидение.

Без стука и без доклада в дверь вошел начальник Управления безопасности по Москве и Московской области Евгений Савостьянов, как всегда, интеллигентно улыбаясь в свою аккуратно подстриженную бородку. Бабурин также почувствовал сильный дискомфорт и даже прислушался, не происходит ли в приемной какая-нибудь борьба, в ходе которой люди Савостьянова бесшумными стволами ликвидируют охрану генерала Баранникова.

Но все было тихо. Через открытую дверь слышалось лишь глухое щебетание мужественных голосов, да щелканье пишущей машинки, печатающей приказы Баранникова.

— Женя? Евгений Вадимович, ты чего? — хриплым голосом спросил Баранников, опасаясь, что Савостьянов сейчас пристрелит его прямо за письменным столом.

— Сдаваться пришел? — поинтересовался менее впечатлительный и более наглый Бабурин.

Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что всего полчаса назад Баранников своим приказом назначил Бабурина начальником Управления безопасности по Москве и Московской области. Приказ должны были соответствующим образом оформить, утвердить у Руцкого, а затем Бабурин собирался с ним отправиться на Лубянку и вступить в новую должность, с которой было бы гораздо легче проводить в жизнь тот самый замечательный закон о расстрелах, принятый Верховным Советом по предложению Бабурина. Сам составил закон — сам его и выполняй, энергично проводя в жизнь. Все было правильно и логично.

— Сережа, — улыбнулся Савостьянов, усаживаясь в кресло напротив Баранникова, — сходи куда-нибудь погуляй, проветрись. Народ там волнуется у входа, скажи им что-нибудь, подбодри. А то погода портится, еще разойдутся.

Бабурин покраснел, но подчинился, и, закусив губу, вышел из кабинета.

Подойдя к машинистке, он взял с ее стола списки, просмотрел их, зачеркнул фамилию Бурбулиса и вписал поверх «Савостьянов Е. В.» Затем последовал полученному совету и отправился на балкон, с которого в этот момент перед замерзшей толпой ораторствовал товарищ Зюганов:

«Товарищи, — кричал в мегафон председатель партии российских коммунистов и сопредседатель Думы русского национального собора. — Товарищи, всмотритесь в одухотворенные лица Сергея Бабурина, Альберта Макашова, Александра Проханова, Виктора Анпилова. Неужели вы не видите, что это люди с настоящим государственным умом и чистыми помыслами!»

Услышав свою фамилию, Бабурин, настроение которого и так уже было испорчено, раздраженно закусил губу, придавая своему лицу провинциального Мефистофеля совершенно зловещее выражение. Он не любил Зюганова, как не любят друг друга люди с одинаковыми ухватками, приобретенными в разных отделах одного и того же ведомства. Зюганову еще в системе КПСС удалось пройти славный путь от инструктора до заместителя заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Уже была квартира в номенклатурном доме, машина с шофером, право входить в высокие кабинеты, решать чужие судьбы. Его уже знали в лицо даже члены Политбюро.

Именно Зюганов один из первых догадался, что Горбачев и Яковлев — агенты ЦРУ, губящие партию по приказу из-за океана. Почуяв неладное, в страхе потерять завоеванные привилегии, Зюганов стал одним из инициаторов создания Российской компартии, надеясь, помимо всего прочего, осуществить мечту, свойственную всем мелким чиновникам из ЦК: стать членом Политбюро. И Зюганов стал им. Пока РКП Зюганова становилась на ноги, лихорадочно отписывая на себя золотишко и имущество умирающей родительницы КПСС [3], подоспел августовский путч, который Зюганов встретил с восторгом, о чем свидетельствует масса документов от секретариата РКП и лично от товарища Зюганова, посланных в адрес ГКЧП и в низовые структуры своей партии. После провала августовского путча Ельцин запретил РКП, но через некоторое время, благодаря энергичным усилиям председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, эта преступная организация снова была легализована, дав возможность Зюганову вынырнуть из политического водоворота, увлекающего его и его идеологию в канализацию истории.

Нахальный, но неумный демагог, он если чем и отличался от Бабурина, то лишь инстинктом хитрой осторожности, приобретенной в коридорах ЦК КПСС. Этот инстинкт, очень похожий на крысиный, почти безошибочно подсказывал Зюганову, когда нужно юркнуть в какую-нибудь щель, чтобы снова оттуда появиться с громкими воплями о нарушении свободы и удушении демократии. Эти крики из уст профессионального партаппаратчика Зюганова, чья партия в течение почти целого века душила свободу и демократию всеми методами вплоть до массовых убийств миллионов ни в чем не повинных людей, выглядели еще более карикатурными, чем в устах Бабурина, который, в конечном итоге, был всего лишь искалеченным коммунистической системой сибирским мальчиком с несколько повышенным комплексом неполноценности, что никак нельзя считать недостатком.

Между тем, Зюганов кончил свою речь с балкона, уступив место следующему оратору, которые выступали непрерывно. Бабурин подошел к нему и тихо сказал: «Савостьянов в здании».

В глазах Зюганова мелькнул испуг: не задержался ли он в Белом Доме, не будучи депутатом, больше, чем нужно. Но ведь сегодня всего лишь 22 сентября, в то время как…

Сиплым шепотом спросил Бабурина: «Зачем? Не знаешь?»

«К Баранникову пришел. Не знаю зачем», — ответил Бабурин.

«Один?» — спросил Зюганов, оглядываясь по сторонам с выражением тревоги на своем квадратном лице партидеолога, которому он постоянно, но тщетно пытался придать мину важного глубокомыслия.

Бабурин ничего не ответил, а только стрельнул глазами в сторону. Зюганов взглянул в этом направлении и увидел, как на балкон выходит Савостьянов в сопровождении двух человек в одинаковых черных пальто. Шеф столичного КГБ явно кого-то искал, медленно проходя по балкону за спинами вопящих в микрофоны народных трибунов. Те, кто его узнавал, как и Зюганов, начинали испуганно оглядываться по сторонам или прижиматься к стенам. Почти все помнили, что указ президента снял с них депутатский иммунитет, а те, кто им никогда не обладал, имели еще большие основания для беспокойства.

Савостьянов покинул балкон и вышел на пандус огромного здания.

Моросил дождь со снегом, усиливался холодный ветер. В нескольких местах на Краснопресненской площади жгли костры. За пеленой дождя тенями чернели толпы людей. С балкона надрывался громкоговоритель. Где-то исполняли гимн СССР: «Нас вырастил Сталин на верность народу!»

Савостьянов оглянулся по сторонам и, наконец, увидел того, кого искал.

В обществе нескольких офицеров на пандусе стоял подполковник Терехов. Савостьянов направился к нему и, мягко взяв под руку, увлек за собой. Несколько офицеров из «Союза» бросились было за ним, но сопровождавшие Савостьянова двое преградили им дорогу: «Спокойнее, ребята, ничего страшного».

Савостьянов и Терехов остановились в шагах десяти от них, о чем-то беседуя. Терехов сделал знак своим людям, чтобы те не беспокоились. Разговор продолжался не более трех минут.

Погрозив пальцем Терехову, на что тот сделал жест ладонью типа «все в порядке», Савостьянов и сопровождавшие его люди, перешагивая через обрезки водопроводных труб, доски и сучки деревьев, пошли к машине. К Терехову подскочили его ближайшие соратники: подполковник Федосеенко и майор Никитин: «Что он от тебя хотел?» В голосе офицеров было больше раздражения, чем тревоги.

«Сдаваться приходил, — насмешливо ответил Терехов. — Они сейчас все забегали, как тараканы. Спрашивал, не найдется ли для него какой-нибудь должности. Он уже к Баранникову приходил, да тот его на… послал».

«А ты что ему сказал?» — спросил подполковник Федосеенко своего лидера.

«Я его тоже на… послал!» — отрубил председатель «Союза офицеров»

Терехов хотел еще что-то сказать по этому поводу, но какой-то подбежавший капитан доложил, что его вызывает генерал Ачалов.

Министр обороны был пьян и мрачен. Он сидел, положив локти на стол, глядя куда-то в пространство. Терехов за годы службы хорошо научился понимать настроение начальства, а потому официально доложил: «Товарищ генерал, подполковник Терехов по вашему приказанию прибыл!» [4]

— Ты вот что, — медленно проговорил Ачалов. — Чтобы никаких импровизаций! Понял? Без приказа чтоб ни гу-гу. Все ясно?

Но Терехову было ясно не все.

— Вот так и будем здесь сидеть? — набычился он. — Люди в бой рвутся, товарищ генерал. Обстановка-то какая, посмотрите! Если мы начнем, вся армия сдетонирует, и народ поднимется. Ленин о такой обстановке только и мечтал! А так сидеть что толку? Связи с округами нет. Ни с кем нет. Сидеть и ждать, пока задавят?

— Все сказал? — поинтересовался генерал. — А теперь слушай меня. Связь и все такое прочее — это не твоя забота. Я сам разберусь. Но если твои люди сделают хоть шаг без моего приказа, ты крепко ответишь за это. Понял, подполковник? Можешь идти.

Когда Терехов вернулся к своим офицерам, те окружили его, спрашивая, что случилось.

«Связь нужна, — задумчиво произнес Терехов. — Пропадем без связи. Нужно что-то делать».

Посыпались разные предложения — от захвата «Останкино» до штурма узла связи Генерального штаба. Однако, какими силами проводить эти акции, никто не знал.

«Ладно, — сказал Терехов. — Что-нибудь придумаем».

И объявил, что едет домой. Никто не возражал. Все знали, что у подполковника была жена и трое дочерей, которых он искренне и нежно любил. В Белом Доме он уже сидел почти сутки, вызывая естественное беспокойство домашних.

На персональных «мерседесах» уехали домой и президент Руцкой, и спикер Хасбулатов, чтобы вернуться позднее на ночной чрезвычайный съезд народных депутатов, хотя уже было ясно, что кворум собрать не удастся.

Генерал Ачалов прикорнул на диване в выделенном ему кабинете. Как всякий офицер воздушно-десантных войск, генерал умел пить. Но сегодняшний коньяк был какой-то особый. Он путал мысли и валил с ног, как неочищенная «чача». Хотя сам по себе коньяк был превосходным.

Сразу же после отъезда Руцкого и Хасбулатова в Белом Доме снова погас свет. Запустить автономную станцию не удалось. Замелькали ручные фонари и свечи, запас которых обнаружили в одном из складских помещений.

На площади продолжали гореть костры, у которых дремали люди под пронизывающим ветром и налетающими снежно-дождевыми зарядами.

Замолкли вещающие почти круглосуточно громкоговорители, установленные на балконе здания-монстра.

Кончался день 22 сентября 1993 года, не принесший, казалось бы, никаких особо интересных событий. Но это было только на первый взгляд.

В воздухе уже просвистел МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА. Но никто тогда не заметил этого. Даже сам президент.

Древнее искусство владения мечом никогда не было доступно каждому, кто имел право или привилегию носить меч.

Виртуозы боя на мечах, которых было одинаково мало на Западе и на Востоке (хотя на Востоке, конечно, чуть больше), умели наносить удар так, что ни противник, ни присутствующие свидетели не могли заметить ни полета, ни удара меча, а порой — и самого меча. Только жертва удара начинала оседать на землю, а подбежавшие к упавшему с ужасом (или с радостью) убеждались, что голова у того отрублена, хотя еще и держится на месте — настолько тонким и изящным был разруб. А виртуоз, продемонстрировавший свое высочайшее искусство, либо тихо исчезал с места происшествия, держа под мышкой меч, который все ошибочно приняли за посох странника, либо, напротив, шумно заказывали вина всем присутствующим, которые смотрели на него с восхищением и мистическим страхом. А убитого тихо хоронили, пришив ему голову к телу суровыми нитками, чтобы он в более или менее приличном виде мог предстать перед Творцом.

Искусство владения мечом в огромной степени зависело от самого меча. Легенды сохранили нам имена нескольких мастеров, умевших ковать воистину волшебные мечи, обеспечивающие их владельцам, непобедимость и бессмертие. Но не в любых руках. Совместимость руки и меча — это уже область совершенно глубокой мистики, требующей тщательного изучения…

Выкованный Лениным «Пролетарский меч» был настоящим волшебным мечом — он срубил столько голов, что ученые до сих пор не могут подсчитать точное число. Неуважающие Ленина говорят о 60 миллионах голов, уважающие вождя уверяют, что голов было 120 миллионов. Пока шел академический спор о достижениях меча, Меч из «Пролетарского» стал «Партийным», а с августа 1991 года превратился в «МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА».

Так, по крайней мере, считал сам Президент, хотя в действительности он не владел мечом, а был всего лишь его рукоятью…

Государственный Меч, который до сих пор красуется на визитной карточке известного ведомства, разумеется, является обобщенным понятием.

Большой Государственный Меч складывается из тысяч малых мечей, за рукоятку которых сжимают руки, направляемые совсем другими головами, рук не имеющими.

В течение 70 лет Большой Государственный Меч остервенело рубил собственную страну, а десятки тысяч малых мечей — слепых, как и всякое орудие, помогали ему в этой многотрудной работе, расчленив в конце концов страну, как говяжью тушу. А затем началась разделка разрубленных кусков и в первую очередь — России.

Конечно, в наше время всеобщей деградации, героев этой книги «мечами» можно назвать с большой натяжкой. Это уже не «мечи» и даже не «стилеты», а скорее «заточки». Тем более, что руки, их державшие, больше привыкли именно к «заточкам», чем к архаичным «мечам», в самом названии которых сохранилось известное благородство. Но согласитесь, что назвать эту книгу «Заточки президента» было бы грубо и не очень литературно, хотя бы уже потому, что «заточки», сложенные вместе все-таки составляли нечто среднее между «мечом» и «ломом». Такой вот наполовину «лом», наполовину «меч». «Лом президента»? Тоже не звучит. Пусть останется «МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА», поскольку в государственных руках любой лом превращается в меч, будь то «Пролетарский меч» или «Лом правосудия».

23 сентября все «мечи-заточки» пришли в действие.

Пока в Белом Доме при свечах и аккумуляторных лампах проходил чрезвычайный съезд народных депутатов, на котором с большими речами выступили Руцкой и Хасбулатов, выдержав свои речи в лучших традициях былых партийных съездов, пока генерал Ачалов получал медицинскую помощь от вчерашнего коньяка, в который, как показал анализ, чья-то «добрая» рука подмешала сильнейший наркотик, пока, вернувшись в Белый Дом, генерал Баранников (объявивший свою встречу со Степашиным «гнусной клеветой») согласовывал с народными депутатами списки на арест (Иона Андронов вскочил с места и заорал: «Бурбулиса не забудьте включить!»), одним словом, пока происходила вся эта рутинная «партийно-хозяйственная» работа, толпа перед Белым Домом росла, и «мечи-заточки» продолжали накалять обстановку, пытаясь довести ее до состояния неконтролируемой истерии.

Поздно вечером перед толпою с балкона выступил генерал Макашов, в очередной раз призвав собравшихся на подвиги во имя нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. Толпа послушно скандировала «Савецкий Саюз! Савецкий Саюз!». В этот момент неожиданно появившийся Виктор Анпилов нахально отпихнул генерала от микрофона и сообщил, что подполковник Терехов со своим «Союзом офицеров» взял штурмом здание штаба объединенных Вооруженных сил СНГ, где идет бой. Анпилов призвал всех собравшихся идти к штабу ОВС СНГ и закрыть своими телами доблестных офицеров Терехова, чтобы никто не смог блокировать это «первое освобождение народом правительственное учреждение».

Возможно, что по какому-то сценарию «анпиловских» бомжей решено было покрошить из автоматов именно в подобной ситуации, а затем уже разобраться с остальными.

В первое мгновение генерал Макашов оторопел. Оторопел настолько, что публично, на всю площадь обозвал Анпилова «провокатором» и призвал собравшихся не трогаться с места. Стратегический ум генерал-полковника сразу же охватил ситуацию: Анпилов уводит толпу с площади на Ленинградский проспект в заранее расставленную ловушку. Белый Дом оголяется, и его (вместе со всеми обитателями) берут голыми руками.

Генерал Грачев уже объявил, что для его людей требуется всего час работы, чтобы очистить здание Верховного Совета «от всей нечисти».

Но Анпилов был не из тех людей, кому легко можно было заткнуть глотку. Он продолжал звать народ на штурм, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не появился один из добровольных адъютантов Макашова, доложивший, что штаб ОВС СНГ взят, и никто в помощи не нуждается.

Макашова и Ачалова просят прибыть туда и воспользоваться узлом связи для передачи сообщений в округа и гарнизоны от «законного» президента и его министра обороны.

Надо сказать, что это сообщение озадачило генерала Макашова еще сильнее, поскольку генерал-полковник отлично знал, что в штабе ОВС СНГ никакого узла связи нет и, в сущности, это даже и не штаб вообще, а гостиница, где останавливаются высокие военные чины, прибывающие в Москву из дальних округов и так называемого «ближнего зарубежья». [5]

Какого черта Терехову понадобилось штурмовать именно это здание? И кто ему приказал?

Собравшейся толпе, призвав ее никуда с площади не уходить, объявили радостную новость, что штаб ОВС СНГ взят. Последовали громкие крики восторга и «Ура!». Вдохновленная победой, площадь грянула: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!».

Полковник Терехов, увы, не слышал столь восторженной оценки своих героических действий. Когда его офицеры на двух микроавтобусах подъехали к штабу ОВС и начали разоружать охрану, состоящую из солдат, у которых на 15 человек было пять пистолетов (из них только два — с патронами), они были перехвачены нарядом патрульной милиции, у которых на всех было тоже два пистолета. Вооруженные десантными автоматами люди Терехова, продемонстрировав «высочайшую» боевую подготовку, свойственную всем замполитам, в завязавшейся перестрелке убили патрульного милиционера капитана Валерия Свириденко и пенсионерку-домохозяйку 63-х лет Веру Малышеву, подскочившую на звуки выстрелов к окну собственной квартиры в доме No54-а по Ленинградскому проспекту, что находился напротив штаба. После чего разбежались, но вскоре были выловлены, все, разумеется, свалив на Терехова.

Сам же подполковник Терехов, руководя сражением, успел отдать только одну команду: «Ну-ка, взять их!», имея в виду появившихся милиционеров. Однако недостаток полководческого опыта не позволил Терехову использовать преимущество внезапного нападения. Бросив свою армию на произвол ОМОНа, подполковник покинул поле боя. Хотя по предварительной договоренности вся его группа в случае потери контакта друг с другом должна была снова встретиться в Белом Доме, Терехов, по вполне понятным причинам, в Белый Дом не явился, а вскоре в совершенно подавленном состоянии председатель «Союза офицеров» был обнаружен часовыми… на территории ГРУ. Территория Главного Разведывательного Управления Министерства обороны — это не парк культуры, на территорию которого может попасть человек, даже не помнящий себя от расстройства. Да и не во всякий парк культуры можно пробраться в ночное время, а уж тем более — на территорию ГРУ. Посторонний человек, обнаруженный на территории ГРУ — это ЧП огромного масштаба, требующее специального тщательного расследования.

Однако, на все вопросы: как оказался на территории Главного Разведывательного Управления — Терехов утверждал, что попал случайно, а как — не помнит. «Был очень расстроен и бежал».

Ему задали вопрос, зачем он организовал нападение на здание штаба, не представляющее никакой стратегической ценности с какой бы точки зрения на это ни смотреть. Вначале Терехов упорно отвечал: «Так приказал генерал Ачалов». Спрашивайте, мол, с него [6]. У Ачалова спросили. Специальный следователь генеральной прокуратуры имел возможность задать этот вопрос генералу уже утром следующего дня. Следователя не только пропустили в Белый Дом, но и допустили к министру обороны.

Ачалов был разъярен действиями Терехова, употребляя фамилию лихого подполковника только в длинных очередях матерных ругательств. Он наотрез отказался от своей причастности к этому «совершенно идиотскому и бессмысленному поступку», который следователь квалифицировал как «разбойное нападение, повлекшее человеческие жертвы». Генерал был совершенно не согласен с подобной оценкой и добавил, что «этот мудак» (подполковник Терехов) действовал исключительно по собственной инициативе. Однако оправданий Ачалова уже никто не услышал. «Узнаю Ачалова, — прокомментировал происшедшее генерал армии Грачев. — Это типично его почерк!».

Первая боевая операция, проведенная подполковников Тереховым и его «Союзом офицеров», в результате которой были убиты патрульный милиционер и пожилая домохозяйка (кто-то ведь не поленился выстрелить по силуэту женщины в окне дома на противоположной стороне достаточно широкого Ленинградского проспекта), привели к целому водопаду необратимых событий.

Результаты этих событий, когда пылала телестудия «Останкино», а в центр Москвы снова ворвались гвардейские танковые дивизии и легендарная дивизия имени Дзержинского, которые незадолго до этого были осчастливлены личным визитом президента, хорошо известны, и нет нужды вести хронику, как мы это делали до сих пор.

Горящий Белый Дом, грохот танковой артиллерии, расстреливающей этот дом прямой наводкой, трупы людей на площади, трупы в Белом Доме, возглас Клер Шифман с боевого поста «Си-Эн-Эн» на крыше высотного дома: «Боже мой!» когда американцы получили информацию о пятистах убитых в здании, вопли Руцкого, призывающего авиацию бомбить Москву, арест руководителей «парламентского мятежа» и многое другое навсегда останутся в памяти тех, кто это видел, как очередная и не самая трагическая страница в кровавой российской истории. Новым во всем этом деле было то, что впервые русские убивали русских при стечении огромного количества зевак, пришедших на эту трагедию, как на какое-то небывалое театральное шоу. Под пулями и осколками, восхищаясь и сопереживая, стояли женщины с колясками, пожилые люди, гуляющие с собаками, школьники целыми классами, туристы и много прочего люда, — обобщенно именуемого зеваками. Торговали ларьки, работали магазины, падали чуть ли не под аплодисменты и крики восторга убитые и раненые, танковые снаряды рикошетом залетали в окна жилых домов, сыпались стекла в посольстве США, по которому с особым удовольствием палили с обеих сторон, выли сиренами «скорые помощи», не успевая эвакуировать раненых, убитых складывали на газонах. «МЕЧ ПРЕЗИДЕНТА» рубил все вокруг по-русски, от души.

Телекомпания «Си-Эн-Эн» впрямую демонстрировала очередной позор России на весь мир, и нет необходимости этот позор подробно пересказывать.

Поговорим о тех «мечах-заточках», кто дал возможность «БОЛЬШОМУ МЕЧУ» обрушиться на русские головы. Поименно вспомним их, как национальных героев.

СЕРГЕЙ БАБУРИН

Первым предложил выбрать собственных силовых министров, и тем самым обеспечил полную преданность президенту со стороны существующих силовых министров, дав возможность Грачеву, Ерину и Галушко, не колеблясь, принять любые меры к Верховному Совету, который в начале событий находился в более выигрышной позиции, чем президент.

Бабурин выступил с инициативой подрасстрельных законов, поставив руководство Верховного Совета в идиотское положение и сделав его заложником событий, лишив всякой позитивной инициативы.

Бабурин лично составлял списки подлежащих аресту и делал все возможное, чтобы об этом узнали за пределами Белого Дома.

Назначенный начальником Управления госбезопасности по Москве приказом Баранникова, он приехал на Лубянку, чтобы вступить в должность, угрожая сотрудникам своим законом о расстреле, побудив их, тем самым, приложить все усилия в обратном направлении.

«Я пришел не просить о чем-либо, — объявил Бабурин на Лубянке, — а руководить вами». Фраза почти библейская при почти евангелистическом поступке, благодаря которым агент «Николай» сумел передать своим кураторам нужную информацию.

И получить нужные инструкции.

Ибо Бабурин первым известил всех обитателей Белого Дома, что дивизия имени Дзержинского перешла на сторону Верховного Совета, чего она, как известно, и не думала делать. (В этой связи интересно отметить, что в то же время депутат Лев Пономарев, позвонивший своему другу Евгению Савостьянову, услышал от начальника московского КГБ ту же новость: дивизия имени Дзержинского перешла на сторону Руцкого-Хасбулатова). Это событие инициировало буйные беспорядки.

Сергей Бабурин с просветленным лицом сообщил с балкона ликующей толпе: «Войска отказываются служить Грачеву! И для них лучше будет, если отсидятся в казармах. Мы сами способны арестовать всех негодяев!»

Подбадривая толпу накануне рейда на «Останкино», Бабурин орал с балкона: «С „Останкино“ вопрос решен. Эту наркотическую игру средств массовой информации мы должны прекратить в течение суток. Победа будет за нами. К нам переходят воинские части и ОМОНовцы…»

Во всех речах Бабурина сквозит одна и та же тема: армия и ОМОН перешли на сторону Белого Дома, когда ничего подобного не было и в помине.

Позднее Бабурин раздавал защитникам Белого Дома ксерокопию выкладок «астролога» Павла Глобы, где на основании движения небесных светил делался безапелляционный вывод, что Ельцин вскоре умрет насильственной смертью, а Руцкого и Хасбулатова ждет резкий политический взлет. (У них было время поразмыслить в Лефортово об астрологии как о точной науке).

Прохаживаясь с важным видом между мальчишками в военной и полувоенной форме, видя их испуганные и тоскливые взгляды, Бабурин успокаивал обреченных: «Осталось уже недолго, скоро этому кошмару придет конец». И был совершенно прав. Танки и десантники президента Ельцина уже окружали Белый Дом.

Сразу же после сдачи Белого Дома распространился слух, что Бабурин был схвачен и расстрелян. Затем слух видоизменился: Бабурин был зверски избит и брошен в тюрьму. Умные люди только посмеивались, и были совершенно правы. Белый Дом еще горел, когда живой и невредимый Бабурин с той же наглой улыбкой появился на экранах телевизоров, заявив, что слух о его расстреле «был несколько преувеличенным». Равно, как и об аресте.

Покинуть казенную квартиру народного депутата Бабурин наотрез отказался, и вскоре объявился в новом парламенте, то бишь в Думе, вместе со своим старым дружком Владимиром Исаковым.

Он основал партию «Русский национальный союз», от которой собирается выдвинуть свою кандидатуру в президенты на выборах 1996 года. Россию ждет великое будущее.

ВИКТОР АНПИЛОВ

Поставив впереди своих «бомжей» пожилых женщин, Анпилов начал уличные беспорядки в Москве, прорвал цепь разбежавшейся милиции в районе Белого Дома, а затем на брошенных милицейских грузовиках с оставленными ключами зажигания повел «Трудовую Москву» к «Останкино», имея военным советником генерала Макашова. Они ехали по улицам столицы с поднятыми красными знаменами мимо стоявших на обочине бронетранспортеров спецотряда «Витязь» дивизии имени Дзержинского, которым командовал подполковник Сергей Лысюк. С бронетранспортеров махали руками проезжающим анпиловским машинам, что еще раз подтверждало сообщение Бабурина и Уражцева о том, что дивизия восстала против «диктатуры Ельцина».

Сам подполковник Лысюк руками не махал, а слушал радиопереговоры штаба дивизии с подразделениями, ожидал, когда в эфире появится его позывной. Лысюк был «122-м». Наконец, начальственный баритон, принадлежавший кому-то, кто может в боевой обстановке называть подполковника на «ты», изрек: «122-й! Они мимо тебя проехали?»

«Так точно», — ответил подполковник.

«122-й, — продолжал баритон, — поезжай за ними. Медленно поезжай. Ни в коем случае не обгоняй. Встань там неподалеку. Жди команды. Без команды ничего не предпринимай. Ты меня понял?»

«Понял», — ответил Лысюк, и бронетранспортеры медленно покатили по залитым солнцем столичным улицам.

Между тем, Анпилов и Макашов подъехали к телестудии «Останкино», где Анпилов начал свой очередной митинг. Нет нужды его цитировать, поскольку, кроме слов «уничтожить», «гнездо сионистов», «захватить», «на виселицу» словарный запас «народно-рабочего вождя» состоял из одних завываний.

Между тем, Макашов инструктировал боевиков, как им действовать дальше. Генерал еще не остыл от штурма мэрии, где он дал историческую команду: «Гоните всех чиновников на… на улицу! Обрежьте все линии связи!» А затем подытожил содеянное, заявив подвернувшемуся телекорреспонденту: «Отныне у нас не будет ни мэров, ни сэров, ни пэров, ни хэров». У генерала было еще приподнятое настроение, когда, подойдя во главе анпиловской толпы ко входу в «Останкино», Макашов взял у Анпилова громкоговоритель и объявил: «Даю десять минут на капитуляцию. Тем, кто добровольно сдастся, тому гарантирую оставить…» Генерал засмеялся и закончил: «Оставить одно яйцо!»

Генерал довольно захохотал, а от его истинно народной шутки засмеялся и Анпилов, а также все их воинство, ощетинившееся автоматами и гранатометами.

Отметим, что в этот момент Анпилов и Макашов находились впереди своего войска. Срок предъявленного им ультиматума стремительно истекал, и Макашов выстраивал с помощью Анпилова свое войско в боевой порядок таким образом, чтобы оно попало под перекрестный огонь бронетранспортеров Лысюка, дремавших на другом конце площади.

Генерал распорядился, чтобы один из грузовиков протаранил двери телецентра, а вторые двери были бы разбиты выстрелом из гранатомета.

Приказ был столь же бездарным, как и приказ обрезать телефоны в уже захваченном здании мэрии. Грузовик не пролезал в дверь по габаритам, застрял и создал защитникам прекрасную баррикаду.

Но приказ — есть приказ. Пока готовились его выполнять, выяснилось, что Анпилов и Макашов уже покинули поле боя. И как раз, когда их машина мчалась обратно к Белому Дому, некий герой из «Союза офицеров» подошел с гранатометом к стеклянным дверям телецентра и прежде, чем быть застреленным охраной, выстрелил. В другие двери врезался грузовик. В грохоте, огне и дыму посыпались стекла и затрещали автоматные очереди.

В этот момент заработала радиостанция на БТРе подполковника Лысюка: «122-й! Кто там стрелял? Они? Вот они сами себя и благословили! Начинай, 122-й!»

Кинжальный перекрестный огонь крупнокалиберных пулеметов с БТРов отряда «Витязь» в буквальном смысле слова выкосил всю площадь. Лишь немногим удалось спрятаться в ближайшей парковой лесополосе. Несколько очередей БТРы дали и по окнам телецентра, чтобы пустые глазницы окон стали молчаливыми свидетелями ожесточенного боя…

Анпилов же в это время уже снова выступал с балкона Белого Дома, призывая толпу сражаться с «диктатурой» до последней капли крови.

Разумеется, не своей, а их.

Когда первые отряды спецназа ворвались в Белый Дом, их взорам предстала страшная картина. Весь первый этаж и лестничные марши одного из боковых крыльев здания были забиты трупами, лежащими вповалку.

Это были «бомжи» Виктора Анпилова, расстрелянные в упор из автоматов. Они набились здесь, спасаясь от огня танков и БТРов снаружи. Танковые снаряды сюда не залетали. Подозревать в этом ворвавшихся в здание десантников из состава 106-й воздушно-десантной дивизии или 218-го батальона нельзя. У них просто не было времени на проведение подобной акции, поскольку все их действия подчинялись логике боя.

Тот, кто заманил сюда этих несчастных, тот, безусловно, и уничтожил их. Наверняка видя, что дело напрочь проиграно, была запланирована новая гнусная провокация подвесить на Ельцина гору трупов с одной стороны, присвоить себе причитающиеся этим людям деньги — с другой, избежать ненужных разборок, неизбежных после поражения, а вместе с тем и уменьшить количество деклассированных элементов на улицах столицы.

Трое суток, полностью изолировав Белый Дом от внешнего мира, власти эвакуировали оттуда трупы несчастных бродяг, «клюнувших» на громовые лозунги Анпилова, и хоронили их на отдаленных кладбищах. У бомжей не было родных и их никто не искал.

Разумеется, Анпилова среди них не было. Не получив даже царапины, он скрылся после сдачи Белого Дома (еще до первого выстрела) и пытался укрыться на одной из явок КГБ в Тульской области. Выданный одним из своих сообщников местной милиции, не посвященной в подробности высокой миссии Анпилова, он был арестован, и для собственной безопасности помещен в Лефортово. 26 февраля 1994 года без суда и следствия ему была дарована амнистия и Анпилов вышел на свободу с полной готовностью снова подставить под стволы автоматов любую толпу, у которой хватит ума за ним последовать.

А если вспомнить, что еще 21 сентября именно Анпилов истерично требовал немедленно «раздать народу оружие», то страшная и кровавая роль этого человека станет понятной даже тем, кто ничего понимать не желает. Так пусть хоть побережет собственную голову.

ВИТАЛИЙ УРАЖЦЕВ

Получив разрешение на митинг 2 октября, Уражцев, вместо его проведения, направил толпу на милицейское оцепление, которое быстро рассеялось. После этого возглавляемая им толпа направилась к Белому Дому, прорвав жидкое оцепление, и таким образом «деблокировала» здание, создав предпосылки для захвата мэрии и похода на «Останкино».

На состоявшемся по этому поводу митинге помощник Уражцева Братищев кричал народу, указывая на отставного полковника: «Вы видите перед собой национального героя. Он первым повернул массы с Садового кольца и направил не на митинг, а прямо на штурм оцепления Белого Дома!».

К новому национальному герою бросились корреспонденты. Уражцев уже видел себя крупным политическим деятелем, говорил снисходительно, как и подобает настоящему победителю. Скромно признав: «Да, это я повел массы на прорыв блокады», — он подчеркнул, что массам всегда нужен вождь, явно имея в виду самого себя.

«Сейчас важно сохранить законность», — продолжал Уражцев, когда уже посыпались стекла из мэрии под грохот автоматных очередей. «Обойдемся без самосуда», — обещал он, глядя, как его люди в буквальном смысле слова линчуют захваченных милиционеров и избивают работников мэрии. «Важно сохранить законность, — продолжал Уражцев, повторяя свою мысль. — Никакой расправы с побежденными. Поступим „по-благородному“ с Ельциным и его генералами, когда их арестуем. Мы не должны допустить, чтобы плодами нашей победы снова воспользовались Шахраи и Гайдары. Мы должны лучше, чем в августе 1991 года, распорядиться тем человеческим материалом, которым мы обладаем. Враг хитер и еще опасен!»

После завершения инспирированных им кровавых событий Уражцев — живой и невредимый — скрылся. Был назначен розыск. Уражцев через газеты объявил, что ушел в подполье «для организации всенародного революционного восстания». Подполье, где скрывался Уражцев, находилось в его собственной квартире, откуда в белой рубашке с галстуком «подпольщик» давал многочисленные телеинтервью, идущие в эфир по государственным телеканалам. Ему было не стыдно устраивать подобную клоунаду на всю страну

21 января 1994 года Уражцев неожиданно вышел из «подполья» и появился на заседании государственной Думы, объявив, что «ордер на его арест аннулирован», и он собирается и в дальнейшем заниматься «революционной деятельностью».

ИЛЬЯ КОНСТАНТИНОВ

«В самое сердце России проник враг, — вопил Константинов с балкона Белого Дома, когда Анпилов и Уражцев прорвали „блокаду“. — Твердым шагом сметем все на своем пути. Наше дело правое — мы победим!» И отдал команду на захват мэрии.

Один из помощников Александра Баркашова вспоминает: «До штурма мэрии был образцовый порядок. А затем начался хаос. Мы, бойцы „Русского национального единства“, уже не принадлежали сами себе. Константинов и Макашов стали нами командовать. Генерал и „перекрасившийся еврейчик“ хорошо знали, что делали — они отняли у Руцкого и Хасбулатова последний шанс победить».

Когда натравленная Константиновым толпа ведя хаотичный огонь из автоматов, бросилась на штурм здания мэрии, из кабинета выскочил бледный, как смерть, генерал Баранников. Взглянув с балкона на происходящее, министр безопасности прохрипел: «Это катастрофа!»

Напрасно генерал Ачалов надрывался, крича через громкоговоритель: «Министр обороны приказал никому ни при каких обстоятельствах не стрелять! Всем оставаться на местах! Это провокация! Занять оборону согласно боевых расчетов!»

К генералу подошел улыбающийся Бабурин и с покровительственной надменностью сказал: «Теперь дело за вами, народ пришел к вам на помощь».

А бывший христианский демократ Константинов уже водружал на здании мэрии красный флаг с серпом и молотом, чтобы ни у кого не было сомнений, от чьего имени делается революция.

Сам Константинов, не получив ни царапины, скрылся. Поговаривали, что он укрылся в посольстве Ирака, и даже — что сбежал в Сербию через Тирасполь. В действительности, Константинов никуда из Москвы не уезжал и, подобно Уражцеву, сидел дома. Был опознан прохожими, когда выгуливал собаку на Садовом кольце, и от греха подальше отправлен в Лефортово.

Сидя в тюрьме, писал стихи и публиковал их в прохановской газете «Завтра» которая тоже выдавала себя за подпольную.

25 февраля 1994 года Константинову была пожалована амнистия, и в своих первых выступлениях он объявил, что был и останется сопредседателем «Фронта национального спасения». Другими словами, Константинов снова готов выполнить «любой приказ Родины».

АЛЕКСАНДР БАРКАШОВ

Группа Баркашова, на которую позднее обе стороны пытались списать все, что угодно и представить ее виновной во всем, что произошло, на самом деле играла важную, но декоративно-наглядную роль. Люди Баркашова постоянно маршировали перед камерами, строились, перестраивались с неизменным поднятием рук в нацистском приветствии. Их постоянно демонстрировали по телевидению, причем таким образом, чтобы в объектив попадали не лица, а свастики, как на рукавах, так и на огромном знамени.

Цель была достигнута. Возможно, что евреи были сильно напуганы подобной демонстрацией, но и русские еще не забыли, как свастика искрошила своими паучьими лапками-гильотинами 30 миллионов их соотечественников. Баркашовские парады не только оттолкнули от Белого Дома многих людей, которые в другом случае встали бы на его защиту но, что самое главное, оттолкнули многих генералов, уже готовых отдать команду вверенным им войскам спешить на помощь мятежному парламенту. Для глаз бывших советских генералов вид свастики столь же невыносим, как для черта — вид креста. Советский генерал не поведет своих людей сражаться ни за какое дело, пусть самое благородное, если над этим делом развевается знамя со свастикой. Это понимали все, и я нисколько не удивлюсь, если это понимал и Баркашов. И тут дело совсем не в убеждениях, а в магической силе символики.

Видимо, каким-то шестым чувством авантюриста Баркашов понимал, что его втягивают в дело, чтобы подставить, используя именно символику его группировки и связанные с ней ассоциации населения. В вихревом водовороте раскрученных провокаторами кровавых событий трудно проследить за действиями отдельных людей, но за действиями группировок с некоторой погрешностью можно проследить достаточно точно

Кроме задачи «по демонстрации флага», если выражаться военно-морским языком, все остальные действия отряда Баркашова выглядят несколько странными. Странными, если смотреть на их действия с точки зрения того, что от них ожидалось. Наличие в группировке достаточно большого количества офицеров КГБ и МВД, скромно именующих себя «бывшими», стало, видимо, основной причиной того, что баркашовцы оказались практически

единственным подразделением у Белого Дома и в нем, не поддавшимся стихийному хаосу, а вопреки ему продолжающему четко выполнять поставленную перед ними задачу.

Баркашовцы предотвратили разграбление здания мэрии и гостиницы «Мир». Хотя они и задавали, если верить показаниям перепуганных женщин из аппарата гостиницы, коронный фашистский вопрос: «Нет ли здесь евреев?» И даже избили какого-то армянина, приняв его за еврея. Тем не менее, они же не подпустили разъяренную, пьяную толпу к помещениям банковского синдиката «Мост», половина капиталов которого принадлежит, прямо или косвенно, еврейским банкирам. Они блокировали все этажи огромного здания, где располагались различные коммерческие конторы, добрая часть которых напрямую связана с Израилем.

В самом Белом Доме баркашовцы несли охрану спецпомещений, которыми были забиты комнаты нескольких этажей, выходящих во двор огромного здания. Когда во время боя туда проникла группа санитаров с носилками, то их оттуда выпроводили со словами: «Здесь раненых нет и не будет!»

Баркашовцы находились в здании до последнего момента и ушли подземными переходами, карты которых, как выяснилось позднее, не было ни у работников Министерства безопасности, ни у работников Министерства внутренних дел, ни, тем более, у Министерства обороны, у которых, к великому удивлению всего мира, не было даже карты Москвы.

Таким образом, будучи совместным детищем КГБ и МВД, отряд Баркашова фактически и выполнял функции охранного подразделения, стремящегося свести к минимуму материальный ущерб, а также охранять, и при необходимости уничтожить огромные залежи секретной документации, которыми были набиты несколько этажей Белого Дома.

Предполагались ли какие-либо еще задачи для баркашовцев? Видимо, да. Например, в кабинете Сергея Бабурина были найдены целые залежи нарукавных повязок со свастикой. На кого намеревались их надеть — неизвестно, но ясно то, что их надели бы на людей, не входящих в группу Баркашова, а их действия списали бы на него.

После завершения штурма Белого Дома Баркашов, естественно, исчез. Сначала пополз слух, что он убит, затем — что тяжело ранен. Затем был пущен слух, что Баркашов со своими «соратниками» расстрелян на стадионе «Асмарал». Параллельно ходил слух, что он сбежал в Сербию, укрылся в иракском посольстве, что его видели выходящим из посольства Ливии. Циники уверяли, что он укрылся в посольстве Израиля, и вскоре улетит обратно в свой родной кибуц, откуда его и заслали в Россию. Между тем, по Москве стали ходить видеокассеты с заявлением Баркашова о том, что он жив и здоров, временно находится в подполье и готов к новым боям. Прохановская «подпольная» газета печатала широкополосные интервью с Баркашовым, где он несколько наивно пытался объяснить, что он, собственно говоря, вообще делал у Белого Дома в компании Руцкого и Хасбулатова.

А тем временем пресса, как и ожидалось, вешала на Баркашова, как говорится, всех собак, делая его чуть ли не единственным виновником кровопролития в Москве.

Он и «Останкино» штурмовал, он и мэрию захватил, он и Белый Дом поджег. Некоторые средства массовой информации даже серьезно утверждали, что весь политический кризис возник из-за Баркашова, который хотел им воспользоваться, чтобы захватить власть в стране. Смею утверждать, что если бы даже все это обреченное на провал мероприятие, названное «октябрьским путчем», каким-то чудом увенчалось успехом, то Баркашова ликвидировали бы в течение недели за полной ненадобностью. Из всех мелких лидеров, принявших участие в событиях, именно Баркашов был наименее самостоятельным и, надо отдать ему должное, наиболее дисциплинированным.

В действительности, как и все вышеперечисленные «герои» бурных октябрьских событий, Баркашов никуда из Москвы не уезжал. Пока его искали в Ираке, Ливии, Израиле и Германии, он эвакуировал занимаемые его штабом помещения в здании Свердловского

райсовета столицы. Представители правоохранительных органов появились там лишь 16 октября и, даже не производя обыска, опечатали пустое помещение. Исчезло все, включая и двухметровый штандарт со свастикой, на фоне которого так любил фотографироваться Баркашов. Исчез и председатель райсовета Семенов, оставив записку «Не ищите. Сам позвоню». Комментируя это событие, хорошо информированная газета «Известия» (No 198/93) отмечала:

«Компетентным органам еще предстоит разобраться, как откровенно профашистская организация могла долгое время действовать в центре столицы. Причем вполне легально: летом РНЕ было зарегистрировано в московском Управлении Минюст РФ… Похоже, в силовых структурах существовало мощное профашистское лобби. В списках боевиков из подразделения РНЕ, „защищавших" Белый Дом, несколько десятков офицеров (некоторые, правда, бывшие) из МВД, органов безопасности и даже армейской разведки.

Может быть, именно этим объясняется странная пассивность правоохранительных органов, не удосужившихся за две недели посетить фашистский штаб. А также тем, что Баркашову позволили беспрепятственно вывезти свои документы, могущие пролить свет на пикантные взаимоотношения с властями. По информации из достоверного источника, московский штаб РНЕ переехал в район станции «Петровско-Разумовское». А большинство боевиков передислоцировались в Красноярск».

Последнее утверждение авторитетной газеты было явной ошибкой. Никто никуда не «передислоцировался». Все, как были, так и остались в Москве, переодевшись только в «цивильное платье».

У самого Баркашова оказался новый задушевный друг по фамилии Коган — один из несостоявшихся лидеров русского народа еще в Верховном Совете СССР, а ныне открывший на Профсоюзной улице какое-то липовое агентство социальных исследований, в помещении которого Сергей Бабурин начал свою новую предвыборную кампанию. Посещал заведение и Баркашов. Видимо, вопреки советам своего мудрого деда, ему не удалось избежать непосредственных контактов с евреем.

Конец у этой истории оказался совершенно неожиданным.

В канун Рождества, 22 декабря 1993 года, Баркашов шел пешком по тихой дороге одного из московских пригородов. Было 4 часа ночи. Баркашов шел один, без телохранителей. В этот момент в него выстрелили из проезжавшей мимо автомашины. Баркашов упал в снег с раздробленным бедром. Через 10 минут другая машина (хотя по этой дороге и за год не проезжает более пяти машин) подобрала Баркашова и отвезла его в таинственную номенклатурную клинику, куда простых людей не пускают даже в приемный покой. Там он был якобы опознан и отправлен в больницу МВД.

Кинувшимся туда журналистам заявили, что никакого Баркашова у них нет. Не оказалось его и в находящейся неподалеку больнице КГБ. Пока журналисты искали Баркашова, Министерство внутренних дел официально подтвердило факт задержания Баркашова и его огнестрельного ранения. Эти факты подтвердила и Лариса Дементьева — адвокат Баркашова, которая добавила, что жизнь ее клиента находится в опасности, и что ему предъявлено обвинение в незаконном ношении оружия и организации беспорядков.

Это породило новую волну слухов и вопросов. Что делал и куда направлялся Баркашов в 4 часа ночи на этой глухой дороге? Почему он был не на машине и без охраны? Кто находился в первой машине, из которой в него стреляли, и во второй, которая отвезла Баркашова в больницу?

Первым был запущен слух, что Баркашов решил распустить свою гвардию, и в качестве первого шага похитил из партийной кассы 2 миллиона долларов. Затем, что Баркашов и его люди причастны к убийству Поляничко. Нет смысла перечислять все слухи, но совсем не исключено, что именно Баркашов оказался в нашем списке единственным порядочным

человеком, чьими предрассудками и административными способностями просто воспользовались. Во всяком случае, он оказался единственным пострадавшим из всех перечисленных.

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ

Действуя в лучших традициях своей партии, товарищ Зюганов занимался подстрекательством, как громогласным, с балкона Белого Дома, так и келейным — в зале заседаний и около него.

Как только запахло жареным, Зюганов из Белого Дома смылся по-английски, не прощаясь. После событий его компартия была в очередной раз запрещена. По этому поводу товарищ Зюганов поднял визг, обвиняя власти в попрании демократии и свободы, в уничтожении легальной оппозиции и прочих смертных грехах.

Наивная демократическая пресса с возмущением отмечала: «Преступники именуют себя оппозицией и желают на равных участвовать в выборах… Еще не подведена черта под скорбным списком жертв коммуно-фашистского мятежа, еще не все его организаторы арестованы, еще витает над Россией призрак гражданской войны, а лидеры партий, сеющих ненависть, злобу, насилие, уже рвутся на выборы. Возмущены „попранием своих прав‟. Желают вновь предъявить обществу свои программы, кровавое воплощение которых мы наблюдали в ночь с 3 на 4 октября».

Товарищ Зюганов деликатно не назывался по имени, но приведенный выше комментарий был напечатан в ответ на зюгановскую статью «Коммунисты имеют право на место в парламенте».

Демократическая пресса, полыхающая священным гневом, явно не понимала происходящих в стране процессов, пытаясь подобными выражениями остановить товарища Зюганова. В то время как его возмущение было совершенно искренним. Он, правда, не маршировал, как Баркашов, не нападал на штаб СНГ, как подполковник Терехов, не таранил массами милицейские цепи, как Уражцев и Анпилов, не штурмовал мэрию, как Константинов, не претендовал на должность министра безопасности, как Бабурин, но его заслуги, возможно, не так эффектно выглядящие, тем не менее, огромны, и требуют признания.

Именно об этом и напомнил Зюганов министру юстиции Калмыкову. Растроганный министр лично отменил указ президента о запрещении компартии, и товарищ Зюганов, ко всеобщему изумлению, вновь обрел легальный статус, еще раз подтвердив свою непотопляемость. В итоге Зюганов и его приятель Иван Рыбкин, бывший лидером фракции «Коммунисты России» в Верховном Совете и приложивший немало сил, чтобы дать президенту повод этот Верховный Совет разогнать, оказались выбранными в Думу. Причем Рыбкин стал ее председателем, а товарищ Зюганов — лидером фракции коммунистов.

Снова попав в родную номенклатурную обойму, товарищ Зюганов немедленно начал проводить в жизнь священные идеи коммунизма, поставив на обсуждение Думы, по его мнению, наиважнейший вопрос: о предоставлении депутатам привилегий, связанных с их высоким положением. А именно: министерские оклады (750 тысяч рублей с постоянной индексацией), автомобиль с шофером для круглосуточного использования, телефоны-вертушки, ежегодное пособие в 3000 долларов, дипломатические паспорта, бесплатный проезд и пролет в любую часть мира, спецполиклиники, спецдачи и многое другое, без чего не мыслит своего существования настоящий коммунист.

Фракция Зюганова оказалась *единственной* в Думе, проголосовавшей за эти привилегии *единогласно*. Все 45 депутатов-коммунистов проголосовали «за». Даже у либералов-

жириновцев трое были против, равно как и у «аграриев» — трое. А коммунисты все были «за», еще раз подтвердив, что являются законным авангардом рабочего класса.

Это как раз именно те «бессмертные идеи», за которые товарищ Зюганов готов сражаться всю жизнь до последней капли нашей крови.

«Мечи-заточки» хорошо поработали. Тем более, что они были как бы маленькими и не очень заметными людишками. Расходным материалом большой политики.

А те, кто возомнил себя крупными государственными деятелями, что, прежде всего, предполагает умение правильно представлять и анализировать обстановку, оказались полными ничтожествами, позволившими обыграть себя в наперсток. «Мечи-заточки» не только провоцировали хаос, но и дезинформировали свое любимое руководство.

Мы уже говорили о роли Бабурина, который на последней стадии событий стал председателем комитета по курированию силовых министров, снабжая их информацией, говорящей о непременной победе и побуждающей на дальнейшие действия 2 октября, когда уже все капканы и ловушки были расставлены, готовые захлопнуться от одного неосторожного движения (что и произошло). Интересно взглянуть, как себе представляли обстановку люди, имевшие смелость претендовать на руководство государством. Вечером 2 октября, «президент» Руцкой давал очередное интервью корреспондентам. На вопрос: «Как будут развиваться события в связи с ультиматумом, который предъявлен президентом?»

— Руцкой, в своей воинственной манере, ответил:

— Если человек вне закона, какой он может ставить ультиматум?

— И все-таки за властью — сила, — предположил корреспондент «Московских новостей».

— Пусть только попробуют сюда сунуться, — зарычал в ответ Руцкой. — Они все здесь лягут. Мы будем отстаивать Конституцию до последнего патрона…

— Можно ли надеяться, — поинтересовался журналист, — что вы и Ельцин найдете общий язык?

— Это исключено, — резко заявил Руцкой. — Этот человек потерял совесть, честь и достоинство. Я никогда не соглашусь, что мною руководили такие вот ублюдки… Если сюда кто-то сунется, я нарублю столько, что им и не снилось.

Весь мир слышал зажигательные призывы Руцкого всем, «кто может носить оружие, идти на „Останкино“ и быть готовыми к захвату Кремля».

Затем Руцкой впал в истерику, забыв о «последнем патроне», визжал, требуя международных гарантий своей личной безопасности, ругался матом и сдался в плен. Он шел, спокойно переступая через трупы молодых людей, почти мальчишек, погибших из-за того, что не разглядели под пышными, «а ля Чапаев», усами, за дешевой бравадой об «офицерской чести» и «последнем патроне» трусливое и глупое ничтожество, профессионального предателя, предавшего и их молодые жизни, злобного маньяка, пытавшегося вызвать авиацию для ковровой бомбежки Москвы.

Отправленный на пять месяцев в Лефортово, Руцкой был выпущен на свободу по амнистии. И что вы думали? Он появился (единственный) на воле в полной генеральской форме (даже Ачалов, Макашов и Дунаев были в штатском) со звездой Героя Советского Союза, и тут же заявил, что желает выставить свою кандидатуру в президенты на выборах 1996 года.

Нетрудно предугадать, что будет, если Руцкой станет президентом.

Обыгранный гораздо более опытными «наперсточниками», он заведет страну в очередной смертельный тупик, призовет всех сражаться до последнего патрона, немножко побомбит наши города за недостаток преданности, затем потребует международных гарантий своей личной безопасности и сдастся в плен. Голосуйте, люди русские!

Даже мудрый Хасбулатов 2 октября громогласно вещал с балкона Белого Дома: «С фашистом и диктатором Ельциным пора кончать. Сейчас под руководством исполняющего обязанности президента (Руцкого) готовится штурм Кремля. Кремль сегодня должен быть взят!»

Пройдут сутки, и Хасбулатов будет арестован, и вместе с остальными отправлен в Лефортово. Через пять месяцев его выпустят на свободу без суда и следствия.

Министр внутренних дел Белого Дома генерал Дунаев, комментируя слова министра внутренних дел Ерина о том, что весь личный состав МВД поддерживает Ельцина, сказал: «Я не знаю, откуда Ерин взял сведения о всеобщей поддержке сотрудниками МВД Ельцина. Я созвонился со всеми начальниками главков МВД, и каждый из них заявил: „Андрей Федорович, я за вас… но вы меня пока не называйте".

Дунаев даже не знал, что накануне все начальники главков МВД были произведены в следующий чин, а министр Ерин стал генералом армии. Ему еще предстоит стать Героем России, а Дунаеву — отправиться в Лефортово (впрочем, ненадолго).

Министр госбезопасности Баранников, как и подобает человеку его должности, заявил: «Мы очень внимательно следим за тем, кто как реагирует на антиконституционный указ Ельцина, и смею вас заверить, что люди, его выполняющие, будут привлечены к ответственности» (по подрасстрельному закону Сергея Бабурина).

— Все?! — ужаснулся корреспондент.

Баранников пояснил, что он, главным образом, имеет в виду журналистов, «которые без конца врут, подавая информацию в одностороннем порядке».

Будучи спрошенным, зачем он встречался со Степашиным и Черномырдиным, где клялся в верности Ельцину, Баранников резко ответил: «Это была очередная ложь. Никому ни в чем я не клялся… Это мерзкая подтасовка». Баранникова первым выпустили из Лефортово, когда у него поднялось артериальное давление. А затем амнистировали вместе с остальными.

Отпустили и подполковника Терехова, который решил больше политикой не заниматься, а продолжить научные исследования в области государственного права. Слава Богу, что он пока не собирается баллотироваться в президенты.

В Белом Доме был задержан и тут же отпущен, вместе с именным пистолетом, полковник Колосков, прибывший 28 сентября на защиту Белого Дома вместе с батальоном «Днестр». Сам батальон как прилетел в Москву, так спокойно и улетел, как будто прибыл на туристскую экскурсию. Правда, потерял пару человек в перестрелке.

Вместо эпилога

«Ворон ворону глаз не выклюет!» — это старое правило, применяемое почти без исключения в послесталинских аппаратных разборках, восторжествовало и на этот раз. Во имя принятия новой Конституции и общенационального примирения всем участникам октябрьских событий была дарована амнистия. Заодно она пожалована и всем участникам августовского путча.

Спрашивается, а кто ответит за сотни убитых, раненых и искалеченных, за огромным материальный ущерб? За моральный ущерб, когда наша страна в который уже раз была выставлена на потеху всему свету? На такую потеху что даже президент США Клинтон не прервал своей поездки в отпуск в Сакраменто и только посмеивался, читая сводки из Москвы. (В отличие от президента Буша, который в августе 1991 года не спал ночей, ожидая информации из Москвы).

Кто ответит? Да никто.

Кто ответил за миллионы и миллионы убитых, по трупам которых шагали учителя товарища Зюганова? Никто не ответил. А о таких мелочах, как какие-то там полторы тысячи убитых и искалеченных, и говорить-то стыдно. Ибо у наших руководителей простая

психология: мы все рождаемся на свет только для того, чтобы, когда прикажут, умереть за них.

После амнистии в стране, которая уже прожужжала уши всему миру, что стала правовым государством, сложилась уникальная юридическая ситуация: целая гора трупов есть, а виноватых нет.

Мне жаль мальчишек, которые так любят носить портупеи и «камуфляж», чью юношескую доблесть и обостренное чувство справедливости так любят эксплуатировать разномастные злобные и амбициозные авантюристы и хитрые провокаторы, бросая их на смерть и скрываясь затем за их окровавленными трупами, успевая при этом еще что-то откусить от пропитанного чужой кровью политического пирога. Мне, повторяю, одинаково жаль этих мальчишек, которые пытались взять «Останкино» и защищали Белый Дом, как и тех, кто от них так же доблестно отбивался и погиб, штурмуя Белый Дом.

Об их трупы с одинаковой непринужденностью вытерли ноги как те, кто использовал их доблесть и молодые жизни, чтобы вскарабкаться на новую ступеньку власти, так и те, кто боялся соскользнуть с уже занятой ступеньки.

Мне жаль нашу страну, где даже кандидатами в президенты могут быть такие люди, как Руцкой, Бабурин или Зюганов, не говоря уже о Жириновском. Потому что о нем разговор особый.

Не за горами новые президентские выборы, и уже ясен расклад претендентов. Это — Руцкой, и чего от него можно ожидать, уже подробно описано. Это — Бабурин, который еще будучи депутатом, мечтает о массовом терроре. Это — Жириновский с его «Последним броском на юг» и «Последним поездом в тундру». А это значит, что нас ждут новые аппаратные разборки за перераспределение собственности и денег покойной КПСС. Конечно, можно было закончить эту книгу какой-нибудь эффектной фразой типа «Белый Дом горел всю ночь. Красно-коричневое зарево вставало над Москвой и всей Россией» Но это чушь.

Октябрьские события в Москве открыли дорогу новой эпохе, небывалой даже в искалеченной истории нашей Родины. Это эпоха ПОЛИТИЧЕСКОЙ КЛОУНАДЫ. Клоуны превратились в политиков, а политики — в клоунов.

Но КЛОУНАДА — это особый жанр, который, как хорошо известно, кроме чисто развлекательной, несет в себе и другие функции. Когда на политической авансцене визжат, воют, ругаются и дерутся клоуны, отвлекая на себя внимание общества, в глубине затемненной сцены происходит либо смена декораций, либо смена актеров

Либо и то, и другое

Будьте внимательны! Не дайте следующему отделению со смертельными трюками застать вас врасплох.

Санкт-Петербург, декабрь 1993 — март 1994

Примечания

1

Почему-то все напрочь забыли, что арест ученых произошел после публикации статьи в американской газете «Балтимор сан» спустя месяц после выпуска «Московских новостей». Видимо, связь статьи в «Балтимор сан» и именами ученых так и не удалось доказать, а в газете «Московские новости» практически секретных данных не было.

2

Трое школьников 8-го класса из Калининграда Московской области, фамилии которых известны автору, приехали к Белому Дому и получили автоматы по ученическому проездному билету. Разоружены были только дома, чуть не натворив больших бед.

3

Подробнее об этом см. в моей книге «Золото партии».

4

Встречу на пандусе Белого Дома Савостьянова с Тереховым видели многие, так что сам Савостьянов вынужден был как-то это объяснить. Выступая позднее на пресс-конференции, шеф МГБ столицы рассказал, что взял с Терехова «слово офицера» о том, что ни он сам, ни его люди не устроят в городе никаких провокаций. К Баранникову же он ходил якобы затем, чтобы предупредить о последствиях незаконной раздачи оружия. О чем они кратко поговорили в кабинете, неизвестно, но на следующий день Баранников в истерике прибежал к генералу Степашину, заверяя его в своей преданности президенту Ельцину. Баранников, если верить Степашину, уверял его, что пришел в Белый Дом исключительно для того, чтобы воспрепятствовать попаданию оружия в «преступные руки». Неизвестно, чем подбодрил Баранникова Степашин, но после разговора с ним Баранников вернулся в Белый Дом на пожалованную Руцким должность министра безопасности и оставался там до самого конца, т. е. до отправки в Лефортово.

5

Именно в это время мэр Петербурга Собчак погнал с должности своего вице-мэра адмирала Щербакова. Разъяренный адмирал устроил пресс-конференцию, где наряду, с угрозами в адрес Собчака, поведал, что штаб ОВС СНГ, всего лишь гостиница, где он неоднократно останавливался, и словом офицера заверил всех присутствующих, что «попытка захвата здания — чистейшей воды провокация». Никто и не спорит. Только провокации всегда устраивают провокаторы.

6

Позднее Терехов изменил свои показания и признал, что «это было сделано для того, чтобы активизировать действия нового министра обороны генерала Ачалова», который вел себя слишком пассивно.